

ЗАПАДНЯ

А. ФЕДОСЕЕВ

А. ФЕДОСЕЕВ

ЗАПАДНЯ

А. Федосеев

Западня

Человек и социализм

ПОСЕВ

Обложка работы художника
Виолы Мослеховой

2-е издание, 1979 г.

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1976
Frankfurt/Main
Printed in Germany

Вступление

Жизнь в СССР чрезвычайно примитивна. Все главные и определяющие жизнь населения вопросы решаются только на самом верху государства, в Политбюро. Самим жителям разрешается лишь выполнять свои трудовые обязанности и на строго обывательском уровне взаимодействовать между собой. Причем даже и эта весьма примитивная деятельность подлежит опеке государства. Имеется целый набор писанных и неписанных правил, как встречаться с людьми, о чем можно говорить и о чем нельзя, как воспитывать детей, как, наконец, строить свою семейную жизнь.

Если человеку станет невозможно жить в данном месте, ему очень и очень нелегко будет его переменить: такой шаг лишит его жилища и даже куска хлеба.

За годы советской власти государственное планирование и регулирование постепенно настолько усовершенствовались и проникли во все мельчайшие поры жизни, что, образно говоря, и чихнуть нельзя без оглядки на правила.

Неудивительно, что люди ищут каких-нибудь (естественно, нелегальных или порицаемых) отдушин: в пьянстве, склоках, мелких (крупные — в ведении государства) интригах. Ищут способов наказать всесильное и страшное государство, воруя казенное имущество, тайком портя его и, конечно, в массовом порядке занимаясь саботажем на «трудовом фронте».

Удивительно другое — что все же основная масса населения в таких страшных условиях сумела (правда, в трудно вообразимой для постороннего человека комбинации греха и святости) тайно сохранить свое чистое человеческое лицо, которое неожиданно, как при свете молнии, вдруг возникает на фоне кромешной темноты и оставляет неизгладимый след в душе случайного зрителя.

Все население — сверху донизу — старается найти выход из той западни, в которую оно попало, и ценит на вес золота любую информацию, хоть как-то объясняющую это, столь трагическое, положение.

Как это ни покажется странным, но и Политбюро тоже лихорадочно ищет выход. При этом от всего остального населения его отличает лишь одно: для Политбюро приемлем только такой выход, который не лишает его власти. И во имя сохранения этой власти (без которой не было бы планирования и регулирования, как без планирования и регулирования не было бы и этой власти) оно лишает буквально все население — снизу доверху — информации не только о внешнем мире, но и, главным образом, о причинах и мотивах собственных действий и о реальной обстановке в стране.

Если прекрасно информированное Политбюро не в состоянии найти выход из западни, в которой находится и оно само, то что говорить об абсолютно лишенном информации населении, которому за попытки мыслить грозят самыми жесточайшими наказаниями.

Я коренной житель России и советской России (родился в 1910 г. в Петербурге и прожил 54 го-

да в СССР). Волею судеб (а не благодаря государству) мне удалось получить хорошее образование и некоторый доступ к источникам информации, которыми не располагает население. В то же время, моя инженерная и научная деятельность (я был далек от политики, как таковой) непрерывно приводила к столкновениям с жестко регламентированной хозяйственной системой. Как человек по природе склонный к соблюдению законов, я в течение многих лет пытался добраться до коренных причин этих столкновений, чтобы научиться их избегать. Это, в конечном итоге, привело меня к пониманию сущности социализма и СССР.

Оказалось, что все внутренние и внешние проявления социализма (включая и мои столкновения с его системой) отнюдь не бессмысленны и хаотичны, а строго логичны и целесообразны, причем система социализма доведена в СССР до полного логического, технического и социального совершенства. И именно это совершенство социализма в СССР привело к постепенному превращению людей в винтики и болтики этого стройного механизма.

Такая мысль о совершенстве советской социалистической государственной системы может для очень многих в СССР показаться дикой и, тем не менее, это так. Каждый мог бы прийти к этому выводу сам, если бы имел доступ ко всем уровням жизни и к соответствующей информации и затратил бы немало времени на размышления.

Этот вывод означает только одно: выбраться из западни можно лишь разрушив ее, то есть разрушив социализм и построив нормальное че-

ловеческое общество. Никакое усовершенствование социализма принципиально не может призвести к жизни, приемлемой для человека. Социализм есть система государственного планирования, а совершенствование планирования вполне логически и приводит к тому, что мы переживаем в СССР, включая и террор, и насилие.

Эти соображения, конечно, я не мог ни публиковать, ни свободно обсуждать в СССР и поэтому сейчас, находясь за его пределами, я изложил их в этой книге. Чтобы читателю было яснее происхождение моих взглядов, я попытался дать, кроме того, историю своей жизни.

Часть I

Обыкновенная история

ДЕТСТВО. РОДСТВЕННИКИ И БЛИЗКИЕ. РЕВОЛЮЦИЯ

Родился я в Петербурге на Петергофском проспекте в доме, напротив которого сейчас находится кинотеатр «Москва». Проспект же сейчас называется проспектом имени Газа. Было это 14 июня 1910 года. Мой отец, Павел Дементьевич Федосеев, происходил из крестьянской семьи, жившей в бывшей Тверской губернии. Деда и бабушку со стороны отца я почти не помню. Знаю только, что бабушка была очень властной и деспотичной, держала и мужа, и детей в ежовых рукавицах. Ее муж, мой дед, большую часть времени проводил в Петербурге, работая в качестве мастерового. Смутно вспоминаю дом и крыльцо в деревне, куда меня привозили родители повидать бабушку. Дед был, как говорят, не дурак выпить и ему за это от бабушки доставалось. Но помню, что держался дед весьма с большим достоинством и выглядел вполне солидно и положительно, я даже сказал бы, судя по фотографии, и интеллигентно. Известно, что он пользовался общим уважением и был в городе на очень хорошем счету как весьма способный работник.

Моему отцу удалось закончить четырехклассное училище. Примерно такое же образование получил его брат Николай и сестра Валентина. По рекомендации деда отец поступил работать в Мариинский театр (ныне имени Кирова) электромонтером; там он работал довольно долго, пока его не забрали в армию, где он служил в так называемой автомобильной роте. Его сестра Вален-

тина унаследовала от бабки весьма жесткий характер и выйти замуж ей так и не удалось. Она всегда подчеркивала свою высокую организованность, независимость и самостоятельность и на жизнь никогда не жаловалась, хотя и жила нелегко. Я помню, мне приходилось уже после революции навещать ее в Басковом, кажется, переулке недалеко от Знаменской площади (ныне площадь Восстания). Огромная квартира, почему-то с занавешенными окнами, полутемная и заставленная старой, раньше роскошной мебелью, была заселена мне неизвестно кем; тетя Валя, как я ее называл, жила в небольшой комнате с очень простой обстановкой и строгим порядком. Она рассказывала мне о мотогонщике, который ей очень нравился, с которым она встречалась и за которого, видно, хотела выйти замуж. Однако он, в конце концов, во время одной из мотоциклетных гонок разбился насмерть. Так ее мечты и закончились трагедией. Перед второй мировой войной она как-то незаметно исчезла и больше мне не только не удалось ее увидеть, но и даже услышать о ней что-либо.

Дядя Николай, кажется, был военным и скитался по всей России. Я помню лишь одну встречу с ним, когда он приехал к нам с женой и ребенком. Его жена, полная и чрезвычайно красивая белокурая женщина, страшно поразила мое воображение тем, что несмотря на свою красоту была очень простой, задушевной и общительной. Почему-то мне тогда казалось, что таких женщин можно наблюдать только издали и с особым ритуалом почтения. Уже тогда даже мне было видно, что дядя Коля сильно выпивает и на этой почве между ним и его женой все время возни-

кали скандалы, хотя жена его очень любила. Мужчина он был высокий, стройный, симпатичный на вид и мягкий в обращении. Нравился он не только своей жене.

Тоже перед войной и так же, как тетя Валя, он и его семья таинственно и навсегда исчезли с горизонта.

Моя мать родилась в Петербурге, в многочисленной семье судового слесаря, проработавшего всю жизнь на франко-русском заводе (ныне имени Марти). Мой дед по матери, Василий Иванович Тимофеев, был еще в большей степени не дурак выпить, чем дед по отцу, но отличался от него значительно меньшей амбицией, хотя на заводе был тоже на очень хорошем счету и был вполне уважаемым человеком. Насколько я помню, это был мужчина скорее низкого, чем среднего роста, со значительной лысиной, идущей со лба, средней комплекции и, я бы сказал, совсем невыразительный. Однако держался в семье он весьма самостоятельно, и моя бабка, Ксения Ивановна, старалась поддерживать его самостоятельность, пытаясь в то же время умно и не навязчиво удерживать его от пьянства. Думаю, что если бы не она, он бы давно спился. Бабка была очень религиозна, но никому не старалась навязать свои воззрения или религию. Безусловно, она обладала незаурядным умом, прирожденным тактом и чувством собственного достоинства. Свои многочисленные несчастья (главным образом из-за пьянства мужа и сыновей) она переносила с верой в Бога, никогда и никому не жалуясь.

Жили они на площади, в середине которой возвышался окруженный хорошим садом храм Михаила Архангела. Моя бабка, конечно, была рев-

ностной и уважаемой прихожанкой этого храма, знавшей и строго соблюдавшей все обряды и правила христианской веры. Сейчас этого храма, конечно, уже нет. Я в нем бывал несколько раз по приглашению бабки, а раза два и самостоятельно, в школьном возрасте. Я помню, мне тогда чего-то не хватало в жизни, в душе бродили какие-то смутные чувства, хотелось что-то искать, что-то найти, выйти за пределы своей, довольно ограниченной, жизни. И тогда, в храме, я испытал какие-то новые, волнующие чувства. Толстые стены, полумрак, освещаемый колеблющимся светом многих свечей, желтые лица святых, смотрящие на меня с серьезным состраданием, стройный хор голосов, уносящихся в высокое сумеречное пространство над головой... Все это создавало необыкновенное чувство нарушения связи со всей моей обычной жизнью и перехода в другой, торжественный и прекрасный и одновременно строгий и ласковый незнакомый мир. С тех пор мне больше не приходилось почувствовать это состояние. Как неожиданно оно пришло, так же неожиданно и безвозвратно ушло.

Дед Василий Иванович умер еще перед второй мировой войной, а бабка умерла в начале блокады Ленинграда от голода, отдавая все последние крохи, достававшиеся ей по карточкам, другим. Умерла тихо и незаметно всё с той же непоколебимой верой в Бога и Его непогрешимость. Я уверен, что она умирала с твердым сознанием того, что неизбежно предстанет перед пресветлыми Его очами и будет Его просить о спасении страдавших людей.

Кроме моей мамы, Татьяны, у бабки была еще одна дочь, Аграфена (Груня), и трое сыновей:

Дмитрий, Георгий и Иван. Дмитрий умер еще в детстве, а Георгий и Иван дожили до второй мировой войны. Тетя Груня жива еще до сих пор. Незлобивый, терпимый характер и миловидность тетя Груня унаследовала от бабки. Однако веры и религиозности у нее уже не было и, приходится сказать, что от этого она не стала лучше. Очевидно, есть какая-то незаметная граница, за которой незлобивость и терпимость могут перейти в отсутствие твердой морали. Вера и религия делают эту границу менее легко переходимой. Во всяком случае, среди ее многочисленных детей (кажется, восемь человек), по крайней мере, трое имели и имеют до сих пор столкновения с законом. В то же время, ее старшая дочь Маня — на редкость высокопорядочный и уважаемый человек. Муж тети Груни был малограмотным слесарем и к тому же пьяницей. Мучиться ей и детям с ним пришлось немало. В начале второй мировой войны, кажется, перед самой блокадой Ленинграда, он неизвестно куда исчез.

В те времена исчезало бесследно огромное количество людей, которых забирали в ополчение или на рытье оборонительных рвов или сажали в тюрьму за нарушение весьма жестких законов военного времени. Одновременно с ним исчезли дядя Ваня, его жена Ольга и дядя Гога (Георгий), оставивший свою жену, тетю Нюру, с маленьким ребенком на руках безо всякой помощи.

Надо сказать, что у всех них судьба очень похожа. Дядя Ваня работал в типографии наборщиком, а его жена — в ленинградском порту грузчицей. По силе и грубости Ольга была, пожалуй, похуже мужчины. Как и дядя Ваня, она тоже была пьяницей. Во время пьяных ссор Ольга все-

гда одерживала верх над дядей Ваней, хотя он был совсем не слабым; часто она связывала его веревкой по рукам и ногам и дразнила его. Дядя Ваня ее боялся. Однако они все же были более или менее спокойной парой. Мастером по части дебошей был дядя Гога: невзрачный, низенький, слабосильный, он отличался необычайным гонором. Работал он строгальщиком, но, кажется, и на работе не славился хорошим поведением. О том, что дядя Гога пьян, немедленно узнавали в доме все, так как он всегда устраивал страшный шум и лез в драку. Весь он был в шрамах, и пальцы на левой руке были искалечены и не работали. Как он вообще оставался жив, совершенно непонятно, так как его не раз ударяли и ножом. Видимо, очень был живуч. Но и это ему не помогло пережить вторую мировую войну.

У моей жены тоже исчезли родственники: два брата. Один, самый молодой, попал во флот, кажется, на крейсер или эсминец, который находился в Балтийском море. В самом начале войны немецкая авиация расстреляла и потопила этот корабль и с ним новоиспеченного матроса. Второй, старший, брат бесследно исчез, будучи в ополчении на финской стороне Невы в районе Дубравки, оставив дома жену с маленьким сыном на руках.

Так в те времена гибли люди, разрушались семьи.

Вернемся, однако, к основной нити рассказа. Моя мать, как и все дети в семье ее родителей, получила только начальное образование. В те времена простой народ не был так убежден в необходимости более серьезного образования, как это стало позднее. Большинство считало важным при-

обрести определенную полезную профессию, дающую прочную жизненную базу. Моя мать до замужества и получила такую профессию — портнихи. Она была прекрасной мастерицей и это впоследствии очень облегчало жизнь нашей семьи, особенно в трудные послереволюционные годы.

Кроме того, она умела готовить самые разнообразные и необыкновенно вкусные кушания из весьма простых продуктов. И я должен сейчас, при всем моем жизненном опыте, сказать, что она обладала настоящим талантом в области кулинарии.

Последние годы перед революцией мы всей семьей жили в отдельной квартире в большом доме на Английском проспекте (сейчас проспект Маклина) недалеко от известной шоколадной фабрики «Жорж Борман» и в нескольких кварталах от Мариинского театра. Одну из комнат в квартире занимал наш жилец — мастер, работавший на фабрике «Жорж Борман» и часто угощавший нас, детей, очень вкусным шоколадом. В это время нас уже было двое: в 1914 году родилась сестра Тоня (Антонина). Хотя мама и не работала, у нас была няня Нюша, так как мне еще было 5-6 лет, а сестра была совсем маленькая и управляться с нами было, конечно, нелегко. Об этом времени у меня сохранились очень смутные, но весьма приятные воспоминания.

Отец был освобожден от военной службы и, как уже весьма опытный в технических вопросах человек, служил инженером отдела зернохранилищ Государственного Банка. Дело в том, что он был весьма любознателен, много читал, охотно брался за разрешение всяких практических технических вопросов, возникавших в процессе ра-

боты, и поэтому путем самообразования достиг много больше тех, кто учится годами в учебных заведениях. Тогда еще человек мог получить работу в соответствии с его делами и реальными знаниями, не имея обязательного диплома.

Работа в отделе зернохранилищ была связана с частыми выездами в разные места России, где находились зернохранилища (их еще называли элеваторами: это были высокие многоствольные башни, в которые зерно засыпалось с помощью подъемников-элеваторов). Мама очень часто ездила вместе с ним и, бывало, со мной. Отец вообще очень любил ездить, встречаться с новыми людьми, иметь дело с новой обстановкой, с новым оборудованием, с новыми задачами. Эта страсть сохранилась у него до самой смерти.

Мать, очевидно, тоже не была против такой жизни. Так они изъездили всю Россию: Таганрог, Пенза, Саранск, Самара, Грязи, Тамбов и т. д. Конечно, такая жизнь очень обогатила жизненный опыт моих родителей. Очевидно, этот опыт и привел в период Февральской революции 1917 года, когда в Петрограде стало очень голодно, к решению эвакуироваться на юг. Впрочем, уезжала не только наша семья, но много других семей служащих отдела зернохранилищ. Эвакуировавшиеся получили в свое распоряжение целый пассажирский поезд. В это время (весною 1917 года) у меня появилась и вторая сестра, Шура (Александра).

Так мы оказались в казацкой станице «Дубинка» под городом Екатеринодаром (ныне Краснодар), на известной и большой реке Кубани, среди кубанских казаков. Поселились мы в большом одноэтажном деревянном доме с большим фрукто-

вым садом (яблоки, груши, вишни, черешни, сливы). В нашем распоряжении были две или три комнаты, обширный двор. Все содержалось в чрезвычайном порядке и чистоте. Двор был отделен от улицы высоким глухим деревянным забором, выкрашенным зеленой краской. За забором была очень широкая станичная улица, посреди которой действовала трамвайная линия, соединявшая станицу с центром Екатеринодара. Вдоль деревянного тротуара росли сплошным рядом большие деревья шелковицы. В сезон ягоды шелковицы падали на тротуар и были любимым моим лакомством.

Но и не только фруктами была богата тогда кубанская земля. Было вдоволь и белого хлеба, и мяса, и рыбы, и масла, и молока...

Недалеко был завод подсолнечного масла. Свежее, ароматное подсолнечное масло было настолько вкусно, что его можно было полить на белый хлеб и есть не посолив. Я пробовал это делать много-много лет спустя с маслом, купленным в магазине. Однако вкус оказался отвратительным. Масло было совершенно другим, хотя и с тем же названием. Так было с продовольствием на Кубани, когда в Петрограде люди уже умирали с голоду. И я впоследствии поражаюсь предусмотрительности и интуиции моих родителей.

Интересно отметить еще и другие особенности тех времен. Ездить по всей стране, как это делали мои родители, было достаточно легко. Везде можно было найти работу, пищу, жилище. Устройство на новом месте, конечно, требовало определенных хлопот, но не очень больших. В 30-х годах и позднее такие переезды, в особенности с семьей, можно было делать только под давлением

крайних обстоятельств, так как и нужную работу, и жилище (самое что ни на есть скромное) найти было исключительно трудно, а иногда и невозможно. Не сто́ит уже и говорить о таких административных препятствиях, как паспорт, прописка и т. д. и т. п.

Объясняется это также и тем, что раньше средний уровень жизни был очень прост, но и очень высок (по сравнению с нынешним в СССР) — в смысле пропитания и жилья. Поэтому человек меньше боялся покинуть завоеванное им место в жизни и искать и завоевывать другое. Любой профессионал мог бы заработать на жизнь и получив место, скажем, кладовщика или чернорабочего (это, конечно, крайний случай). Сейчас такая перемена приведет к нищете и полуголодному существованию.

В те времена такие контрасты, как Кубань и Петроград, можно было наблюдать сплошь и рядом. Иногда даже на небольших расстояниях, когда какое-либо место не было соединено железной дорогой со всей Россией. Поэтому, поездив по стране, всегда можно было найти подходящее место для жизни. Нужно было только быть достаточно активным и опытным. Сейчас, куда бы вы ни поехали, везде одинаково ужасные условия жизни. В столице и крупных городах жить несколько легче, но попасть в них — целая проблема.

Сейчас наша тогдашняя жизнь кажется каким-то чудом. По всей стране бушевал пожар гражданской войны. Свирепствовали голод и разруха. Люди гибли тысячами и сотнями под пулями и ударами шашек, а еще больше от голода, тифа

и других болезней военного времени. А здесь, на Кубани, шла нормальная спокойная жизнь. Отец организовал электротехническую артель, по-видимому, неплохо зарабатывал и мы ни в чем не нуждались.

Я с мальчишками ловил головастика в канавах, пытался выяснить, как они превращаются в лягушек. Ходил на Кубань ловить раков, и мама часто устраивала маленькое пиршество, сварив моих раков в соленой воде. Река была тогда, конечно, чистая. Сейчас на Кубани раков нет: они могут жить только в очень чистой воде — гораздо более требовательные, чем рыбы.

Здесь я начал учиться в школе. Но еще до школы я умел и любил читать. В местной, весьма неплохой библиотеке, помещавшейся в большом каменном здании, я перечитал уйму популярных книг об астрономии, о происхождении человека и т. д. К 9-10 годам у меня уже была вполне определенная точка зрения по вопросу о происхождении мира и человека.

Гражданская война все же не совсем обошла нашу станицу. Два или три раза станица переходила из рук в руки. Но происходило это как-то совсем без разрушений и страшных сцен. Засыпая вечером при одной власти, мы просыпались утром уже при другой. Дважды я с верхушки забора (мама не разрешала бегать на улицу) наблюдал парады казачьих войск, проходивших по улице после очередной победы.

Помню такую сцену. Сияет солнце, на небе ни облачка. Все — на дворе перед домом и, задржав головы, смотрят на небо. Мама с сестрой Шурой на руках тоже смотрит на небо. А вверху, над нами, со свистом проносятся снаряды, которые

я, как ни стараюсь, увидеть не могу. Самое же страшное впечатление от гражданской войны осталось от следующего. Я с мальчишками бегу по мирной широкой улице между низеньких белых домиков, прячущихся в зеленых садах. День светлый, сияет солнце. Настроение радостное, и в голове самые приятные мысли о предстоящей ребячьей операции: то ли о купании, то ли о ловле головастика. И вдруг мы останавливаемся, как вкопанные: в полузаросшей травой канаве, идущей вдоль улицы, лежит, скорчившись, человек в нижнем белье, лицом вниз. На подштанниках яркое пятно то ли крови, то ли экскрементов. Человек мертв. Кругом, кроме нас, никого и совершенно тихо. Эта картина и до сих пор жива в памяти и вызывает неприятное чувство чего-то рокового, невидимо нависшего над головой и готового обрушиться в любой непредвиденный момент.

После установления советской власти на Кубани мы переехали в Москву.

Поселились мы на шестом этаже огромного дома в Курском переулке у Курского вокзала. Квартира была с балконом, с которого я мог глядеть на улицу.

Мои впечатления от этого периода жизни очень бедны. Помню, что я каждый день ходил в школу пешком через всю Москву по бульварам до Никитских ворот. Вероятно, в других школах среди учебного года не было места для нового ученика. На следующий год я перешел в школу поближе. Видимо, я уже был достаточно самостоятелен, поскольку однажды мама послала меня продавать на знаменитый Сухаревский рынок граммофонные пластинки. Дела наши, очевидно, были не блестящи, и поэтому приходилось продавать «остатки прежней роскоши», которые удалось каким-то чудом сохранить на протяжении этих бурных лет. Мне запомнилась огромная пожарная каланча посреди огромной площади, заполненной плотной, шевелящейся толпой серых, истощенных, оборванных людей. Помню чувство подозрительности и страха, что у меня отнимут пластинки или обманут. Однако этого не произошло и я с успехом выполнил поручение. По-видимому, в среднем, народ хоть и был голоден и нищ, но в чем-то сохранял чувства чести, совести и собственного достоинства.

Жить в Москве было очень трудно, отец решил поехать за продуктами на благословенный юг и

взял меня с собой. Из всего путешествия помню только такую картину.

Ростов-на-Дону. Наша теплушка (о пассажирском вагоне можно было тогда только мечтать) в составе поезда стоит под горой. С другой стороны — Дон. Солнце. Кучи народа на путях. Люди, сидящие на полу теплушек, свесив ноги на дорогу. У нас в теплушке железная печка, и отец жарит свежую, только что купленную или вымененную рыбу. Рядом стоит большая банка со сметаной, кругом разносится аппетитный запах жарящейся рыбы. Последствия этих приятных ощущений были тяжелыми. Пока теплушка добиралась до Москвы, подхваченная мною со сметаной дизентерия прошла инкубационный период и я еще в дороге успел сам настрадаться и измучить отца.

В Москве мы пережили начало нэпа. Я отчетливо помню, что нами, детьми, это было воспринято как некоторое чудо. После долгого голодного существования на картофельных очистках, жмыхах и т. д., вдруг на столе появилась белая, румяная сайка и даже маленькая веточка винограда. Может показаться странным, что мама решила наши, наверняка страшно скудные, ресурсы потратить именно на эту веточку винограда. Куда полезнее было бы купить, скажем, мяса или больше хлеба. Однако мне это совершенно понятно. После трех лет жизни на юге среди огромного количества самых разнообразных фруктов, именно их недостаток чувствовался особенно остро. Кисточка винограда была ключом, открывавшим просторы памяти о благословенном юге, и мы наслаждались не столько мгновенным ощущением на языке нескольких ягодок винограда,

сколько воскрешениями наших южных воспоминаний.

Где-то около 1922 года мы все, наконец, переехали снова в Петроград и поселились в том же доме, где жили мамины родители. Учиться мне опять пришлось ездить далеко, почти к самым Нарвским воротам. Там я закончил начальную школу — пять классов. Любопытно, что несмотря на переезды, мне удалось не пропустить ни одного класса. Я думаю, что так получилось потому, что я появлялся в новой школе каждый раз посреди года (не устраивать же для одного мальчика специальных процедур), а также потому, что школьная администрация в те времена имела большую свободу действий. Я просто постепенно вживался в новые условия и, как видно, вполне успешно.

Отцу предложили хорошую работу: место заведующего электрохозяйством большой писчебумажной фабрики в поселке Кувшиново Тверской губернии на реке Осуге. В середине 1923 года мы туда переехали и поселились в стоявшем на территории фабрики превосходном одноэтажном доме, окруженном садом. В доме было три больших комнаты с выходившей в сад верандой.

Фабрика раскинулась очень широко вокруг плотины на реке, создававшей довольно большое озеро — водоем для обслуживания бумажного производства. В этом озере водились окуни, а у плотины — налимы. Зимой лед на озере расчищали от снега и получался прекрасный каток. Верхнее течение реки Осуги служило для сплава леса — сырья для производства бумаги. Во время сплава леса мы с мальчишками развлекались ба-

лансированием на толстых бревнах в воде, прыжками с бревна на бревно и беганием по ним.

Зимой длинные ряды поленниц из этих бревен вдоль берегов озера служили нам еще одним источником забавы. За отсутствием настоящих лыж мы брали клепки от больших бочек, в которых привозились на фабрику химикалии, заостряли их с одного конца и приделывали к середине брезентовую петлю, чтобы прикрепить их к валенкам.

И вот на таких «лыжах» мы забирались на большой холм у озера, а затем разгонялись вниз с холма так, чтобы сквозь довольно узкое пространство между поленницами выехать на озеро. Неудачникам приходилось рассчитывать с синяками и ссадинами, а иногда и поломанными «лыжами».

Катание на коньках тоже создавало простор для предприимчивости. Настоящих коньков, конечно, ни у кого не было. Из дерева выстругивалась заостренная с одного конца трехгранная призма. Вдоль одного из ребер укреплялась железная проволока из каких-либо фабричных отбросов, а противоположная ребру грань служила опорой для ноги. К двум другим граням прибивались железки — крепления «коньков» к валенкам. Как ни грубы были эти самодельные «коньки», они превосходно выполняли свое назначение. Мы умели на них носиться по льду не хуже, чем впоследствии на настоящих коньках. Нечего говорить и о чувстве глубокого удовлетворения плодами своего труда. Как правило, каждый из нас хвастался какими-нибудь особенностями конструкции его «коньков» или поставленными на них «рекордами» скорости или маневра.

Река доставляла нам еще одно, пожалуй, до-

вольно необычное, удовольствие. К середине лета река пересыхала и по ней можно было бродить по колено или по живот в воде. Мы, ребята, забирали из дома вилки, служившие нам примитивными острогами, и часами бродили вдоль берегов, охотясь за плотвой, окуньками и налимами или пескарями в совершенно прозрачной воде. Какое было удовольствие, осторожно отвернув «утопленника», то есть затонувшее во время сплава бревно, обнаружить крупного налима и суметь воткнуть в него вилку! Конечно, мы нещадно хвастались нашими трофеями, хотя ими не удавалось накормить никого, кроме кошки.

Весной мы отправлялись в лес либо за сморчками (хотя мама категорически отказывалась их приготавливать), либо за березовым соком. В один из таких походов кто-то из моих приятелей взял заряженное двухствольное охотничье ружье и все время хвастался, как его дядя метко и точно стреляет. В очередной раз демонстрируя, как он прицеливается, и изображая стрельбу, приятель нечаянно нажал на курок и действительно выстрелил. Дробь просвистела возле моего уха, а лицо было все усеяно черными точками порошинок. Конечно, все, и мой приятель в том числе, были страшно перепуганы. Я же, убедившись, что не сильно пострадал, держался весьма мужественно и происшествие было сохранено в тайне от матерей. Черные точки на лице пришлось объяснить падением лицом вниз на ёлочные иглы.

Мой отец в свободное время мастерил любопытные электрические вещи. Он, например, сделал катушку Румкорфа, которая давала искру, примерно, 10 см, напряжения порядка 100 000 в.

Делал самодельные электрические звонки и т. д. Сейчас-то я знаю, что делал это он не для себя. Он хотел заинтересовать в этих делах меня и сумел это сделать. Он выписал (тоже, очевидно, не для себя) газетку, называвшуюся «Новости радио», которая, наряду со злободневными стишками и частушками, сообщала о технических событиях в новой, тогда зарождавшейся, области техники — радио. Я до сих пор еще помню частушку:

Шел я верхом, шел я низом,
Шел к Маланькиной избе.
У Маланьки дом с карнизом
И антенна на трубе.
Васька, сукин кот и вор,
У меня антенну спер,
А теперь, гляди-ка, дьявол,
На своей избе поставил.
Васька, дьявол, будет скверно,
Не услышишь «Коминтерна».
Я шутить ведь не люблю —
Мигом рожу заземлю.

Затем отец выписал только что начавший выходить журнал «Радиолюбитель». По этому журналу уже почти без помощи отца в 1924 году я сделал первый радиоприемник. Огромная катушка с вариометром возвышалась на фанерной доске, установленной на роликовых изоляторах. Детектором служил кристалл железного колчедана, который лежал на фабрике горами для производства каких-то химикалий, с пружиной-контактом из кокстантановой проволоки. Телефоном служила половинка (без микрофона) от полевого военного телефона. Намучившись с поисками та-

инственной «точки» на кристалле и ничего не услышав, я бросил это занятие и ушел на улицу. Придя потом домой и усевшись за стол читать, я, на расстоянии, слышал какое-то потрескивание в телефонной трубке. Каково же было мое удивление, когда, приложив трубку к уху, я слышал чистую музыкальную передачу со станции «Коминтерн». С тех пор слушание радио, особенно музыки, стало одним из моих постоянных занятий.

Успехи мои в радиолюбительстве были велики. Отец выписал (тогда это еще можно было просто делать) только появившиеся радиолампы «Р-5», «Микро», «Микро ДС» и телефонные наушники.

Я вскоре начал делать, раскладывая прямо на столе, ламповые радиоприемники. Переменные конденсаторы делались из оклеенного станиолю и затем бумагой картона. Настройка осуществлялась ручным передвижением таких картонок друг к другу прямо на столе. Трансформатор, дроссели, катушки самоиндукции, сопротивления, постоянные конденсаторы — все делалось самостоятельно. Конечно, техника совершенствовалась, и наконец я был в состоянии сделать ламповый приемник в фанерном ящике, уже совсем похожий на фабричный.

То было время бессонных ночей, проведенных за телефоном у радиоприемника в поисках таинственных «Кёнигсвустергаузена», «Радио Пари», «Рима» и т. д. Постепенно я превратился в известного в поселке специалиста по радиоприемникам, авторитета среди знакомых ребят и даже неоднократно приглашался для починки и налаживания радиоприемников в школу и в «Народный дом» поселка.

Здесь, в Кувшинове, нас застала смерть Ленина. Вдруг загудели все фабричные гудки и долго продолжали гудеть. Когда я спросил своего приятеля, в чем дело, он сказал, что, вроде, умер этот бандит Ленин. Для меня тогда это был пустой звук, да, я думаю, и для моего приятеля, который повторил лишь слова взрослых. Мы тогда еще не знали, что на смену одному бандиту появится другой.

Мне кажется, что у нас в семье практически политикой не интересовались. Когда у нас в доме собирались сослуживцы отца и знакомые матери, разговоры шли в основном о фабричных делах. Бóльшая же часть времени уходила на игру в карты или лото. Кроме газеты «Новости радио», журнала «Радиолюбитель» и технических журналов, я не помню газет: вероятно, родители их не выписывали. По-видимому, в то время люди еще не считали политику так тесно связанной с их жизнью, как это есть сейчас. Вести об арестах, расстрелах, партийных распрях, декретах и т. д. воспринимались, видимо, так же, как вести о несчастных случаях, бандитизме, грабежах и т. д.

В эти годы еще очень и очень много оставалось от прежнего, дореволюционного, в самых разных местах страны. Я имею в виду не только образ жизни людей и их личные взаимоотношения, но и, скажем, в данном случае, организацию и технику управления писчебумажной фабрикой, и служебные отношения. Прошедших 7-8 лет еще было недостаточно, чтобы руки новых управителей России добрались до всех уголков страны, до всех ее жителей и до всех деталей их жизни. Прежний жизненный уклад, не тронутый ни немецкой, ни гражданской войной, ни новой влас-

тью, еще господствовал на больших территориях огромной страны. Тогда еще можно было в какой-нибудь глуши натолкнуться на людей, которые ничего не знали ни о революции, ни о новой власти. Таким образом и нашей семье до тех пор, за исключением относительно небольших периодов, удавалось избегать прямого соприкосновения с новыми порядками и новыми властителями.

Конечно, далеко не всем и, может быть, далеко не многим это удавалось. Это было в некотором роде чудо. Многие миллионы русского населения погибли в столкновениях с революцией и террором, но были и другие миллионы, которых это коснулось очень мало. К ним принадлежали и мы. Поскольку наша семья происходила из Петрограда — самого пекла революции и террора, — то только интуиции моих родителей можно приписать сотворение этого чуда.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Я уже говорил, что отец не любил долго оставаться на месте. В 1925 году он уже воспользовался новым предложением, и мы перебрались на другую писчебумажную фабрику, в Дубровке на Неве, совсем близко к Петрограду, теперь превратившемся в Ленинград. В 1924 году моя мать ездила (как видно, на рекогносцировку) в Ленинград. Хотя она и попала там в сильнейшее наводнение, однако, вероятно, ее впечатления от Ленинграда (ее родины) были достаточно благоприятны. Тем не менее родители были крайне осторожны и не решились еще приехать прямо в Ленинград. В Дубровке нам была предоставлена превосходная квартира в деревянном, но очень хорошем доме вблизи берега Невы. Здесь у нас уже была домработница, что говорило о довольно высоком уровне жизни семьи в то время. Но мне нужно было учиться и было решено отправить меня в Ленинград к тете Груне, у которой нашлась комната, где я мог жить. Именно тогда я близко познакомился с жизнью моих пьяниц-дядьев, со скандалами и дебошами, со всей неприглядностью жизни мастерового народа. Здесь мне пришлось наблюдать нелепые побоища у многочисленных пивных, бойко торговавших пивом у заводов «Стенька Разин», «Красная Бавария» и т. д. Пьянство, вероятно, процветавшее и раньше в этих районах, но прежде всё же удерживаемое в каких-то рамках, в это время стало потрясающим. Мне пришлось наблюдать совершенно дикие сцены. На первом этаже нашего до-

ма жила семья дворника. Сам дворник и его жена пили запоем и в этом, конечно, не было ничего необыкновенного. Необыкновенно диким же было то, что у жены дворника был маленький ребенок, еще не умевший ходить, и этот ребенок тянулся (я видел это собственными глазами) к водке, которую пили родители. Очевидно, всасывая с молоком матери и водку, он стал уже алкоголиком. И он не просто тянулся: его мать, пьяная «вдрызг», давала водки и ему. Как и следовало ожидать, ребенок вскоре умер.

Учился я в большой, специально и добротнo построенной еще задолго до революции школе, называвшейся теперь «48-я советская школа». Большая часть преподавательского состава была весьма квалифицированной еще дореволюционной «гвардией». Директором школы был Павел Наумович Берков, широко образованный человек, знавший много языков и увлекавшийся исследованием русской литературы. Он всегда безупречно одевался, был неизменно вежлив и уважал как собственное достоинство, так и достоинство учеников, своих коллег-учителей и всех других людей вообще. Нужно сказать, что он производил на меня очень глубокое впечатление и я хотел быть таким же воспитанным и умным человеком, как он. Мне почему-то особенно запомнилась одна деталь. Появляясь в классе на уроке литературы, он как-то спокойно и умно оглядывал класс, затем вынимал безукоризненно сложенный и выглаженный носовой платок, очень туго накрахмаленный, с отчетливо слышным треском развертывал, скорее даже разрывал, его по слоям и затем громогласно в него сморкался. Я ни разу не видел, чтобы он пользовался уже смятым плат-

ком. П. Н. Берков сумел нам внушить любовь и интерес к литературе и, по сравнению с нынешней школой, дать весьма широкие знания о мировой литературе. При этом он часто делал экскурсии в область театра и музыки. Именно такие блестящие учителя, как он, способны делать из своих учеников хорошо воспитанных, высокообразованных и ответственных граждан, а не отребье человеческое, вроде всяких хиппи и наркоманов. Мне очень жаль, что привелось учиться у него лишь около двух лет. Впоследствии П. Н. Берков стал широко известным литературоведом и академиком, но поскольку он никогда не мог примириться с тупостью и злобностью власти, ему все доставалось с очень большим трудом и он подвергался всяческим гонениям. То, чего он достиг, было сделано вопреки диктатуре. В 1971 году он умер, и власти сделали все, чтобы его смерть прошла незаметно.

Нужно сказать, что и о других преподавателях у меня остались самые лучшие впечатления, хотя мы, учащиеся, конечно, не упускали случая подшутить над ними или подразнить. Некоторые шутки были весьма грубого свойства. Так, однажды в железную печку, стоявшую у доски в классе, кто-то положил «лягушку» — пакетик с порохом. Произошел небольшой взрыв, разбросало дрова, пепел и горящие угли, класс наполнился дымом, мог бы быть пожар. К счастью, все закончилось благополучно.

В другой раз учитель зоологии принес на урок им самим крайне любовно и квалифицированно препарированного окуня. В один момент все части окуня были расхватаны и исчезли, так и не выполнив своего назначения.

У нас был учитель немецкого языка, которого мы все почему-то звали «Проп» и с которым совершенно не считались. Чрезвычайный любитель немецкой поэзии, он не обращал внимания на нас, часами читая вслух немецкие стихи. В это время мы занимались всем, чем хотели. В то время мы, уже семнадцатилетние, увлекались танцами. Во время урока «Проп» многие выбегали в коридор и разучивали друг с другом танцы: «венгерку», «тустеп», «польку», «уанстеп», «вальс», «кикапу» и так далее.

В самый разгар танцев вдруг в конце коридора появляется наш директор П. Н. Берков. Мы с грохотом влетаем в класс, разбивая одновременно стекла в двери, и мгновенно рассаживаемся по партам. Затем следует немая сцена: мы смиренно сидим по партам, «Проп» остоленело смотрит на появившегося директора, а директор со свирепым видом быстро оглядывает класс, видимо, рассчитывая заметить наиболее отличившегося.

У нас были прекрасно оборудованные кабинеты ботаники, зоологии и, особенно, физики. По сравнению с этой дореволюционной школой, нынешние — страшно бедны и неприспособлены.

Насколько я могу судить, такая школа в те времена была далеко не единственной и это дает представление о высоком уровне школьного образования в дореволюционной России и, кажется, не только в городе.

Помню, тогда было целое нашествие всяких новых методов обучения, вроде «Дальтон-плана», «бригадного метода» и т. д. Но поскольку у нас были превосходные учителя, эти, безусловно вредно действовавшие, «нововведения» не приносили

нам того вреда, какой приносят аналогичные «новинки» в нынешней школе, в которой зачастую запас знаний и умения у преподавателя примерно тот же, что и у ученика.

ПОСЛЕДНЕЕ СЕМЕЙНОЕ ГНЕЗДО

В 1927 году наконец вся наша семья вернулась на родину и поселилась в трехэтажном очень старом каменном доме на углу Торговой (теперь улица Печатников) и Мастерской улиц. Мы заняли одну большую угловую комнату в коммунальной пятикомнатной квартире. Очень маленькая уборная и небольшая кухня (без ванны) обслуживала четыре семьи. По-видимому, раньше вся квартира была одним большим залом, который потом разделили тонкими деревянными перегородками. Эти перегородки были настолько звукопроницаемыми, что все соседи знали всё друг о друге. Для того, чтобы нам как-то разместиться в одной комнате, отец принес старое сукно от бумагоделательной машины и на деревянных рейках повесил посреди комнаты в виде еще одной перегородки. Хотя перегородка не доставала до потолка и, конечно, не давала звукоизоляции, все же некоторое впечатление двух комнат, при наших весьма скромных требованиях, получалось. Конечно, нам пришлось забыть о «роскоши» Кубани. Кувшинова и Дубровки.

С этой квартирой будут связаны пятнадцать лет нашей жизни: с 1926 по 1941 год.

В 8-9 классе 48-й школы я познакомился со своей будущей женой Ниной Федоровной Грудниной, с которой мы вместе учились и закончили школу в 1927 году.

Любопытно, что в те времена сохранился даже такой обычай: в большую перемену, в полдень, в школу приносили большую бельевую корзину ру-

мяных, пышных, вкусно пахнувших булочек, называвшихся тогда «французскими» (сейчас их несъедобную копию называют «городскими», ликвидируя таким способом иностранную зависимость). Вероятно, приносилось и много другой снеди, но эти булочки мне хорошо запомнились. Я хорошо помню и набитые товарами магазины вокруг школы, и превосходный рынок на Садовой площади. Часто я тратил карманные деньги на чрезвычайно вкусный шоколад с кремом, которого было вдоволь в лавочке наискосок от школы.

Я специально останавливаюсь на этих деталях, потому что хочу показать условия жизни в СССР в их развитии.

Мой отец, видимо, неплохо зарабатывал и, хотя мы жили гораздо скромнее, чем на Кубани и в Кувшинове, когда я окончил школу, было решено, что я попытаюсь поступить в вуз. Я держал экзамены в Политехнический институт и в университет и блистательно провалился и в том, и в другом. Вероятно, школьные программы сильно расходились с экзаменационными требованиями, так как хотя я и не был «примусом» (первым учеником), но учился легко и имел хорошие отметки по всем предметам.

БЕЗРАБОТНЫЙ, ЧЕРНОРАБОЧИЙ, КАМЕНЩИК, КУХОННЫЙ МУЖИК

Теперь надо было думать о работе. Я записался на биржу труда как безработный и стал учиться по вечерам на курсах подготовки в вуз. Таких курсов было довольно много и они были вполне доступны. В это время была значительная безработица и биржа труда почти целый год не предоставляла мне никакой работы. Иногда отец получал (помимо своей основной работы) подряд на электропроводку, брал меня помогать ему и обучал этому ремеслу, с которым я немного познакомился еще в Кувшинове. Кроме того, мне пришлось ремонтировать приемники в богатых домах. Я помню отличное устройство с превосходными, вделанными в стену для лучшего звучания, динамиками у одного генерала и несколько более скромное устройство в немецком посольстве на Морской улице (теперь улица Герцена).

Наконец, на следующий год я благополучно сдал экзамены в Политехнический институт, но меня не приняли, так как я не был рабочим и не имел стажа, а мой отец считался служащим (он работал заведующим электрооборудованием). Все попытки отца с помощью документов от ИТС (Инженерно-Технической Секции профсоюзов, «защищавших» тогда интересы инженерно-технического персонала) посодействовать мне — ни к чему не привели. (Эти ИТС позднее были ликвидированы «за ненадобностью»).

Мне пришлось продолжить мою прежнюю де-

тельность и, кроме того, я начал получать работу и от биржи труда. Меня посылали в качестве чернорабочего на различные постройки. Тяжелая работа, на которую большинство не шло. В мои обязанности входило таскать на «козе», (то есть на спине с помощью доски с полкой) кирпичи, подносить раствор и воду, размешивать его. Самым тяжелым было таскать на грубых деревянных носилках «бут» — огромные плиты известняка-камня. Веса́ли они очень много и часто мне, особенно в первое время, казалось, что я не выдержу, выпущу носилки и, может быть, в результате покалечу напарника. После первого дня такой работы мне не верилось, что я смогу заставить себя снова пойти на эту каторгу. Уже в постели, засыпая, я раздумывал о всяких приспособлениях для облегчения моего труда. Я представлял себе и разные легкие, удобные тележки (которых не было и нет), более удобные носилки, рациональную систему лямок, но осуществить все это практически было невозможно и предложения эти были бы восприняты моими коллегами как признак моей неспособности к физической работе, постыдный дефект. И мне приходилось мучиться, пока работа не кончалась. Затем биржа труда послала меня на трехмесячные курсы обучения каменщиков. Я окончил их на отлично и после этого работа моя была значительно легче — кладка кирпичных стен, бетонирование полов и т. д. Так, я участвовал в строительстве жилых домов на Васильевском острове, маргаринового завода на Обводном канале, трансформаторной подстанции у Гренадерских казарм, бетонировал полы во «Дворце труда».

В тот же период, за неимением другой работы, меня послали «кухонным мужиком» в ресторан в Таврическом саду. Здесь я таскал и мыл котлы, носил воду, носил туши мяса из погреба. Заодно я познакомился и с кухонной технологией. При мне повариха несла противень с пирожками, заготовленными для жарения в масле, оступилась, рассыпала пирожки и даже на некоторые наступила. Однако все было собрано, даже и пирожки, побывавшие под ногами, и брошено в котел с кипящим маслом. Другой раз повар велел мне вылить ведро холодной воды в котел с гороховым супом, размешал и тут же разлил в тарелки, которые немедленно унесли в зал ресторана.

Я не думаю, что этим отличалась только кухня данного ресторана. Поэтому я не очень люблю посещать рестораны и предпочитаю хотя бы и сухомятку, но дома.

В 1929 году я опять пытался поступить в институт, снова успешно сдал экзамены и не был принят по тем же причинам, что и раньше.

Отец в это время не выдержал оседлой жизни и уехал (на этот раз один) на строительство Березниковского химкомбината на реке Каме (на Урале). Он меня звал туда же, обещая найти работу, более соответствующую моему образованию. В конце 1929 года я решил туда ехать. Тем более, что жизнь в городе становилась явно хуже и труднее. Началась сталинская коллективизация. Этого названия тогда не существовало, да и сейчас оно существует только в среде недовольных или на Западе. События тогда не воспринимались как нечто, тесно связанное с государственным строем и неизбежное. И сейчас еще не всем ясно про-

исхождение всех социалистических зол. Тогда же вообще никакой ясности в оценке причин не было. Все, и я в том числе, понимали, что жизнь плохая, но это, конечно, и не трудно было видеть. Вопрос заключался в том, что будет дальше. Хотя я систематически читал газеты и с любопытством следил за дискуссиями, левым и правым уклонами и так далее, однако у меня не было никакого желания тратить время на то, чтобы разобраться в этой политике. Я был молод, и главной моей задачей было — получить образование (я хотел быть физиком, электриком), а другой задачей — как-то продержаться до его получения.

Отец относился к событиям безусловно отрицательно, но у него это тоже не было связано с определенными идеологическими позициями. Просто он сравнивал царский строй с нынешним и совершенно справедливо считал, что нынешний приводил куда к большим несчастьям, чем царский. В силу своих необыкновенных технических способностей, он стал занимать значительно более высокое служебное положение, чем при царе, а жизнь стала намного хуже, труднее и беспросветнее. Таким образом, по-современному его можно было бы назвать прагматиком — противником строя из чисто практических соображений. У меня тоже не было твердых политических позиций и восприятие жизни было примерно такое же. Но я был молод, начинал жизнь и не хотел верить, что в будущем не предвидится ничего хорошего. Я был уверен, что в дальнейшем будет лучше. Из-за этого мы с отцом довольно часто ссорились, так как я старался выискивать луч-

шие стороны и хорошие возможности, а он в них не верил, опасаясь за меня. Следует отметить и еще одну особенность того времени. Молодежь тогда почти вся либо была аполитичной, либо активно поддерживала существовавший строй. Противников его, и тем более активных, было мало. Мне кажется, что это было следствием того, что в революцию и сразу после нее был сожжен и растрачен политический заряд народа. Люди еще не опомнились от революционного угара. Новый заряд в виде каких-то новых позиций, новых точек зрения еще не появился. Ну, и не менее важно отсутствие других вождей для молодежи, способных расшевелить и взволновать ее.

К отцу я поехал осенью 1929 года. До Перми я доехал без особых впечатлений, в обычном поезде. Однако уже в Перми меня поразила страшная нищета и недостаток продуктов питания. И мы, в Ленинграде, были, в сущности, нищими, а здесь, в Перми, нищета была еще одной или двумя ступенями хуже. От Перми я уже ехал в вагонах, о существовании которых я раньше и не подозревал. Я знал товарные и обычные пассажирские вагоны. Однако эти вагоны резко отличались от тех и других. На одной стороне были несколько маленьких квадратных окон и шел проход вдоль вагона. По другую сторону — три ряда сплошных нар, почерневших от грязи. Поскольку пассажиров было много и в подавляющем большинстве они были грязны, истощены, оборваны, то воздух в вагоне был настолько смрадный, что дышать было почти невозможно. Открыть окно было нельзя, так как голодные и ис-

тощенные люди немедленно приходили в ярость. Хотя ехать было нужно долго, но после безуспешной попытки заснуть на нарах я был вынужден всю дорогу простоять у окна, в котором было разбито стекло, что давало возможность дышать чистым воздухом. А за окном вагона проплывали незабываемые красоты. Горы, покрытые густым смешанным лесом, и внизу лента реки Камы. Склоны гор пестрели, как солнечными пятнами, невероятным количеством оттенков красного, желтого, оранжевого — листьями осин и берез, зеленой хвои сосен и елей...

Думалось, как прекрасен мир и как плохо живут люди.

Березники. Огромный химический комбинат с поселком, в основном состоящим из деревянных домиков; главная улица застроена четырехэтажными каменными домами. На другом берегу Камы, ширина которой, пожалуй, не меньше километра, другой поселок — Усолье. Бедные хибары, окружающие соляные амбары, сложенные из огромных бревен, простоявшие уже не одну сотню лет. Здесь добывалась под землей калийная соль.

Отец занимал в кирпичном доме большую комнату, окно выходило на улицу. Он устроил меня работать в трансляционный узел, передававший программы центрального радиовещания по проволочной сети в столовые, красные уголки, общежития и уличные громкоговорители. У меня был солидный титул — заведующего трансляционным узлом. Но подчиненных у меня не было. Узел находился в маленькой деревянной избушке на краю поселка. Размер этого помещения был всего-навсего 8-10 квадратных метров. Тем не менее

после очередной ссоры с отцом (опять-таки по политическим мотивам, как ни странно) я перебрался жить в эту избушку. Мое зимнее пальто служило мне и матрацем, и одеялом, а кроватью — деревянный пол. Жить было довольно голодно и холодно, но я не унывал.

На этой работе я вступил в члены профсоюза и с тех пор исправно платил членские взносы вплоть до мая 1971 года. Что же касается какой-либо защиты моих интересов или облегчения моего жизненного положения, за 40 с лишним лет членства я этого так и не почувствовал. После полугода довольно унылой и однообразной жизни в Березниках я решил возвратиться в Ленинград и снова попытаться поступить в институт. Возвращаясь тем же путем обратно, я даже в Перми заметил еще большее ухудшение положения. Если, при всей буфетной скудости вокзала, полгода тому назад мне по счастливой случайности удалось получить стакан жидкого, но подслащенного и горячего кофе, да к тому же с пончиками, то теперь и этого уже не было.

Результат моей новой попытки поступить учиться был в точности такой же, как и раньше.

Я — КАДРОВЫЙ РАБОЧИЙ

Снова я записался на биржу труда, снова работал на самых разных работах и вдруг мне невероятно повезло. Накануне Нового года меня направили работать на завод № 4 имени Калинина на Васильевском острове. Этот завод раньше назывался трубочным, так как изготавливал трубки-взрыватели к орудийным снарядам. На нем, по преданию, работал станочником М. И. Калинин. Этот завод, как и до революции, продолжал делать взрыватели и меня направили в один из цехов в качестве станочника — изготавливать детали этих самых взрывателей.

Завод представлял собой несколько низких зданий из красного кирпича с почти непрозрачными от грязи окнами. В цехе, куда я поступил, была тоже ужасная грязь, теснота и вонь от горевшей во время обработки стальных деталей водо-масляной эмульсии. В цехе всегда, в любое время дня, было сумрачно и только лампочки, освещавшие обрабатываемую деталь на каждом станке, бросали желтые пятна. Кругом был лес ременных трансмиссий и валов. Для перемены скорости или направления вращения шпинделя у каждого станка с потолка свисала толстая деревянная оглобля с лоснящимся от частого хватания руками концом. Все станки вращались от центрального мотора с помощью валов и шкивов, расположенных под потолком. Назначение «оглобли» состояло в переводе ремня трансмиссии с одного шкива на другой. При обработке лишь одной детали (а за

смену их нужно было сделать 30-40 штук) пользоваться оглоблей приходилось раз десять.

Сами станки были настолько старыми и разболтанными (конечно, дореволюционными), что получить требуемую, порядка 0,01 мм, точность было для новичка практически невозможно. Работу на станке вполне можно было сравнить с игрой на скрипке. Рабочий должен был научиться получать необходимую точность за счет мышечного чувства и глазомера. Поэтому станки часто и называли «скрипкой» или «балалайкой». Не умея играть на «скрипке», я в первый же день всю свою продукцию загнал в брак и чувствовал себя весьма неважно. Завод работал в три смены, то есть круглые сутки. Одну неделю я работал с утра, затем неделю вечером и еще неделю ночью.

Несмотря на все эти неприятности, я все же чувствовал себя на седьмом небе от радости, что получил, наконец, серьезное место работы под крышей и с «перспективами». Ведь, конечно, это было куда лучше, чем таскать на носилках тяжелый бут, класть кирпичные стены или мыть котлы на кухне.

Освоился с работой и научился «играть на скрипке» я довольно успешно и быстро, вскоре начал перевыполнять норму и, соответственно, больше зарабатывать. Постепенно я превратился в так называемого «стахановца», стал получать премии за отличную работу и даже был прославлен в заводской газете как передовой рабочий. Меня приняли в комсомол и выбрали в профбюро цеха. В результате к концу года мне удалось получить ходатайство о принятии меня на учебу в институт и я, наконец, был принят на первый

курс электрофизического факультета Ленинградского электротехнического института и притом на дневное отделение.

Так, в конце 1931 года, начался новый этап в моей жизни.

СТУДЕНТ

Стипендии я, однако, не получил — из-за своего «социального происхождения». Хотя мать кое-что и зарабатывала шитьем, но жить было очень трудно. Об обучении сестер в вузе не могло быть и речи. Обе мои сестры, закончив краткосрочные специальные курсы, стали секретарями-машинистками.

Учился я без особых происшествий, отлично. В институте был выбран членом бюро комсомола факультета. Попав с таким трудом в институт, я уже, кроме учебы, ни о чем не думал и вел чрезвычайно аскетическую жизнь, питаясь, в основном, чаем с булкой.

Убийство Кирова в 1934 году и связанные с этим события, безусловно, на некоторое время встряхнули наши умы и заставили вспомнить об окружающей нас жизни. Мы узнали, что будто бы и в нашем институте были студенты (помню одну фамилию — Лондон), участвовавшие в заговоре против Кирова. Несколько человек исчезло из института, но события не раздувались и всё скоро вернулось в прежнее состояние. В сентябре 1935 года я очутился уже на пятом, последнем курсе и мне удалось поступить на работу в лабораторию электролампового завода «Светлана» в качестве техника — это считалось практикой, входившей в курс обучения. Кроме того, иногда были лекции, на которые меня отпускали после работы. Здесь, в лаборатории, я попал в квалифицированную и благожелательную среду. Успешно, в ка-

честве практики, я переделал катод у газотрона ВГ-129, чтобы увеличить срок его службы.

Лаборатория, в которой я работал, была одной из многих, входивших в так называемую Отраслевую вакуумную лабораторию (ОВЛ), обслуживавшую не только завод «Светлана», но и другие родственные предприятия. В сущности, весь цвет вакуумной техники СССР и ее специалистов находился в ОВЛ. В ней работали крупнейшие специалисты, и она поставляла кадры в новые предприятия, возникавшие в стране. В этом смысле мне очень повезло.

В 1936 году в той же ОВЛ, но уже в другой лаборатории, я получил для разработки тему для своего дипломного проекта — «100 квт генераторная лампа с полуподогревным катодом из тантала». Эта другая лаборатория называлась «3-ей специальной лабораторией» и была строго засекречена. В связи с этим я прошел все анкетные и прочие проверки и был допущен к секретной работе. Нужно сказать, что тогда секретности было еще очень мало и во всей ОВЛ (большое четырехэтажное здание со штатом в несколько сот человек) было всего лишь два или три подразделения, у дверей которых стоял часовой, проверявший пропуска и не пропускавший никого из непосвященных. До того как меня самого привлекли к такой работе, я, как и многие другие, даже не подозревал о существовании специального секретного отдела (1-го отдела) и о том, что некоторые мои знакомые инженеры занимаются секретной работой. Сейчас ОВЛ превратилась в огромный экспериментальный комбинат. В нем засекречены теперь уже все, вплоть до уборщицы, и все знают,

что такое 1-й отдел, чем он занимается. То, что теперь засекречено всё, что нужно и не нужно, создает определенный хаос и произвол, безусловно, дорого обходится и страшно затрудняет работу. Кроме того, доступность «секретов» тысячам людей, естественно, способствует их разглашению. Однако среди этой массы «секретных» не секретов какому-нибудь потенциальному шпиону будет трудно обнаружить и отличить настоящий секрет. Правда, за это время сильно увеличилось и количество ступеней секретности от «для служебного пользования» и до «совершенно секретно» с особой формой. Таким образом, возможность отличать секретное от несекретного в какой-то степени сохранилась. Так или иначе, в трамвае или автобусе можно запросто услышать разговоры о «секретных» делах. Жалобы на это приходилось часто слышать от работников 1-го отдела и наблюдать их попытки предотвратить это явление, правда, как и следовало ожидать, не увенчивающиеся особым успехом.

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

В 1936 году мы получили конституцию и узнали, что отныне живем при социализме. Меня лично тогда вопрос о конституции, практически, совершенно не интересовал. Действительно, власть и строй не переменяются — какие могут быть перемены в жизни? Так что, должен признаться, появления конституции я почти не заметил. Что касается построения у нас социализма, то я, как и большинство, был удивлен и возмущен. В моем тогдашнем понимании социализм был связан с изобилием материальных и духовных благ, со всякими свободами. Словом, я наивно думал, как думают очень многие на Западе и сейчас, что социализм — это строй, который дает «народу» (а я, конечно, принадлежал к «народу») безусловно хорошую жизнь. Поэтому то, что было сказано о социализме у нас, я воспринял как совершенно возмутительный обман. Этому способствовало и то, что Сталин в довершение сказал: «Жить стало лучше, жить стало веселей, товарищи». С этим я, конечно, никак не мог согласиться: всем кругом жилось значительно хуже. Появился термин «сталинское изобилие», и я уже не знал: смеяться или плакать. Если наша нищета и пустота в магазинах и назывались «сталинским изобилием», то это звучало только насмешкой. Однако в прессе и книгах явно не подразумевалась сатира или издевка, то есть это тоже было лишь примитивным и издевательским обманом.

Только много позже я понял, что сопоставлять

«хорошую жизнь для всех» с термином «социализм» было очень наивно. Этот термин означает, что все средства производства принадлежат народу — обществу, — а так как понятия «народ» и «общество» юридически неконкретны, то государству как ближайшему конкретному выразителю этих понятий. Что касается того, что такой строй приведет к осуществлению жизненных благ, — это лишь гипотеза. И приведет или не приведет, определяется уже не самой гипотезой, а объективными физическими и социальными законами. Таким образом, только много лет спустя я понял, что исходя из данного и вполне конкретного определения, Сталин был прав, объявляя наш строй социализмом: действительно, к тому времени все средства производства принадлежали государству.

В те времена я с юмором пытался представить себе, что мы скоро будем жить при коммунизме — в обществе, в котором «от каждого по способностям и каждому по потребностям». Действительно, ведь потребность — это не то, что человек хочет, потребность не желание, а то, что ему требуется для жизни. Назначьте ученую государственную комиссию, чтобы определить эту потребность и ее нормы. Будьте спокойны, эта комиссия не выйдет за пределы того, что государство в данный момент может обеспечить. (Подумайте, например, каковы были эти потребности для пещерного человека в первобытные времена). Так, вполне объективно, разделяются с «потребностями». Так же просто можно разделить и со способностями. Ведь, опять-таки, способности не эквивалентны желанию, человек может быть способным поднять мешок картошки в 50

кг, но может этого не хотеть. Поэтому объективная комиссия может вполне объективно определить и способности каждого человека. Иначе, посудите сами, какие могут быть казусы! Например, 500 человек, соответственно своим потребностям, сели в поезд и хотят попасть, скажем, из Ленинграда в Москву. Однако, когда поезд находился посреди приятно шумящего летнего леса, машинист решил, что его способности исчерпаны. Тем более, что у него возникла потребность полежать часок-другой в этом лесу или, скажем, пособирать грибы. Так что, это определение наших способностей нужно не только комиссии, но и нам самим, а то придется всем пассажирам лежать в лесу вместе с машинистом.

Так будет покончено с вопросом о способностях. Рассуждая таким образом, вы спокойно можете объявить, что мы уже живем при коммунизме.

ИНЖЕНЕР

В июне 1936 года я отлично защитил дипломный проект и стал уже дипломированным инженером. Соответственно увеличилась моя зарплата.

В том же году мы с женой зарегистрировали брак в загсе. Жить нам, конечно, было негде, и мы оба не имели, как говорится, ничего за душой. Родители жены еще с дореволюционных времен жили в трехкомнатной квартире в большом пятиэтажном доме у Нарвских ворот, которую они сумели каким-то способом сохранить и до этих времен.

Отец жены, кассир Путиловского завода (переименованного затем в Кировский), был мягким и скромным человеком. Но его жена была властной женщиной с весьма деспотическим характером. Моя жена, по-видимому, уродившаяся в свою мать, страшно с ней ссорилась — буквально чуть ли не до драки.

Однако выбора у нас не было. Я жил до женитьбы, как уже говорил, в одной комнате с сестрами и родителями и «впихнуться» к нам было просто невозможно. Семья моей жены состояла из семи человек, но у них было три комнаты, и в конце концов мы поселились в маленькой комнате, где раньше жена жила со своей сестрой.

Конечно, я сразу же подал заявление в завком (заводской комитет профсоюза) с просьбой предоставить мне жилплощадь, но шансов на ее получение, тем более скоро, практически не было.

Так мы и стали жить у Нарвских ворот, откуда я через весь город ездил на трамвае на работу. Зарплаты моей, конечно, на жизнь не хватало и мы едва-едва сводили концы с концами, но если из-за этого зачастую и ссорились, то, во всяком случае, не унывали. Жене (по специальности химику-технику) удалось поступить работать в Институт прикладной химии, и это несколько облегчало положение, хотя ее зарплата и была мизерной.

Тяжелая жизнь в нужде и тесноте (5-6 м² на человека) приводит к столкновениям между людьми из-за самых невероятных пустяков. Кончилось тем, что жена не выдержала командования своей матери и мы были вынуждены искать другое жилище.

В коммунальной квартире, где жили мои родители, была необычно большая прихожая с двумя окнами, одно из которых выходило на маленький двор, а другое упиралось в стену этого двора. Эту прихожую удалось перегородить и создать таким образом, кроме коридоров, нужных для прохода в другие комнаты, маленькую, примерно 8-10 м², отдельную комнату. К сожалению, темное окно оказалось именно в ней, поэтому у нас всегда было темно, сыро и холодно, не говоря уже о тесноте. Имущества у нас никакого, кроме кровати, шкафа, стола и двух табуреток, не было, однако в комнате повернуться было трудно.

Но все же коммунальная квартира имела перед отдельной квартирой родителей жены то преимущество, что все ее жильцы были вполне равноправны и никто не мог диктовать свою волю. Кстати, такое решение вопроса сейчас было бы

невозможно: без разрешения властей нельзя ни сделать перегородки, ни, тем более, занять получившуюся комнату.

Я тогда был всецело поглощен работой в 3-ей спецлаборатории. Мне поручили разработку новой, более совершенной 100 квт генераторной лампы для радиовещательных станций СССР. Эта лампа должна была работать на коротких волнах, вплоть до 13 м. Дело в том, что в те времена усиленно развивалась агитация и пропаганда, направленная на капиталистические страны, и спешно строились радиостанции, использующие распространение коротких волн на большие расстояния.

Я не только проводил на работе больше положенных восьми часов, но часто даже ночевал в лаборатории, пренебрегая упреками жены. Добираться домой с работы пешком было невозможно, а трамваи уже переставали ходить после часа ночи. Бывало, что я не появлялся дома три дня подряд и жена ужасно сердилась, но я ничего не мог поделать, поскольку работа меня чрезвычайно интересовала. Нужно сказать еще, что в те времена не было еще такого нестерпимого напора «идеологии», как сейчас, и я не помню, чтобы она мне очень досаждала, хотя я был комсомольцем и членом профсоюза.

Довольно быстро сделав разработку, я успел даже частично пустить ее в производство в прикрепленном к лаборатории цехе мощных генераторных ламп завода «Светлана». Эта лампа под маркой Г-433 работала на большинстве радиовещательных станций СССР вплоть до самых последних лет. Выпускалась она в больших количе-

ствах. Ее срок службы превосходил несколько тысяч часов.

Занимаясь этой работой, я одновременно участвовал в создании другой мощной генераторной лампы — Г-174 — мощностью порядка 30 квт на волны около 4 м.

В это время я несколько познакомился с взаимоотношениями между ЦК ВКП и такими людьми, как мы. Дело в том, что наши исследования и их задачи все усложнялись, а оборудование лаборатории и особенно его часть, предназначенная для экспериментальных испытаний, была уже устаревшей, требовала замены и улучшения. У завода «Светлана» были значительные возможности для разработки и изготовления собственного оборудования, однако дело упиралось в постройку новых помещений и подключение намного больших мощностей электроэнергии и водоснабжения. Все это теперь уже нельзя было решить на месте. Народный комиссариат, ведавший нами, тоже не мог самостоятельно решить этот вопрос и одновременно или боялся, или не мог выделить этот вопрос из многих других, чтобы решение по нему приняли в ЦК ВКП(б). Кроме того, тогда, как и сейчас, стопроцентного доверия и наркомату, и дирекции завода не оказывалось. Их — не без оснований — подозревали (и подозревают) в защите своего удобства, своего спокойствия, в завышении запросов на помощь и финансирование. Поэтому с негласного ведома и дирекции, и наркомата мы, работники 3-ей спецлаборатории, написали в ЦК. В письме мы объясняли направление технического прогресса, необходимость перевооружения лаборатории, невозможность «про-

бить» дирекцию и наркомат (то есть фактически жаловались на дирекцию и наркомат) и просили ЦК помочь нам в продвижении науки и техники на нашем участке работы, очень важном для всей страны.

Я был весьма поражен, когда через несколько месяцев узнал, что наше письмо вернулось в дирекцию завода, испещренное резолюциями «рассмотреть». Таким образом, все вернулось в исходное состояние.

Так или иначе, но я тогда был вполне удовлетворен своей работой, хотя жизнь и была тяжелой, и это продолжалось до середины 1937 года, когда меня вдруг выдвинули на должность помощника по технической части начальника ОВЛ завода «Светлана». Это была, конечно, очень крупная должность: ОВЛ занимала тогда большое многоэтажное здание и штат ее насчитывал несколько сот человек. Я должен был заниматься взаимодействием с лабораториями в технических вопросах, просмотром, проверкой и одобрением технических отчетов по многочисленным вопросам, разрабатываемым в ОВЛ.

Однако уже через месяц я ощутил страшную тягость и пустоту моих занятий. Весь мой пыл исчез, и я стал ходить на работу, как на каторгу. Я стал чаще бывать дома, хотя задержки и на этой должности были многочисленными, но уже не по моему желанию, а по обязанности.

Эта «каторга» длилась до мая 1938 года, когда меня — тоже довольно неожиданно — в составе значительной группы работников электровакуумной промышленности командировали на фирму

RCA в США для ознакомления с электровакуумной техникой.

Жизненно неопытный, мало интересующийся политикой и поглощенный своей работой, я тогда считал свое продвижение по службе результатом своей успешной работы, что, безусловно, было важнейшей, но, как я много позднее понял, не единственной причиной. Весьма скрытно и тихо в те времена происходило уничтожение старой интеллигенции. Я только спустя многие годы узнал, что исчезновение с горизонта предыдущего начальника ОВЛ С. А. Векшинского и руководителя строительства коротковолновых радиовещательных станций А. Л. Минца, с которыми мне приходилось несколько раз по работе встречаться, было не случайным. Они были посажены в тюрьму и много лет провели в том мире, который был впоследствии описан Солженицыным («В круге первом») и Озеровым («Туполевская шарага»).

Позднее, «заслужив» свое возвращение, оба они стали академиками. Но многим другим посчастливилось меньше. Исчезли совсем, правда уже перед войной, два моих школьных товарища — К. К. Капустин и М. Н. Никольский. Оба они были очень порядочными и милыми людьми, но, к сожалению, с очень сильно развитым чувством юмора; их замечательные остроты доставляли удовольствие всем слушателям, по-видимому, за некоторым исключением. Узнал я об этом уже после возвращения из США и очень остро это переживал, однако еще не задумываясь над фундаментальными причинами.

Такие отдельные, немногочисленные, известные мне факты политического террора я, как

и многие другие, не имел основания связывать с системой как таковой. Если бы мне тогда это и разъяснили бы (а таких охотников разъяснять среди знающих людей, практически, не было), то я просто не поверил бы, настолько это расходилось с моими романтическими, но, правда, довольно смутными представлениями о будущем — моем и всей страны в целом.

Я сейчас не сомневаюсь в искренности многих немцев, которые совершенно честно заявляют, что они ничего не знали об ужасах гитлеризма.

Более того, я вполне убежден, что стоит, не дай Бог, социалистам захватить власть в Англии, — и бóльшая часть ее населения так же тихо и спокойно ползет в петлю, совершенно не сознавая этого. Оказывается, что такие процессы видны осведомленным лицам сверху или несчастным жертвам, но практически не видны снизу, в особенности людям, не подозревающим их важности и значения. Тем более, что даже семьям жертв грозила та же участь, если они нарушат молчание о своих несчастьях. Поэтому все было тихо и незаметно.

Так или иначе, но в мае 1938 года я пересек границу СССР. В те времена поездка за границу была сопряжена тоже с анкетами, проверками, инструкциями, как и сейчас. Но всё же это тогда делалось более разумно — хотя и бюрократически, но более человечески. Весьма любопытно и то, что мне решили дать отдельное поручение и отпустить путешествовать одного. Дело в том, что мы тогда пытались торговать генераторными лампами и мне было поручено вместе с нашим торг-

предом в Риге провести короткие переговоры о покупке наших ламп для станции «Мадона» в Риге. С тех пор я не знал больше ни одного случая поездки наших представителей на таком уровне не группой, а отдельно.

Прибыв в Ригу, я, привыкший к социалистической скудости и скованности, был изумлен полнокровием жизни, огромным количеством самых разнообразных товаров, отсутствием какого бы то ни было напряжения и оглядки на «руководство сверху».

Советская организационная структура дала себя знать и здесь. Наш торгпред, не имевший никакой самостоятельности, должен был решать неразрешимую задачу: увязать в пространстве и времени и центральные указания из Москвы, и мое короткое пребывание в Риге, и возможности латвийских партнёров. Это ему не удалось. Я же, из-за вызванной этой ситуацией задержки, уже не мог следовать по ранее намеченному маршруту и должен был ехать другим путем: не морем через Хук ван Голланд, а самолетом через Ганновер (иначе у меня пропал бы билет на трансатлантический рейс «Аквитании»).

Здесь, в Риге, я впервые вступил в соприкосновение с фашистской Германией: мне нужно было получить визу в германском консульстве.

Само здание консульства (или посольства) с тяжелыми, глухими и черными, большими дверями, строгий порядок, огромные залы и огромные портреты Гитлера во всех видах, бросающаяся в глаза скованность поведения посетителей и сотрудников, разговор шёпотом — создавали сильное впечатление таинственности, опасности и вы-

зывали произвольное беспокойство. Конечно, этому способствовали и всякие доклады и сообщения в советской прессе о фашизме, о его невероятных жестокостях и т. д.

В то время, после свободной атмосферы Риги, я смутно почувствовал что-то родственное между этим ощущением и ощущением на собственной Родине. Здесь, в фашистском консульстве, то, что иногда смутно чувствовалось дома, приобрело более выраженный, более отчетливый характер — это было то же смутное состояние беспокойства, сопровождавшее даже самую увлеченную деятельность на родине, но уже более сильное и несомненное. Пожалуй, именно это посещение впервые привело к выявлению того скрытого подсознательного чувства беспокойства, которое сопровождало мою (и всех других) жизнь дома.

В поезде перед германской границей в Тильзите это впечатление еще усилилось. Пассажиры, до того ведшие себя довольно непринужденно, как-то разделились, отгородились друг от друга и напряглись. В глазах появилось явное беспокойство, а у некоторых — даже страх. Конечно, это же передалось и мне. Когда в Тильзите в вагон вошли два здоровенных штурмовика со злобещей свастикой на рукаве и забрали наши паспорта, у меня упало сердце и заметались в голове мысли о возможных моих ошибках и провинностях. К моему большому облегчению, все обошлось благополучно.

В Берлине на вокзале, кажется на Фридрихштрассе, мне нужно было пересаживаться, и я мог бы выйти посмотреть город, но был настолько запуган, что не решился, и почувствовал себя спо-

койнее, лишь сев в поезд на Ганновер. Поезд был полупустой, и мои страхи постепенно рассеялись. Я даже зашел в вагон-ресторан и съел превосходный бифштекс. Это меня тоже удивило: согласно нашей печати, в Германии голодали и продукты были дефицитны.

Ганновер — с его шумными улицами, богатыми магазинами, полными товаров, с хорошо одетой и беззаботной публикой — внушил мне мысль, что и в фашистской Германии не везде плохо и страшно и, во всяком случае, жизнь выглядит не хуже, чем у нас. В самолете я уже с любопытством рассматривал пейзажи внизу и чувствовал себя совсем спокойно и свободно.

В Лондоне на Кройдонском аэродроме меня уже не смутило то, что полисмен не хотел меня выпускать, толкуя что-то, мне непонятное. Хотя я отлично сдал курс английского языка в институте, однако объясняться я был совершенно не в состоянии. В конце концов полисмен махнул рукой и пропустил меня. Как потом выяснилось, дело было в том, что я прибыл не за три дня, как полагалось, до отплытия «Аквитании», а за четыре.

У меня был адрес, по которому я должен был встретиться с представителем нашего посольства в помещении агентства Кунард Вайт Стар Ко. Но был уже вечер, всё было закрыто и не у кого было спросить. Следующие три дня (Троица) были нерабочие. И я, к несчастью или счастью, остался предоставленным самому себе. Майская хорошая погода способствовала моему хорошему настроению, и я почувствовал себя необыкновенно

свободным человеком, который волен поступать по своему желанию, а не по инструкции.

Я взял номер в «Монтегю отеле» напротив Британского музея. Когда я уже укладывался спать в удобной и чистой комнате, в открытое окно я услышал, как какой-то прохожий насвистывает мотив песенки Дунаевского «Широка страна моя родная». Это вызвало какие-то противоречивые чувства. С одной стороны, я почувствовал что-то знакомое и близкое в чужом для меня городе. С другой, — пожалуй, тоже впервые, — я так чётко почувствовал фальшь слов этой песни. Мир, в котором я сейчас находился, был явно шире, свободнее и интереснее, чем моя страна. С одной стороны, я гордился тем, что песня о моей родине с явным удовольствием распевается, по-видимому, англичанином. С другой — я жалел этого незнакомого англичанина за то, что он так мало знает о моей стране и попался на удочку явной пропаганды. Жизнь у меня на родине совершенно не соответствовала напыщенным фразам этой песни.

Все три дня я пробродил по улицам Лондона, рассматривая прохожих, витрины магазинов. Побывал в Тауэре и в Ист-энде. Я не обнаружил в Ист-энде ничего особенно страшного, никакой той нищеты, о которой разглагольствовала наша пресса. Я нашел, что условия жизни в Ист-энде не хуже, чем во многих местах Ленинграда. При этом я, конечно, чувствовал себя в затруднительном положении, из которого старался найти выход. Ведь я должен был вернуться обратно. И не просто вернуться, а жить и работать, как прежде, и находить в этой жизни и работе интерес и пер-

спективы, к реализации которых я мог бы стремиться. Поэтому я инстинктивно чувствовал необходимость не допустить в этом столкновении с новым и лучшим миром обесценения моих прежних жизненных стимулов и перспектив. И совсем не из-за страха наказания, а из-за опасности гораздо более страшного: потери интереса и стимулов в обыденной и тусклой жизни на родине. Ведь без них не остается смысла жить.

Поэтому я старался подмечать самые неприглядные стороны мира, в который я по воле судьбы попал, и старался уверить себя, что в нем, если всё привести к балансу по справедливости, во всяком случае, не больше счастья для среднего человека, чем у нас. Таким образом, не будучи идейным коммунистом и независимо от идеологии, проповедуемой у нас в стране, я старался «объективно» доказать, что наша жизнь стоит того, чтобы жить, — причем старался доказать это самому себе.

На четвертый день, заполнив какие-то бумаги в агентстве Кунард, я отправился в Саутгемптон на «Аквитанию». После расчёта за отель от моих мизерных командировочных осталось всего-навсего несколько долларов на всё остальное путешествие, и я мог только рассчитывать на удачу, надеясь благополучно добраться до места назначения.

Моя каюта на «Аквитании», очевидно, самая дешевая, представляла собой голый стальной ящик с двухэтажной койкой, затерявшейся где-то во чреве огромной «Аквитании». Однако, невзирая на это, я испытывал от путешествия величай-

шее удовольствие, даже наслаждение, так всё было необычно и интересно.

Статуя Свободы и огромные глыбы небоскребов Нью-Йорка произвели на меня неизгладимое впечатление. Я жаждал, я стремился узнать эту новую необыкновенную страну, называемую Соединенными Штатами Америки.

Но оказалось, что к этому есть существенное препятствие. Пассажиры выстраивались в очередь и толковали, как мне удалось понять, о проверке паспортов и о налоге в 5-10 долларов, за неуплату которого можно попасть на знаменитый и известный у нас «Остров слез». Я же последние свои гроши отдал на чай официанту и стюарду.

Это несколько понизило мое настроение, но я, конечно, присоединился к очереди, рассчитывая, что как-нибудь всё устроится. И действительно устроилось. Ко мне подошел с иголки одетый невысокий человек и на хорошем русском языке спросил меня, не приехал ли я в Амторг. Это был м-р Пост — сотрудник Амторга, который «на всякий случай» приехал встретить пароход, думая, что, может быть, кто-нибудь приедет. Дело было в воскресенье. М-р Пост заплатил за меня пошлину, довез меня и поместил в гостиницу.

Я спросил его, как же это он так сразу отличил меня в огромной толпе народа? Он сказал, что костюм, галстук, шляпа и весь внешний вид очень характерны для русских, приезжающих из СССР. Мне нетрудно было сообразить, почему. Дело в том, что в нашей обычной одежде выезжать за границу было просто неприлично. Поэтому всех командировочных направляли в специальные закрытые магазины или даже к специальным порт-

ным и там их «одевали». Вся эта одежда, изготовленная из более или менее одного и того же материала, шляпы и галстуки одного фасона, конечно, превращали всех нас, командировочных, в стандартную, довольно мешковатую фигуру, вполне типичную. Впоследствии я и сам довольно легко различал в толпе нашу публику.

Может показаться странным, но так называемые «ущелья» Нью-Йорка, наполненные дымом выхлопов многочисленных автомобилей, мне очень понравились. Я не нашел в этих «ущельях» ничего ужасного. Мне нравилось в них кипение жизни, разнообразной и не стесненной политическими ограничениями. Этот огромный город внушал мне уважение тем колоссальным и умным трудом, который заключался в каждом квадратном метре его территории, в каждом камне его зданий. В коробках небоскребов я видел величие замыслов и труда людей; на расстоянии и вблизи, в полировке гранита зданий, в обрамлении и отделке окон, дверей, лестниц я видел бездну умения, чувствовал уважение к труду. К сожалению, у нас в стране было всё наоборот. Небрежность в работе, «коекакерство» уже начинали чувствовать. Если еще на расстоянии наши, скажем, здания производили впечатление, то, приблизившись, вы могли видеть скверную, неумелую отделку, всякие ляпсусы, свидетельствующие о неуважении к своему же труду.

Моя командировка была рассчитана на 6-8 месяцев. Я должен был изучать технологические процессы, оборудование, инструменты на заводах и в лабораториях фирмы RCA в соответствии с

договором о технической помощи. Однако вскоре я был назначен на должность заместителя председателя комиссии Главэкспрома с местом пребывания на предприятии RCA в городе Гаррисон в Нью-Джерси. Я писал отчеты, проверял отчеты моих коллег, организовывал получение и проверку технической документации, предоставляемой нам фирмой RCA. Я старался выполнять свои функции как можно более тщательно и полно и, вероятно, доставлял довольно много неудовольствий как моим коллегам, так и представителям фирмы. Моя строгая лояльность по отношению к своей стране и инстинктивное и противоречивое желание не поддаться воздействию нового мира, конечно, значительно препятствовали моему реальному знакомству с ним. Однако это несколько не мешало мне воспринимать технику США, организацию работы и критиковать в своих отчетах-письмах наши технику и организацию. Но даже очень важные, на мой взгляд, критические письма, призывавшие к технической перестройке у нас дома, не имели никаких последствий. Видимо, они складывались в архив и ими никто не пользовался. В связи с тем, что меня оставили в США на длительный срок, ко мне приехала жена с дочерью, которой шел второй год. Мы поселились недалеко от места, где жила вся наша компания, в квартире многоэтажного дома в местечке Оранж.

Моим начальником стал вскоре приехавший на смену предыдущему Валериан Михайлович Калинин — сын всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина. Это был милейший человек, мягкий в обращении и понимающий, хорошо об-

разованный и вполне способный вести всякого рода переговоры.

Из его разговоров на разные темы у меня сложилось впечатление, что он очень много знает о внутреннем положении в СССР и это доставляет ему буквально физические страдания. Иногда у него как-то непроизвольно вырывались фразы отвращения к нашей власти, сомнения в правильности нашего пути, осуждение. Тем не менее он держался, конечно, очень твердо и лояльно, но всегда очень по-человечески.

Так прошли два года. Я обогатил свои знания всякими техническими новинками и сведениями и наконец стал страшно тяготиться своим положением. Мне надоело все время учиться, узнавать и не иметь возможности эти знания реализовать. Я чувствовал себя как бы не на основном, а на запасном пути, в тупике. Когда я говорил об этом Валериану Михайловичу, он усмехался и старался меня успокоить. Постепенно, однако, я начал чувствовать себя настолько подавленным, что начал ссориться со своим начальником. В конце концов он решил, что больше удерживать меня не следует, и отпустил в СССР.

В последние месяцы мне окончательно осточертела Америка, и к этому еще прибавилось неприятное происшествие во время отъезда.

Поселившись с семьей, я в свое время купил примерно на 300 долларов хорошей, на наш взгляд, мебели и при отъезде пытался ее продать. Но все мои старания были бесполезны: только один агент согласился заплатить за нее 25 долларов. Когда жена об этом услышала, она, буквально, зарыдала. Однако пришлось согласиться. В день

отъезда агент забирает мебель, и я прошу его уплатить оставшиеся 20 долларов (5 долларов задатка я получил раньше). Вместо наличных денег он мне неожиданно хочет дать чек, с которым я не знаю, что буду делать. Я настаиваю на наличных. И он начинает меня шантажировать, заявляя, что я будто бы не заплатил за квартиру и меня разыскивает хозяин дома. Я понимаю, что это шантаж, но пока удастся это доказать, я могу опоздать к отплытию парохода. В совершенной ярости, без денег и без чека, мы грузимся в машину и быстро уезжаем. Это происшествие настраивает меня еще более против Америки. Я ругаюсь и твержу, что больше ноги моей не будет в этой стране. Так мы и отплываем, двигаясь к новому этапу нашей жизни.

Путешествие на итальянском пароходе «Конте ди Савойя» через Атлантический океан, через Гибралтарский пролив, по Средиземному морю в мае было изумительным. Даже после того, как я изъездил США вдоль и поперек и видел все красоты Сан-Франциско, Сиэтля, Йеллоустонского парка, Колорадского Гранд-Каньона, Миссисипи и т. д., это путешествие оставило неизгладимое впечатление красоты и необъятности мира, в котором мы живем. Я смутно чувствовал, что скоро всё это кончится и мы снова попадем в наши узкие границы обыденной жизни.

А в это время во Франции шли бои в Дюнкерке и через несколько дней фашистская Италия вступила в войну.

Уже за время короткого проезда поездами из Италии через Германию и Литву в СССР я увидел, насколько разнятся порядки в странах. В Италии

мы сразу столкнулись с неразберихой, обманом и взятками. Сойдя с парохода в Генуе, мы должны были взять билеты на поезд через Милан, Инсбрук, Мюнхен на Берлин. К нам немедленно пристал разбитной агент, немного говоривший по-русски. За пару долларов он освободил нас от таможенного осмотра. (Я своими глазами убедился в действенности этой взятки. Один из наших попутчиков воспротивился этой «нечестной операции», и всё его имущество было вытряхнуто из чемоданов и перетрясено, тогда как наше даже не смотрели). Он потребовал с нас также по пяти долларов за перевязку наших чемоданов веревками, так как иначе их не примут в багаж на железной дороге. Потом, уже в Берлине, оказалось, что чемоданы, как были не перевязаны, так и остались, перевязывать их и не требовалось.

Он же «устроил» нас в ближайшую гостиницу («нас» в общей сложности было человек десять, включая нашего военного атташе в США с женой и дочерью). Гостиница оказалась грязной и со скверным обслуживанием. По-видимому, этот агент получал «комиссионные» от нашей гостиницы. Он же взялся купить нам билеты на поезд. Три-четыре дня он обманывал нас, уверяя, что билетов нет (гостиница ему платила за каждый день нашего постоя). Кажется, я не выдержал, пошел и без затруднений купил билеты.

При погрузке, учтя наш опыт с таможенным досмотром, я дал носильщику лишний доллар и просил его нас посадить в поезд, что и было сделано. Мы взяли обычные «сидячие» места. Наш атташе взял спальные и носильщику уплатил по таксе. В результате, никаких спальных мест он

не получил и попал туда же, куда и мы. После Инсбрука весь поезд был заполнен немецкими офицерами в военной форме, почему-то очень сосредоточенными и серьезными. Я опасался грубости и возможных провокаций, но всё было спокойно и офицеры были весьма вежливы и любезны.

Приехав в Берлин, мы должны были дожидаться нашего багажа и пересест в поезд нашего направления. Мы остановились в небольшой, но очень чистой и хорошо обслуживаемой гостинице, что было для меня поразительно, если учесть, что была война. Любопытно, что информация о движении нашего частного багажа была такой же точной и верной, как, очевидно, и о передвижении военных грузов. В точно назначенный день мы получили наш багаж. До этого мы каждый день знали, где он находится в данный момент. Это было тоже поразительно, так как в нашей стране частный багаж на дорогах не ставится ни во что, по сравнению с остальными государственными грузами, даже в мирное время, а ведь тут страна была на военном положении.

Даже в метро был строгий порядок и превосходное обслуживание. При нас одна дама поручила кондуктору довести маленькую девочку до определенной станции и сдать ее там с рук на руки. Это было неукоснительно и строго выполнено. О получении у нас такого сервиса бессмысленно было даже думать.

Наш багаж был организованно, без потерь времени, перегружен, и мы поехали дальше.

Остальной путь до нашей границы не оставил впечатлений за исключением остановки в Кауна-

се, столице Литвы, тогда еще независимого государства. На этой остановке в вагон вошли продавцы с огромными блюдами самых разнообразных и весьма аппетитных закусок по очень дешевым ценам. Как нам потом сказали, мы попали в страну обжорства. В Каунасе, куда мы успели выйти, мы тоже увидели огромное количество превосходных продуктов, сытое и жизнерадостное население и несколько провинциальный город. Потом, посетив этот город несколько раз после войны в пятидесятые и шестидесятые годы, я увидел страшную бедность, унылые лица, очень скудную пищу — разительный контраст с этим нашим посещением.

СНОВА ДОМА

Когда мы пересекали границу, у меня несколько ёкнуло сердце и я, как и другие, невольно подтянулся, напрягся и вспомнил, как то же самое произошло с пассажирами в Тильзите на пути в Берлин. В Москве мы должны были пересаживаться в поезд на Ленинград. Отвыкнув от вида наших улиц и толпы за два года отсутствия, я был поражен их неприятной серостью и отсутствием чего-либо похожего на жизнерадостность. Серые люди с серыми лицами копошились, как насекомые, на серых улицах, и это производило тяжелое впечатление и вызывало беспокойное чувство собственного бессилия и ничтожества. Безусловно, я старался не поддаваться этим настроениям и это мне удавалось, но впечатление, однако, сохранилось.

Жить нам в Ленинграде было негде, и дирекция завода «Светлана», куда я вернулся работать в лабораторию уже в должности старшего инженера, определила нас жить в финской усадьбе сразу за Сестрорецком в местечке, называвшемся при финнах «Олило». Наше новое жилище было «плодом» советско-финской войны, которая только недавно закончилась. Олило была первая станция железной дороги, шедшей вдоль красочного побережья Финского залива до Выборга, за которым теперь снова была Финляндия. Места кругом были исключительно живописные. Все в густой зелени лесов. Очень много прекрасных усадеб, богатых особняков, остатков различных

добротой построенных помещений для скота и хозяйства свидетельствовало о весьма высоком уровне жизни здешнего финского населения перед войной. Наши поселенцы этого края, все без исключения, завидовали жизни финнов и восхищались их хозяйственностью и умением.

Сейчас в этих местах располагаются специальные дома отдыха и санатории, а также дачи сильных мира сего. Например, теперешнее Комарово (за Олило в направлении к Выборгу) всё почти сплошь занято дачами «прогрессивных ученых» и МГБ. Представляет это учреждение здесь, вероятно, по крайней мере, каждый третий или пятый.

Каждый день очень рано утром я садился в поезд и ехал на работу. Лишь глубокой осенью мы получили комнату (18 м²) в двухкомнатной квартире нового пятиэтажного дома в далеком предместье Ленинграда на берегу Невы на Малой Охте, рядом с каким-то химическим заводом. Местность здесь была совершенно голая, унылая и, конечно, не шла ни в какое сравнение с Олило. Однако жить в Олило зимой было бы очень сложно из-за трудностей с добытием топлива, продуктов и т. п.

В квартире, кроме нас, жила еще семья стеклодува завода «Светлана», состоящая из четырех человек. Простой малограмотный человек, страшный пьяница, как и все стеклодувы, он часто устраивал дебоши, что, конечно, было не очень приятно и создавало огромный контраст с нашей тихой, спокойной и очень удобной жизнью в отдельной двухкомнатной квартире в Оранже (Нью-Джерси). Кроме того, привычки всей семьи стеклодува в смысле поддержания чистоты были не

очень высокого уровня. Все хозяйственные дела приходилось делать в комнате. Безусловно, эти условия жизни были куда лучше, чем до нашей поездки в США и им могли завидовать, пожалуй, 60% населения. Лучшего было трудно и ожидать: я хотя и был «старшим» инженером, но не принадлежал ни к партийной, ни к профсоюзной аристократии и даже не был членом партии. Больше того, я решил не брать обратно мои комсомольские документы, которые сдал перед отъездом. Во-первых, мне уже было 30 лет — какой уж тут комсомолец! Во-вторых, если бы я их взял, у меня было бы только два выхода: либо оставаться престарелым комсомольцем и подвергаться всё время нажиму для вступления в партию, или вступать в партию. Но ни из-за каких — хорошо известных мне выгод, обеспеченных члену партии, я не хотел пренебречь технической карьерой. Я твердо решил быть связанным с чистой техникой: административная, партийная и профсоюзная карьеры меня не интересовали. Я хотел создавать вещи, изобретать, работать над новыми электронными приборами. Если бы я тогда вступил в партию, меня неизбежно «выдвинули бы» и я мог бы сделать «блестящую» карьеру вплоть до министерской, если бы, конечно, не мой слишком прямой и технически логичный характер. Вступив на этот путь, я, конечно, достиг бы высокого положения, но и, несомненно, когда-то попал бы в опалу или даже в тюрьму. В данный момент представился очень удобный случай остаться «беспартийным ученым», чем я и воспользовался. Финские события, договор с Гитлером, очевидно, создали определенную суматоху и пу-

таницу, и обо мне в ЦК ВЛКСМ, где лежали мои документы, так и не вспомнили.

В лаборатории мне была поручена крупная и ответственная разработка: 60 квт разборный телевизионный тетрод с внутренней нейтрализацией для телевизионного передатчика будущего «Дворца Советов» в Москве. Этот «Дворец Советов» так до сих пор и не построен.

Я использовал, но своим, оригинальным образом, опыт, полученный в США, и разработал технику пайки высокотемпературными припоями ($800-900^{\circ}\text{C}$) деталей весьма больших размеров, а кроме того, разработал специальные печи с водородной атмосферой для таких паяк. В дальнейшем эту конструкцию воспроизвели в большом количестве промышленно выпускавшихся водородных печей (вплоть до настоящего времени). Одна из моих печей развивала температуры до $1800-1900^{\circ}\text{C}$ и применялась перед самой войной для наплавки авиационных клапанов стеллитом.

Одновременно я разработал оригинальную конструкцию самофокусирующего электронные пучки танталового катода и сеток для уже упомянутого лучевого тетрода. На этот катод я получил первое авторское свидетельство, выданное мне, правда, уже спустя длительное время после войны.

1940 год был полон слухов и беспокойства. Все время происходили военные учения, строились бомбоубежища. Очень многих работников отвлекали для таких строительных. Я же был увлечен своей техникой и очень мало ко всему этому прислушивался и приглядывался. Голова была за-

нята воображаемыми конструкциями, явлениями, новой технической информацией (я следил за всеми журналами по моей и смежным специальностям и уже забыл даже свою жизнь в США).

ВОЙНА

Так продолжалось до самого начала войны. Помню, по каким-то делам я был на Невском проспекте и увидел, как люди показывают на небо и жестикулируют. Я тоже стал всматриваться: на очень большой высоте летели немецкие бомбардировщики, их было немного. Через некоторое время послышались взрывы и из-за домов стал подниматься дым. Это горели так называемые Бадаевские продовольственные склады. Именно этот пожар резко ухудшил обеспечение города продовольствием в будущем: очевидно, немцы были превосходно осведомлены о важнейших объектах для бомбардировки. Ночью, при очередной бомбежке, я увидел многочисленные вспышки сигнальных ракет. Оказалось, что эти сигнальные ракеты запускались какими-то ленинградцами, видимо, по немецким инструкциям указывавшими важные объекты. В частности, я слышал, что из-за этого были арестованы несколько учеников ремесленных училищ. Позднее я узнал также о многочисленных поджогах, устроенных жителями — немецкими агентами.

Нельзя сказать, что война была для нас полной неожиданностью. Было ясно, что дело идет к этому. Однако население Ленинграда, конечно, недоумевало, почему в порту продолжают грузить и отправлять пароходы с зерном и сырьем в Германию. Торжества по случаю пакта с Германией и речь Молотова по этому поводу тоже были свежи в памяти. Но приближение войны, и

именно с Германией, всеми ощущалось и непонятны были только действия нашего правительства. Надо прямо сказать, что население было куда более дальновидным и здравомыслящим, чем правительство. Случайно, уже после 22 июня, мне попалась брошюра с докладом Молотова о пакте с Германией, и я поразился его восхвалению нацистской идеологии, которую, по его словам, «нельзя было истребить огнем и мечом» (англичан и французов), а надо было трезво и внимательно рассмотреть. Риббентроп и Гитлер представлялись уважаемыми и большими государственными деятелями. Брошюру немедленно изъяли из обращения, и обладание ею стало антисоветским актом. Видимо, поэтому я и не мог сохранить ее, о чем впоследствии очень жалел. Это — прекрасный образчик хамелеонства наших «партии и правительства».

Мои родные, вернее моя мать и одна из сестер, продолжали жить там же, недалеко от Мариинского театра. Обе сестры уже работали секретарями-машинистками. Младшая сестра незадолго перед войной вышла замуж, и у нее появился маленький сын Володя. Она жила отдельно от матери, но, как и я, очень часто навещала ее.

Пока я был в США, отец, снедаемый страстью к перемене обстановки, уже успел уехать из Березников и побывать на Крайнем Юге, кажется, в Ашхабаде. Перед войной он подписал договор на работу на той самой Колыме, куда отправляли в концлагеря политических преступников. В письмах он рассказывал о страшно суровой жизни и опаснейших приключениях, случавшихся с ним. Ему пришлось проделать тяжелейшее и очень дол-

гое путешествие в забитом людьми трюме парохода, среди грязи, вони и тесноты. Многие, как он сам же писал, этого не выдерживали и заболели. Однако ему удалось все перенести. Нужно сказать, что его описания этого трюмного путешествия очень похожи на описания перевозки черных рабов из Африки.

На Колыме ему пришлось совершать длительные поездки на лошади по почти непроходимым тропкам дремучей тайги. Как-то весной, при одном из таких путешествий, попытка перейти вброд разлившуюся и разбушевавшуюся речушку закончилась довольно длительным купанием в ледяной воде. После чего, по всем правилам первооткрывателей, ему пришлось использовать самые изощренные приемы сушки, чтобы не заболеть и не умереть.

Буквально за несколько дней до войны срок его контракта истёк и он отправился домой. Однако ему удалось добраться только до Омска, где его задержали по декрету, ограничивавшему передвижение людей и въезд в такие города, как Москва и Ленинград. Ему пришлось остаться в Омске и поступить там работать на завод в должности заведующего энергохозяйством, или главного механика; здесь отец жил до 1943 года, когда при неизвестных обстоятельствах он умер.

Весьма значительная сумма денег, которую он положил на имя матери в сберкассах еще до войны и благодаря которой она могла более или менее нормально жить, была после объявления войны по декрету арестована, и это резко ухудшило (не говоря уже о тяготах самой войны) материальное положение нашей семьи.

Карточная система на продовольствие и его дефицит, конечно, не были для населения чем-то новым: к этому всем пришлось привыкать и в мирное время. Но с первого же налета немецких самолетов на Ленинград нормы выдачи резко сократились и люди стали голодать. Вначале к нам на Охту снаряды немецких орудий не долетали и бомбежка здесь была меньше. Когда же я навещал мать, почти каждый раз приходилось слышать свист снарядов немецкой тяжелой артиллерии и испытывать весьма противные переживания во время авиационных бомбардировок, спастись от которых было негде, так как дом был хотя и четырехэтажный и каменный, но весьма непрочный и без подходящего подвала. Поэтому при бомбежках люди скапливались внизу лестницы и у выходов. Мама переносила налеты авиации с каким-то необыкновенным спокойствием и говорила иногда: «Ну, попадет (бомба), видно, так суждено. Ничего не поделаешь». Большей частью она оставалась у себя в комнате. К счастью, хотя несколько больших домов кругом и было разрушено, наш дом совсем не пострадал.

Сразу же после первых немецких налетов начали эвакуировать детей. Население, конечно, продолжало оставаться в полном неведении о состоянии дел как в стране, так и под Ленинградом, и руководствовалось многочисленными слухами и своим здравым смыслом. Мы с женой решили, что нашу дочь тоже надо эвакуировать. Жена тщательно собрала ее в дорогу, и дочь уехала вместе с какой-то детской организацией. Дело в том, что взрослым тогда эвакуироваться не разрешали, а без разрешения вообще никуда не уе-

дешь. Поэтому мы и хотели избавить от голода и бомбардировок хотя бы дочь. Буквально через две недели стало ясно, что это было ошибкой. Там, куда детей вывезли, тоже были воздушные налеты и разница была лишь в том, что теперь рядом с ребенком не было его матери. После мучительных разговоров и размышлений жена решила поехать и забрать дочь обратно. Уже на обратном пути их поезд подвергся бомбежке, и пассажиры, кто успел, скатились на насыпь из вагонов. Часть вагонов была разбита и сгорела. Жена и маленькая дочь вдоволь насмотрелись на убитых и раненых взрослых и детей, на взрывы и огонь. Но им повезло, и они благополучно добрались до дому после ряда всяких других, менее опасных неприятностей.

Через несколько дней стало ясно, что жена, привезя дочь, поступила совершенно правильно. Началась массовая эвакуация семей. Власти поняли, что Ленинграду грозят не только бомбардировки, но и настоящий голод, и семьи в этом случае будут сильнейшей обузой при обороне города.

Жена с дочерью, со своей матерью, сестрой и старухой — дальней родственницей быстро собрались в дорогу, и их поезд едва успел проскочить перед тем, как немцы завершили полное окружение города. Лишь позднее я узнал, что их направили в деревню Камбарку под Ижевском. Теперь они уже были на достаточном расстоянии от немцев и от объектов бомбардировки.

Моя мать решила остаться, а сестры были мобилизованы и служили уже секретаршами при штабе Ленинградского фронта. На нашем заводе

тоже происходила мобилизация в «добровольное» ополчение. Поскольку ополчение состояло сплошь из людей совершенно не обученных военному делу, зачастую не способных даже к физическому труду и к тому же, практически, не имело оружия, то в нем погибло огромное количество интеллигенции и простого народа. Погибло совершенно бессмысленно и ненужно.

Как и все, я вынужден был подать заявление о добровольном вступлении в ополчение. Но, по неизвестным мне причинам, меня не трогали. Все, кто оставался на работе, спешно занимались упаковкой и отправкой заводского и лабораторного оборудования. Его отправляли сначала по железной дороге на финской стороне Невы в узкой полосе, удерживаемой в наших руках, а затем на баржах через Ладожское озеро на Свирь и дальше опять по железной дороге в Новосибирск.

Каждый вечер и ночь для охраны завода от посторонних людей выделялись вооруженные караулы. В таком карауле не раз пришлось побывать и мне. Стоя ночью на своем посту, я соображал, что же делать, если появится какой-нибудь злоумышленник. Я совершенно не был уверен, что сумею или выстрелить в него, или, скажем, его арестовать. Конечно, у меня был значок «Ворошиловский стрелок», выданный мне, когда я был еще студентом, за успехи в стрельбе при прохождении военного обучения. У меня был и значок «Готов к труду и обороне», выданный в те же времена за успехи в физкультуре. Это не значило, что я действительно выделялся в стрельбе или физической подготовке. Такие значки получал, практически, каждый, кто хоть сколько-

нибудь добровольно этими делами занимался. Обладателей этих значков были миллионы. Однако теперь, в реальной обстановке, я был в полном замешательстве. Думаю, что то же переживали тысячи. Это просто говорит о том, насколько были обманчивы эти военные успехи в мирное время. В огромных масштабах это выявилось на всех фронтах и во всех ополчениях. В одно из таких дежурств мой хороший знакомый проявил твердость характера (едва ли можно сказать — находчивость) и выстрелил в какого-то человека, не ответившего вразумительно на его окрик и не остановившегося, и даже, кажется, ранил его. Потом оказалось, что это был один из наших работников, добиравшийся в кромешной тьме из дома на завод. Но переживание оказалось для моего знакомого столь сильным, что он и до сих пор с ужасом о нем вспоминает. Хорошо еще, что этот работник не сильно пострадал, а то ведь могло состояться и просто убийство, какие происходили в Ленинграде сплошь и рядом.

В начале октября 1941 года я еще не успел попробовать кошатины или собачины, как впоследствии некоторые мои коллеги. В частности, умерший не так давно доктор наук Г. Бабат, известный своим высокочастотным транспортом, рассказывал мне с подробностями, как он охотился за каким-то несчастным котом, а затем и ел его. По его уверениям, кошатиная была почти как телятина. Я этому уже не удивлялся, так как в Ленинграде ели не только кошек и собак, но и людей, и всё равно умирали с голоду.

Мама пережила в Ленинграде почти всю блокаду и не умерла от голода лишь благодаря по-

мощи сестер (как военнослужащие они получали больше продовольствия, чем население) и обмену на еду граммофонных пластинок, сувениров и различных вещей, которые я привез перед войной из США. Даже в условиях ленинградской блокады те, в чьих руках было продовольствие, сами сытые, желали поживиться чужим добром. Поэтому матери иногда удавалось за граммофонную пластинку получить лишнюю порцию еды.

Почти перед самым концом блокады моя мать с маленьким Володей, сыном моей сестры, эвакуировались через Ладожское озеро в глухую северную деревню под Котлас.

ЭВАКУАЦИЯ И НОВОСИБИРСК

18 октября по приказу наркома нашей промышленности группа сотрудников лаборатории (со мной в том числе) была эвакуирована в Новосибирск. Новосибирск оказался базой, где частично эвакуированная «Светлана» должна была превратиться в крупный (с лабораториями) электровакуумный завод

Ехали мы в общей сложности очень долго, что-то около месяца. Поселили нас в здании бывшего научно-исследовательского института геодезии, аэрофотосъемки и картографии НИИГАиК, а в просторечии «Негайка». Там же стала размещаться и лаборатория завода.

В комнате нас было четверо. Трое с завода «Светлана» и четвертый — какая-то странная личность, что-то вроде бывшего повара и в то же время научного сотрудника. Не исключено, что этот человек работал в КГБ. Так или иначе, мы его опасались. Голодали мы в Новосибирске страшно, хотя, конечно, не так, как в Ленинграде. А наш «повар» часто приходил за полночь и начинал варить на электрической плитке себе ужин. По комнате разносились запахи пищи и звон посуды, так что спать было трудно, особенно на наш голодный желудок. Мы все трое его поэтому ужасно не любили.

Вскоре по приезде я был назначен начальником цеха мощных генераторных ламп, который нужно было смонтировать и пустить в ход в при-

способляемых для этого помещениях какого-то довоенного завода.

Хотя мы ежедневно получали по 600 г черного хлеба (съедали мы его почти в один присест), меня буквально тошнило от голода. Видимо, хлеб был малопитателен. Кроме него, практически ничего не было, так как то, чем нас кормили в общей столовой, и по количеству и тем более по качеству можно было не принимать в расчет.

Мне и двум моим коллегам повезло — удалось взять заказ на электропроводку в сельскохозяйственном институте под Новосибирском за натуроплату. Мы работали там по воскресеньям и получили по полмешка картошки и капусты. Эта добавка нас очень подкрепила. Более того, мой сотрудник по цеху, очень пожилая одинокая женщина-инженер, которой я отдал немного своей картошки, говорила мне впоследствии, что я ее спас от голодной смерти.

Нищета и до нас в городе была велика, а с нашим приездом и еще прибавилась. Знаменитое сибирское довольство сохранялось лишь в глухих деревнях, оторванных от центров бездорожьем. В них нам, конечно, тоже пришлось наведаться. Хотя я почти ничего не привез с собой, но, при всей невероятной скудости моего имущества (основное увезла жена, а многое осталось и исчезло в Ленинграде), у меня была пара американских полотенец и лишняя простыня. Поэтому в одну из предпринятых моими коллегами поездок за продуктами и я увязался с ними. Мы долго (в воскресенье) плыли на маленьком пароходе по широкой Оби и наконец попали в одно подходящее село, где нас уже ждали (горожане менять вещи

на еду ездили регулярно). Так удалось получить еще небольшое подкрепление. В городе был также довольно большой черный рынок, на котором можно было купить все, но за бешеные деньги, которых нам, конечно, не платили.

Сначала мы собирались получить разрешение на переезд ко мне семьи. Жена, однако, решила сначала посмотреть, как я живу, и после значительных хлопот приехала ко мне одна. Она рассказала мне, что живут они в одной комнате, в избе, имеют свой огород и сняли с него неплохой урожай. Она сама работает на местном маслозаводе на приёмке молока и поэтому не только сама сыта, но может кормить дочь и мать. Ее сестра тоже работает и ей платят продуктами.

Выяснилось, что им приезжать ко мне и вместе помирать с голоду на государственной службе не имеет никакого смысла. Так мы снова расстались до лучших времен.

Лет десять назад (в шестидесятых годах), будучи в отпуске, я решил посмотреть Новосибирск снова. Город значительно разросся: построили много стандартных 4-5-этажных коробок. Один из бывших (вернее, даже часть) военных аэродромов, служивших для испытания самолетов, выпускавшихся заводами в Новосибирске, был наскоро приспособлен под гражданский аэропорт. Центр города тоже обогатился стандартной принадлежностью крупного советского города: огромной асфальтированной площадью со сталинского стиля помпёзными многоэтажными домами вокруг. На этой площади проводились все стандартные демонстрации и парады.

Однако атмосфера прежнего Новосибирска странно сохранилась. Те же серые унылые улицы с редкими магазинами, те же надоевшие витрины с бутафорией никому не интересных товаров. Та же всесоюзная практика: всё, что может интересовать потребителя, скрыто под прилавком и продается лишь по знакомству. Открыто разложено лишь «барахло».

Та же знаменитая «Ельцовка». Наша «Негайка» стояла на краю глубокого и длинного оврага-ущелья, пересекавшего весь город. В его 50-100 метровой глубине тек вонючий малозаметный ручей, называвшийся «Ельцовка». В сущности «Ельцовкой» назывался именно этот огромный овраг. Вся та часть города, которая находилась за оврагом, называлась «Заельцовкой». Но сам овраг был самостоятельным и значительным, хотя и неофициальным районом города. Дело в том, что в Новосибирск стекались и стекаются сейчас беглецы из колхозов, концлагерей, ссыльно-поселенцы. Овраг официально не входит в сумму площадей городских земель, так как его склоны считаются непригодными ни для строительства, ни для посадки зеленых насаждений. Однако овраг широк и его склоны примерно под 45° тоже широки. И весьма многочисленный пришлый народ использует их для «строительства» какого ни есть жилья. Для него используется всё: ржавые обрывки железа, доски, картонки, ржавая проволока, какие-то отдельные бревна, осколки стекол вместо окон и, конечно, земля. Основа жилища — яма, выкопанная в склоне оврага. Весь остальной материал — это крыша и полуметровые или метровые (в высоту) две или три «стены», чтобы иметь какую-то дырку в качестве окна.

Уже в те времена, когда мы приехали впервые в Новосибирск, овраг был заселен многими десятками тысяч людей. Уже тогда на его примитивных жилищах были даже номера: без номера дома не доставишь почту, не укажешь местожиительство. Население «Ельцовки» уже тогда снабжало армию новобранцами, а без номера дома-жилища некуда даже повестку о призыве прислать. Так что эта «Ельцовка» стала фактически районом города.

В мой новый приезд «Ельцовка» не только сохранилась в своей полной «красе», но и заметно разрослась за счет разветвлений и продолжений оврага. Конечно, ее землянки несколько подновились, подкрасились, но это была все та же «Ельцовка». Ее население и сейчас составляло несколько сот тысяч человек. Я видел в журналах фотографии «бидонвилей» и трущоб, скажем, Южной Америки. Они — та же «Ельцовка», пожалуй, даже классом выше. Конечно, трущобы Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, которые я повидал, — это богатые и удобные дворцы по сравнению с «Ельцовкой». Нужно еще не забывать и о климате Новосибирска: морозы в 30-50° С здесь не редкость, как и пронизывающие холодные ветры. При всей своей неприхотливости, я не мог даже вообразить, как живут обитатели «Ельцовки» зимой.

Бывать в «Ельцовке» во время дождей мне не приходилось хотя бы потому, что туда и не добраться: сплошные каналы глубокой и липкой глинистой грязи. Вся грязь стекает в овраг. Как ее жителям удастся каждый день добираться на работу и с работы, одному Богу известно. Кстати, не думайте, что жители «Ельцовки» — какие-нибудь бродяги, бездельники, нищие. Нет, они все,

за очень малым исключением, вполне уважаемые трудящиеся. Распространением и расширением «Ельцовки» вполне объясняется и мое разочарование (правда, вполне привычное) при этом приезде. Я рассчитывал, что теперь-то в этом огромном (по населению, но не по площади) городе я найду место, где можно переночевать по-человечески. Но не помогла ни моя золотая медаль лауреата Ленинской премии (вместе с документами), ни мои, буквально, вопли, что мне некуда деваться. Администраторы двух (или трех) имевшихся на весь город гостиниц даже не взглянули на мои документы. Для них я был слишком маленькая «шишка». Как всегда, больше пользы было от швейцаров. За трешницу один из них посоветовал пойти на Обь, где из старой баржи было сделано что-то вроде плавучей гостиницы; другой посоветовал отправиться на «Заельцовку», на колхозный рынок: может быть, там найдется место в «Доме колхозника». Я предпочел сначала «плавучую гостиницу», но вскоре получил там всего лишь более человеческий, но всё же отпор. В «Доме колхозника» мне здорово повезло, и я получил там место переночевать. Этот «Дом колхозника» — одноэтажное, деревянное, довольно непривлекательного вида здание рядом с рынком. Кругом — грязища и самый «трусобный» вид. В единственной, но большой комнате этого дома, почти без проходов, было размещено около дюжины кроватей с серым бельем и темно-серыми тонкими одеялами. Все остальное «оборудование» исчерпывалось жестяным баком с кипяченой водой и с жестяной кружкой на железной цепочке, прикованной к баку; деревянным пеналом-уборной на дворе и установленным посреди двора

«умывальником». Умывальник — это жестяной бачок, в который ведром заливается вода, приносимая из уличной водоразборной колонки (водопровода нет), а в отверстие на дне вставлен стержень-клапан. Вы снизу приподнимаете стержень-клапан, и вода по нему стекает вам на руки, а с них обычно прямо на землю. Такой умывальник — стандартное оборудование по всему СССР в тех многочисленных местах, где нет водопровода.

Воздух в комнате был «хоть топор вешай». Все курили, тут же распивали водку и самогон, все отнюдь не страдали излишней чистоплотностью, и запах пота был достаточно пронзительным.

Я так подробно на этом остановился потому, что это и есть настоящий СССР (не Россия), основной, а не та его парадная часть, на которую смотрят все приезжающие из-за рубежа.

Вернемся, однако, к основному рассказу.

К лету 1943 года на новом месте появилось действующее электровакуумное предприятие, выпускавшее в широком ассортименте радиолампы для военной техники. Всё уже вошло постепенно в колею. Жить и работать было очень тяжело, но налетов не было, не было катастроф, и даже особых событий, кроме того, что кто-то умирал от истощения и голода, а также довольно многие голодные люди попадали в концлагерь, не выдержав искушения при виде пшеницы, ржи, картошки, капусты, пропадающих на неубранных колхозных полях. Они тайком собирали, иногда прямо из-под снега, эту гибнущую пищу, и на них доносили. Эти несчастные исчезали в концлагерях и там погибали.

БЛИЖЕ К МОСКВЕ. ФРЯЗИНО

В конце лета 1943 года из Москвы пришло решение перевести «затравку» научных кадров из Новосибирска под Москву в поселок Фрязино на бывший электроламповый завод, в свое время также эвакуированный в Ташкент. Считалось, что предприятие в Новосибирске уже встало на ноги и можно без особого вреда оторвать от него часть людей для воссоздания подмосковского предприятия.

Так примерно три десятка инженерно-технических работников (и в том числе я) отправились в длинный путь, но уже не на родину, в Ленинград, а под Москву. Большая часть ленинградцев и москвичей осталась, конечно, в Новосибирске, и на нас на всех смотрели, как на счастливых. Все остальные готовы были бросить свои огороды, свою трудную, но известную и как-то приспособленную жизнь и ехать «домой» из Сибири в неизвестную и, может быть, еще более тяжелую жизнь. Об этом, однако, никого не спрашивали. Государственный механизм зацепил нас — и мы поехали, а тех не зацепил — и те остались. (Очень многие до сих пор живут в Сибири, продолжая мечтать о возвращении, которое и сейчас остается для подавляющего большинства невозможным, хотя после конца войны прошло уже 30 лет.) После примерно двухмесячного путешествия в теплушке мы очутились во Фрязине.

Нас хорошо разместили в обезлюдевшем за два года войны посёлке. Я в расчете на возвращение семьи получил две комнаты на первом этаже че-

тырехэтажного кирпичного дома с водопроводом, уборной и центральным отоплением. После моей комнаты-общезития на четырех в Негайке это было превосходно.

Меня назначили начальником лаборатории, которая стала заниматься разработкой (или вначале копированием) комплекта ламп для военных радиолокаторов: водородного тиратрона, гетеродинного клистрона, многорезонаторного магнетрона.

Лаборатория была не очень большая и, поскольку она состояла из очень квалифицированных людей, то я вполне мог заниматься частью ее задач лично сам. С этого началась моя работа в области многорезонаторных магнетронов. Оборудование лаборатории было чрезвычайно скромным и примитивным. Поэтому, например, сверление и расточку резонаторов в медном блоке мы вместе с превосходным механиком, по существу артистом своего дела, производили на обычном токарном станке, на сконструированном нами специальном приспособлении. Интересно, что полученные нами точности были не хуже тех, которые впоследствии получались на специальном оборудовании.

Вакуумное соединение медных трубок со стеклом, представляющее собой часть конструкции магнетрона, наш стеклодув никак не мог освоить. Эта операция требовала специального навыка, которого у него не было. Мне пришлось разработать простейшие устройства и осуществить впервые в СССР (и, возможно, даже в мире) операцию спаивания медных трубок со стеклом с помощью высокочастотного нагрева. Качество изделий получалось очень высоким и однородным, а делал их я

сам лично. Впоследствии эта операция выполнялась совсем не квалифицированной работницей.

За время моей профессиональной деятельности мне неоднократно приходилось отрываться от разработок электронных приборов и исследований для решения такого сорта задач, оказывавшихся не под силу даже весьма квалифицированным рабочим.

В то же время я уже тогда чувствовал, что, став инженером, превратился в социально менее ценного человека. Получался невероятный парадокс. Когда я был простым станочником, то есть рабочим, я был, как у нас говорят, «кум королю и брат министру». Я безусловно ощущал свою ценность и прочность места в жизни. Теперь я очень многому научился, стал инженером, стал безусловно лучше, умнее и, казалось бы, ценнее для общества во всех отношениях. Однако в глазах того же общества мое значение уменьшилось, и я превратился в человека, если не четвертого, то третьего сорта. И это не моя выдумка, а суровая реальность. Казалось бы, такой факт, как блестящее решение задачи спаев медных трубок со стеклом, экономически и технически куда более важный для общества, чем перевыполнение мною норм на 50 и даже 100% в бытность станочником, должен был быть как-то отмечен этим обществом. Но это не произвело никакого впечатления и было совершенно не замечено. Нетрудно понять, что если бы оценка общества была бы единственным стимулом инженерной деятельности, то общество вскоре перестало бы развиваться, последствия чего были бы весьма неприятны не только для инженеров, но и для людей «первого сорта» —

рабочего класса. К счастью, это не единственный стимул в инженерной деятельности.

Однако можно совершенно не сомневаться, что наличие этого парадокса безусловно тормозит развитие СССР.

Вскоре к нашей лаборатории присоединились «харьковские ядерщики», эвакуированные в свое время из Харькова: Вальтер, Синельников, Головин и другие. После освобождения Харькова они уехали к себе, а Головин (Игорь Николаевич) перешел в Институт Курчатова, где создал в свое время знаменитую «ОГРу»^{*}.

Кроме работ по плану, нас довольно часто привлекали к устранению различных технических затруднений, возникавших на заводе. Завод в то время насчитывал уже несколько тысяч человек, живших в поселке и ближайших деревнях. Естественно, весь завод работал только на военные нужды. Для гражданского потребления не выпускалось ничего.

Приехав во Фрязино, я стал хлопотать о переезде ко мне семьи, получил разрешение и соответствующий пропуск.

В ноябре 1943 года жена с дочерью приехали ко мне, но не надолго. После прорыва блокады Ленинграда в феврале 1944 года сразу же возник вопрос о возвращении на родину. Мать и сестра жены уже получили пропуск в Ленинград и уехали туда. Там оставался всё время ее брат, член КПСС и начальник цеха Кировского завода, влиятельный человек в партийных и административных кругах.

^{*} ОГРа — сложнейшая машина для термоядерных экспериментов.

Все они звали в Ленинград. Наконец, брат жены даже прислал пропуск в Ленинград и на нас. Но моя попытка получить разрешение на перевод в Ленинград встретила твердый отказ. По известному тогда декрету, я не имел право «самовольно» менять работу.

Жена настаивала на переезде, а я ничего не мог поделать: ведь не идти же мне под суд за «самовольное оставление работы». Так ведь можно попасть и в исправительно-трудовой лагерь. В конце концов, по настоянию жены, было решено: ей — ехать, а мне — настойчиво хлопотать об увольнении с работы или о переводе на «Светлану». Так мы снова расстались, и надолго. Одним из решающих доводов жены был тот, что я, целиком поглощенный работой, не смогу ей помочь в разных затруднениях, связанных с жизнью в посёлке, а особенно — в общении с Пакиным, с характером которого она уже познакомилась.

Пакин — личность, хорошо известная всем живущим в поселке и даже в окружающих деревнях. Пакин — всего-навсего начальник жилищно-коммунального отдела (ЖКО) нашего фрязинского предприятия.

Дело в том, что практически весь посёлок состоял из домов, принадлежащих предприятию, и там жили, в основном, семьи работавших на нем. Очень многие из тех работников, что жили в деревнях, мечтали переселиться в посёлок. Для управления этим огромным хозяйством на предприятии существовал жилищно-коммунальный отдел, подчинявшийся директору. Таким образом, директор предприятия был богом для Фрязина, но начальник ЖКО Пакин был его прямым заместителем. И это еще было бы не так плохо, потому что

директор был в какой-то степени культурным человеком, но фактически всё было значительно хуже. Начальник ЖКО должен был иметь дело не столько с инженерами и их семьями, сколько с прежними колхозниками и вообще людьми малообразованными, часто очень грубыми и настойчивыми в своих домогательствах. Больше того, в те времена люди даже усвоили, что главное значение имеют не права, а, как у нас говорят, «горло», то есть способность громко и настойчиво требовать и умение дать взятку. Поэтому, пожалуй, 90% посетителей, с которыми имел дело Пакин, старались добиться своего любыми средствами, включая «горло», взятку, хитрость, женский плач. Как, скажем, быть, если у вас отказалось работать центральное отопление, а печь в комнате не предусмотрена и на улице тридцатиградусный мороз? Или, скажем, вы живете на верхнем этаже, а крыша течет, и вас, особенно весной, когда тает снег, буквально заливают? И вы знаете, что таких, как вы, несчастных — десятки или сотни. И знаете, что нет ни людей, ни материалов для починки, поэтому вас может спасти только божественное вмешательство, то есть вмешательство самого Пакина. Ни у одного порядочного человека, вынужденного какое-нибудь продолжительное время работать начальником ЖКО, не могли бы выдержать нервы. На такое место годился только бездушный, грубый, хитрый, сильный человек, способный противостоять грубости, хитрости, силе, бесстыдству. Таким человеком и был Пакин, и он был уникален. Найти на его место другого было почти невозможно. Пакин это прекрасно знал и был больше богом, чем директор, которого практически он, Пакин, держал в руках, а не на-

оборот. Жаловаться директору на Пакина было не только бесполезно, но и опасно: ваша жизнь в посёлке могла стать для вас и вашей семьи очень неприятной. Были случаи, когда он запросто выселял из посёлка неугодного ему человека, так же, как он мог и вселить другого — без всяких прав, но ему удобного.

Жена была, безусловно, права: я, действительно, по своему характеру, не мог рассчитывать на понимание и сочувствие со стороны Пакина. В таком большом городе, как Ленинград, где власть над жителями более рассредоточена, было больше, конечно, возможностей и выбора для преодоления различных жизненных затруднений. Эта власть и не была там так опасно персональна. Кроме того, там было много родственников, знакомых и жить было легче. Понимая всё это, я согласился на отъезд семьи в Ленинград.

Решив проблему Пакина, мы создали себе другие проблемы. Зарплату я, конечно, мог посылать семье, заплатив за перевод 2% пересылаемой суммы. К этому грабежу я уже привык. Все прекрасно знают, что деньги, конечно, не пересылаются, а пересылается лишь бумажный листок, то есть распоряжение выдать деньги адресату, и стоит это гроши. Однако этот порядок существует уже лет 50 и до сих пор жив. По-видимому, он сохранился с тех пор, когда деньги перевозились на лошадях курьерами. Но главное было не в этом, а в том, что, живя отдельно, жена с дочерью не могли существовать на мою зарплату. Я получал во Фрязине специальные продуктовые карточки, которых у жены в Ленинграде не будет. Обычные же карточки, которые она может получить, обеспечивали лишь голодную норму. Кроме того, на

моем предприятии бывали различные выдачи дополнительных продуктов.

Единственным возможным решением этого вопроса было экономить часть получаемых продуктов и с оказией (с командирруемыми для разных целей в Ленинград знакомыми) или самому (по праздникам) доставлять их семье.

Кроме того, жена получила маленький участок земли под Ленинградом для огорода, что дало ей возможность (правда, затратив много труда и времени на поездки за город и обработку земли) получить небольшую добавку к питанию — в основном, картофеля. Кое-что удавалось раздобывать и в результате продажи еще оставшихся у нас вещей.

Так, перебиваясь «с хлеба на воду», и жили. Особенно приходилось страдать от холода с начала осени по конец весны, так как топить было нечем и центральное отопление, где оно было, едва-едва теплилось.

Мы были молоды и переносили все это без особых трагедий. В августе 1944 года, уже в Ленинграде, у меня появился на свет сын, и ему пришлось делить с нами эту суровую жизнь. Вообще, несмотря на все тяготы, жизнь шла своим чередом: люди не только умирали, но и рождались, любили, страдали, веселились, всё время к чему-то стремились, чего-то добивались. Только уже спустя много лет вспоминали и ужасались: как это мы смогли выжить, в каком ужасе нам пришлось жить!

Зимой 1944 года я решил вывезти из-под Котласа мою мать с маленьким сыном сестры Володи. Получил всякие необходимые документы, отпросился с работы на неделю и отправился. После

длительного и унылого путешествия я вышел, наконец, из поезда на маленькой, заваленной снегом станции. Расспросив, как добраться до колхоза (до него было что-то около 20 км), и не найдя ни попутчиков, ни лошади (об автомобиле, конечно, и говорить не приходилось), я отправился по снежной дороге в путь. Было у меня немного денег, на которые, кроме обратного билета, трудно было что-либо купить, и пара сухарей в кармане.

Мама сильно постарела и похудела, стала совсем седая. Сил у нее было так мало, что их даже не хватило на бурную радость. Увидев меня, она только тихонько заплакала и чуть слышно поздоровалась. Племянник же меня еще не знал и поэтому рассматривал меня недоверчиво. Жили они, конечно, как и все, в маленькой и низенькой избе. О гигиене говорить не приходилось. Поэтому все были во вшах. Потом, во Фрязине и Ленинграде, им пришлось уже с нашей помощью отмыться.

Через месяц, получив от сестры из Ленинграда пропуск, я отправил к ней маму и племянника.

Так, постепенно, моя семья и родственники вернулись в Ленинград и только я один оставался во Фрязине. Меня оттуда не отпускали.

Скучать и, как говорят, «переживать» не приходилось. Работы было много, и для меня очень интересной. По сути, ничего другого, кроме работы, и не было. 10-12 часов в лаборатории, и затем дома всё время за обдумыванием вопросов, связанных с работой. В воскресенье тоже день был занят. Нужно было ехать за 40 км в Москву за ненормированными и рыночными продуктами. Тогда (до 50-х годов) Фрязино еще не было связано железной дорогой с Москвой. Поэтому нуж-

но было на попутном грузовике, а иногда и пешком, добираться до Щёлкова, (до него было 8 км), откуда ходили прямые поезда до Москвы. Или ехать по узкоколейке «кукушкой» до Болшева, а оттуда также поездом до Москвы. Путь в один конец занимал примерно 2,5-3 часа. Эти путешествия никогда не были однообразными: всегда что-нибудь случалось. То нет грузовиков по неизвестным причинам, то дорогу занесло снегом и «кукушка» не ходит. Однажды наш грузовик с кузовом, набитым людьми, перевернулся в канаву; к счастью, никто не пострадал и люди только смеялись над неудачниками, разлившими молоко или повредившими свои покупки.

НАЧАЛО «МИРНОЙ ЖИЗНИ». ПОЕЗДКА В ГЕРМАНИЮ. НЕМЦЫ ВО ФРЯЗИНЕ

Моя работа двигалась довольно успешно, и мы уже начали выпускать электронные приборы для радаров.

Наконец кончилась и война. В побежденную Германию была брошена целая армия специалистов для демонтажа оборудования немецких предприятий и изучения немецкой техники и науки. Среди демонтажников в Германию был отправлен и я, но — как специалист по электронной технике — не для демонтажа, а для изучения этой техники. Как и другие специалисты, я получил военную форму и чин майора.

27 мая 1945 года наша группа прилетела в Берлин.

Посетив обгоревший и разрушенный рейхстаг, я обнаружил среди мусора в развалинах какие-то странные керамические «предохранители», но с тремя электродами, а не с двумя, как это должно было бы быть для настоящих предохранителей. Тут же были железные каркасы, в которых я узнал каркасы откачных позиций для откачки электронных ламп. «Предохранители» же оказались сверхвысокочастотными трех- и четырех-электродными лампами. Их я в таком законченном производственном виде и в таком количестве видел впервые. Наши дальнейшие поиски и расспросы немцев помогли нам обнаружить под рейхстагом в старой штольне подземки относительно большой завод для производства электронных ламп, включая даже такое оборудова-

ние, как водородные печи. После этого уже на заводах фирм AEG, Telefunken, Siemens, Osram и др. удалось собрать очень богатый материал по разработке и производству огромного количества типов различных электронных ламп и, особенно, металлокерамических, представлявших большой интерес.

Во Фрязино было вывезено более 100 немцев, включая одного из крупнейших руководителей электровакуумной отрасли Германии доктора Steimel, д-ра Richter — очень высокой квалификации химика, д-ра Vogt — специалиста по сверхвысокочастотной электронике, д-ра Grimm — специалиста по электронике и многих других.

Ходило довольно много слухов о том, как их вывозили: наполовину обманом, наполовину силой.

Разместили их в поселке в отдельных квартирах. Хотя они ничем не были изолированы от нас, но держались очень обособленно. В своей среде у них тоже были определенные слои и группировки и явственно соблюдалась субординация. Утверждали, что в их среде продолжали действовать правила и нормы нацистской партии, членами которой большинство из них было. Качество и количество получаемого ими продовольствия было таким, какое нам и не снилось. Мы могли им только завидовать, а они получали, таким образом, основание нас презирать. Это в некоторых случаях, правда редких, и обнаруживалось. Зарплату они тоже получали много бóльшую, чем мы. Таким образом, им были созданы весьма и весьма привилегированные условия жизни. Такое явное предпочтение, оказываемое нашим правительством немцам-фашистам, было крайне оскорби-

тельно, и среди голодавшего и страдавшего от всяких лишений населения Фрязина это вызывало много толков и пересудов.

Для меня это был, пожалуй, первый сильный и явный пример чрезвычайного неуважения правительства к собственному народу. К сожалению, в будущем число таких примеров лишь возросло.

В течение нескольких лет мне приходилось во Фрязине ежедневно иметь дело с немцами по служебным, техническим вопросам. Я уже стал начальником крупного научно-исследовательского отдела с несколькими лабораториями, а завод превратился, по решению правительства, в научно-исследовательский институт с опытным заводом. В моем отделе также работали несколько немецких специалистов. Мне пришлось убедиться, что качества и успехи любого самого крупного специалиста в значительной степени определяются не им самим, а той организацией, в которой он работает. Прежде всего оказалось, что и квалифицированные немецкие рабочие и инженеры работают не эффективнее наших работников, а часто хуже. Более того, крупнейший из немецких специалистов д-р Штеймель стал меня (и притом, я уверен, совершенно искренне) убеждать, что техническая задача, которую я взял на себя, невыполнима. Правда, ему вторили и некоторые наши крупные специалисты. Я тогда разрабатывал импульсную модуляторную лампу на очень большие мощности и с анодным напряжением 50 000 — 70 000 вольт. При этом я решил использовать экономичный оксидный катод. Но в те времена было мнение, что оксидный катод не может работать при напряжениях выше примерно 20 000 вольт. Доктор Штеймель и доказывал, что оксид-

ный катод создаст вокруг себя газовую среду, которая приведет к электрическим пробоям. Однако я все это учитывал и был уверен в успехе. Эта лампа была успешно разработана, выпускалась до самого последнего времени (до 1970 года) в больших количествах и даже получила потом на международной выставке в Брюсселе «Гран-при». Впоследствии появилось много и еще более высоковольтных ламп с оксидным катодом. Таким образом, этот крупнейший немецкий специалист оказался для нас не на высоте.

Это, конечно, объяснялось очень просто. Все немцы работали у себя в стране в высокоорганизованном и весьма эффективном хозяйстве. В этом хозяйстве предусматривалось и соответствующее техническое обеспечение, и соответствующая комбинация способностей и свойств людей, а также соответственные стимулы, когда эффект может быть максимальным. Люди, «вытащенные» поодиночке из этой организации, помещенные в новую и неподходящую для них обстановку, и не могли дать предполагаемого эффекта. Таким образом, сумма не давала целого. Конечно, если бы дать им возможность воссоздать ту организацию, в которой они, немцы, раньше работали, эффект был бы. Но это было бы эквивалентно разрушению советского строя, так как он не мог такую организацию обеспечить. Использование же немцев без этого привело только ко всеобщему разочарованию и в способностях и в квалификации немецких специалистов не только со стороны наших специалистов, но и рабочих.

Весьма любопытно отметить, что и демонтированное оборудование вело себя в какой-то степени так же, как немецкие специалисты. Немецкие от-

качественные посты работали на парортутных насосах. У нас эти насосы были уже давно запрещены из-за ядовитой ртути, которая при примитивной организации ухода и обращения приводила к отравлениям. Пришлось ставить паромасляные насосы и целиком перестраивать откачную систему. После перестройки от немецкого поста оставался только каркас.

Электрические схемы тоже пришлось переделывать, поскольку они не были рассчитаны на наши колебания в сетях от -20% до $+20\%$. А испытательные схемы вскоре нельзя было использовать, так как не было запасных немецких частей, наши же их не заменяли из-за разных стандартов и разнотипности. Кроме того, большая часть немецкого оборудования рассчитана на применение высококачественных и очень однородных материалов: стальной, никелевой, молибденовой, танталовой жести. Поэтому наши материалы выводили его из строя.

Именно поэтому экономический эффект от демонтажа немецкой промышленности был гораздо меньше того, какой можно было бы предположить. Полезно было только, в сущности, увеличение опыта и знаний наших специалистов, занимавшихся демонтажем и ознакомившихся с немецким оборудованием. Для нас в основном важны были образцы и документы.

Не сомневаюсь, что если бы наших специалистов просили взвесить все расходы по демонтажу, перевозке и установке и тот эффект, который можно будет получить, они решили бы не трогать немецких заводов.

Эти примеры хорошо показывали дефекты нашей общественной системы, приводящие к дейст-

виям, противоречащим целесообразности и здравому смыслу. Система явно нуждалась в улучшении.

Для меня, конечно, контакты с немецкими специалистами были полезны. Поскольку я занимался сверхвысокочастотными магнетронами, особенно полезен был контакт с молодым и очень энергичным доктором Фоги. Дело в том, что в моем отделе все инженеры были только что из вуза и сами еще всему учились. Опытных специалистов в области магнетронов, кроме меня, в отделе не было.

Но вскоре доктор Фоги и с ним еще несколько немцев вдруг исчезли. По слухам оказалось, что они арестованы по подозрению в шпионаже и не то расстреляны, не то сидят в лагерях. Я был весьма этим поражен, так как ничего предосудительного со стороны доктора Фоги не видел. Да и какой смысл было ему шпионить? Все наше хозяйство он и так видел. И в чью, собственно, пользу шпионить? Один из немцев в разговоре как-то сказал, что доктора Фоги могли оговорить свои. Я уже говорил, что среди немцев тоже были группировки, враждовавшие между собой и, как утверждают, весьма сильно — вплоть до жалоб и доносов.

ЖЕРТВА ТЕРРОРА

В 1946 году, когда постепенно начали возвращаться демонтажники, их нужно было снова устраивать на работу. Мне предложили взять в заместители по отделу такого демонтажника. Его звали Дорофей Степанович Галанин, он был в чине подполковника и, конечно, член партии. Человек этот мне безусловно понравился. Жил он в своем домике в деревне Гребнёво и, как большинство работников института, происходил из крестьян. Во всяком случае, колхозную и деревенскую жизнь он знал досконально, и в деревнях и в институте у него было много родственников и знакомых. Несмотря на недостаток образования, это был человек умный и толковый. Его обращение с людьми было весьма человеческим и всегда сопровождалось взаимопониманием. Он был мне превосходным помощником, мы жили и работали с ним душа в душу. Его врожденная крестьянская хитрость не мешала ему быть вполне добросовестным и порядочным, принадлежность к партии не изменила его человеческих свойств.

И вот этот умный человек совершил ошибку, от которой он всячески предостерегал и меня и других: написал письмо-жалобу Сталину. Какая-то его не то знакомая, не то родственница оказалась в чрезвычайно бедственном положении: ее по каким-то причинам лишили продовольственных карточек. В наших условиях лишение продовольственных карточек практически означало голодную смерть.

(Существует огромная разница между карточными системами в СССР и в других странах. В других странах значительная часть продуктов питания находится в частных руках и поэтому лишение продовольственных карточек, как бы тяжело оно ни было, еще не означает абсолютного голода.)

Если бы я знал о намерении писать это письмо, то, безусловно, постарался бы удержать его. Но какие-то обстоятельства, видимо, сугубо личного характера лишили его присущей ему осторожности и заставили его скрыть это даже от меня. Он об этом сказал мне лишь после отсылки письма и то мельком. Конечно, я ужаснулся, но было уже поздно. Результат был почти мгновенный: Дорофей Степанович тихо исчез неизвестно куда. Появился он снова, но уже не в институте, а в деревне, много лет спустя (после смерти Сталина) — без зубов, без энергии, больной раком желудка. Вскоре он умер.

Если бы я не знал его лично, его исчезновение прошло бы для меня совершенно незамеченным: все (и посторонние люди, и родные) уже знали, что нужно держать язык за зубами, и поэтому даже слухи о таких происшествиях всплывают лишь годы спустя. Ведь даже после возвращения, причем зная о близкой смерти, он жил очень тихо, никому не рассказывал о жизни «там» и вообще, как всё «это» происходило. Боялся он (даже после смерти Сталина) не за себя, а за свою семью.

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР

К 1948 году мой отдел сильно разросся. Он уже находился в достроенном новом четырехэтажном корпусе, где на примерно 2000 м² площади размещались 150 — 200 сотрудников.

В этом 1948 году мною (я был одновременно и начальником отдела и главным конструктором) была закончена крупная разработка серии из четырех электронных приборов для мощных радаров. Эта разработка велась по специальному правительственному постановлению. За ее успешное выполнение были обещаны: денежная премия, квартира, персональная автомашина и орден. Вместо этого распоряжением Совета министров мне была дана персональная зарплата — 5000 рублей в месяц. Эта зарплата в несколько раз превышала среднюю по институту и мою прежнюю. Я стал получать больше, чем директор института. Через какое-то время мне вручили и первый орден — орден Ленина; получил я также несколько авторских свидетельств на изобретения.

За этой первой крупной и оригинальной разработкой начали непрерывно следовать другие, и в отделе разрабатывалась уже не одна тема, а сразу несколько.

Еще до 1948 года в институте появилась аспирантура; меня в нее приняли и, не оставляя своих обязанностей начальника отдела и главного конструктора, я начал работать над диссертационной темой. В 1949 году Ученый совет Всесоюзного электротехнического института единогласно при-

своил мне ученую степень кандидата наук за защиту диссертации на тему «Исследование много-резонаторного магнетрона с помощью зонда в катодe». В 1952 году я получил звание старшего научного сотрудника. К 1953 году я был уже автором целой серии магнетронов, выпускавшихся в больших количествах на разных заводах и работавших на мощных радиолокационных станциях по всему СССР и на кораблях военно-морского флота. Для решения различных вопросов меня приглашали и в аппарат ЦК КПСС, и в Министерство обороны, и, конечно, в наше министерство. Мне стала досконально известна техника и планирования, и обеспечения работ, сам способ их ведения и вся атмосфера, в которой создавалась наша электронная военная техника.

Вначале (самый конец войны и начало послевоенного времени) так называемых важных правительственных тем было немного. Их обеспечение всякими вспомогательными материалами, оборудованием, кадрами происходило очень оперативно и довольно быстро. Так мне, в свое время, удалось заказать на соответствующих предприятиях разработки и поставки новых материалов, необходимых для разработки наших ламп. Постепенно число этих работ в СССР стало неимоверно возрастать, а руководство и обеспечение продолжало осуществляться централизованно, по специальным постановлениям правительства. Если раньше они умещались на одной страничке, то теперь стали занимать многие страницы и целые тома приложений.

НОВАЯ ТЕХНИКА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Скоро я заметил, что вся работа по новой военной технике характеризуется двумя очень важными особенностями. *Первая*: темы новых военных разработок черпаются из зарубежных технических журналов и агентурных сведений о зарубежной технике, часто возникают при получении зарубежных образцов. Приведу один из очень характерных примеров тех лет. На Дальнем Востоке попал в наши руки американский бомбардировщик последних выпусков. Высшее военное и партийное начальство, ознакомившись с самолетом, решило его воспроизвести. И, если я не ошибаюсь, именно Сталин приказал скопировать весь самолет со всей аппаратурой. Подчеркивалось, что именно скопировать, а не приспособить к нашим материалам, оборудованию заводов, к нашей технике. Если же нужны новое оборудование, новые материалы, новая техника, то разработать и их. За изменения в конструкции или материалах грозили наказаниями. Так, и наше министерство вынуждено было точно копировать 40 киловаттный 3 см магнетрон и модуляторную лампу на 20 А и 20 000 в. Начальство уже в который раз не доверяло своим специалистам, полагая, что они ничего достаточно современного сделать не смогут. Суть же дела была в следующем. Новые современные электронные приборы и, тем более, самолеты требовали и новых материалов, и нового оборудования, и новой измерительной и испытательной техники. Ничего этого не было. Главный конструктор самолета морально не мог для разра-

ботки нового самолета потребовать разработки, практически, целого ряда новых отраслей промышленности и техники. При копировке же приходилось на это идти или отказываться от копировки. Это был для правительства способ безошибочного, так сказать объективного, выяснения того, какие новые отрасли техники следует создавать. Иначе — можно было бы только спорить, не имея определенных критериев. Этот же критерий был бесспорным. Заводы стали выпускать скопированные магнетрон и модуляторную лампу, наряду со всеми остальными, и посыпались жалобы на то, что радиолокаторы с этими лампами плохо работают. Меня и ряд моих коллег привлекли к выяснению причин. Оказалось, что модуляторная лампа была сконструирована американцами явно наспех и работала в очень невыгодных режимах; это и создавало общую ненадежность радиолокатора и самолета. Видимо, американцы в дальнейшем исправили свои ошибки, но мы этого, во-первых, не знали, а во-вторых, нам запретили вводить улучшения («отсебятину»).

С огромным «скрипом» и огромными потерями копия стала производиться и была доведена до «нормы».

Точно такой же приказ был впоследствии, в 1965 году, дан одному из институтов в Москве: скопировать без «отсебятин» английский магнетрон с длинным анодом.

Примерно в те же времена шла суматошная копировка американской самонаводящейся ракеты, захваченной во Вьетнаме.

Совсем недавно, кажется в 1968 году, одна из женщин-инженеров института во Фрязине по фамилии Парышкуро получила звание Героя социа-

листического труда за точную копию американского клистрона для радиорелейных линий.

Только очень и очень немногие разработчики рисковали разрабатывать что-то свое, оригинальное. Это хоть и поощрялось на словах, но на практике существовало страшное недоверие к своему новому. Поэтому из-за естественной мелкой ошибки или опоздания в оригинальной разработке разработчика с позором снимали с поста и карьера его кончалась. Ну, а менее серьезные санкции были обеспечены любому. Таким образом, большая часть разработок укладывалась в такое расписание:

1) сегодня появились сведения или образец новой техники из-за рубежа;

2) два-три года военные и партийные организации осознают значение этого факта;

3) год-два занимает «организация» правительственного решения и «втыкание» разработки в соответствующий институт или конструкторское бюро (КБ);

4) год-два — разработка;

5) два-три года — пуск в производство;

6) год-два — принятие на вооружение.

Естественно, к моменту принятия на вооружение изделие безнадежно устаревает, и всё начинается сначала.

Я (и не я один, конечно), как одержимый, боролся против этого, и мне самому более или менее удавалось «протискивать» свои, оригинальные разработки, что было сопряжено, конечно, с разного рода взысканиями и, особенно, с нервотрёпкой, в устройстве которой любой руководитель, чем выше по должности, тем больший специалист.

Именно этому я обязан, что мои приборы долго не устаревали. В частности некоторые из них, разработанные еще тогда, работают и сейчас по всему СССР.

Вторая особенность заключается в создании новых приборов, аппаратов и т. д., не заботясь о почве, на которой они могли бы сами вырастать. В гонке военной техники и выпуске правительственных постановлений по этому поводу высшее военное и партийное начальство, конечно, было не в состоянии думать практически больше ни о чем. Сложилось и соответствующее мышление в категориях конечного продукта. Разработчики — как нового важного электронного прибора, так и нового самолета — старались вписать в проект правительственного постановления всё, что им понадобится. А это означало, скажем, и специальные материалы, и специальное оборудование, и специальную измерительную аппаратуру. Поскольку все эти вещи нужны были для конкретной разработки, то люди и заботились именно о таких их характеристиках, которые соответствовали бы этим конкретным требованиям. В конечном итоге оказалось, что в институтах и КБ находится много устаревшего оборудования и аппаратуры и нет занимающихся этим организаций. Особенно хорошо это было видно на заводах. Скажем, завод специальных радиоприемников, все производство которого направлено на выпуск одного или двух конкретных типов приёмников. Устаивают эти приёмники — устаревает завод в целом.

Казалось бы, нужно было создавать заводы, выпускающие сопротивления, конденсаторы, руч-

ки, шасси и т. п. детали, из которых можно собирать любые приёмники. Но так в правительственное постановление по данному типу радиоприёмника не запишешь. Да и что записать? Ведь это означало бы спланировать целые новые отрасли промышленности: бабка за дедку, внучка за бабу и т. д.

Уже в 1965-70 годах для своей разработки, чтобы вести исследования по современному магнетронному усилителю, я должен был сам разработать направленный ответвитель, откачные посты, измерительные устройства и испытательный стенд. Зарубежные журналы были полны рекламной мне стандартной аппаратуры, но своей не было. Естественно, что стоимость разработок возросла необыкновенно. В 1947 году 200 тысяч рублей были огромной суммой, а сейчас на два миллиона много не сделаешь. То же происходит и со сроками, а если их сокращают, то понижается качество. И я, и многие мои коллеги видели бессмыслицу положения: мы требовали и ждали постановлений не по самолету, радиолокатору, магнетрону, а по тем винтикам и гаечкам, из которых они создаются. Абсолютно тот же вопль о современной и совершенствуемой стандартной аппаратуре, оборудовании, инструменте я слышал и от многих знакомых из институтов Академии наук.

Многие мои коллеги и до сих пор полагают, что вышеописанное положение — следствие глупости или подлости высшего аппарата управления. Что таких управителей нужно заменить и тогда станет лучше.

НЕКОТОРЫЙ ПОДЪЕМ

Жизнь стала заметно улучшаться. Исчезли продовольственные карточки. В магазинах появился небывалый ассортимент продовольственных товаров, включая такие деликатесы, как икра разных сортов, севрюга, белуга, осетрина, ветчина, карбонад, превосходные колбасы, крабы, десятки сортов различных печеных изделий и т. д.

Мама так и не дождалась этого улучшения. Все ранее пережитое сломало ее волю к жизни и здоровью. Сначала у нее отнялась половина тела, она могла только лежать, и сестра кормила, обмывала и одевала ее. В 1949 году она умерла в возрасте всего 62 лет.

Моя семья по-прежнему жила в Ленинграде, а я в маленькой комнатке коммунальной квартиры во Фрязине. Я всё так же периодически бомбардировал начальство заявлениями с просьбой об увольнении или переводе и всё так же безрезультатно. Наконец стало ясно, что даже если мне разрешат уволиться, я этого не смогу сделать, поскольку потеряю при этом и очень высокую зарплату и очень интересную работу. Поэтому мы с женой решили добиваться квартиры в Москве. Во Фрязино жена ехать отказывалась. Она довольно часто бывала во Фрязине и видела, что хотя жизнь и безусловно улучшалась, но Пакин по-прежнему был в силе.

Все население Фрязина и окрестных деревень регулярно ездило в Москву и за хлебом, и за картошкой, и за другими продуктами, а также в театр или в кино. Любопытно, что позднее, в 1971 году,

положение, хотя и улучшилось, но не принципиально: люди всё так же покупают в Москве не только промышленные, но и продовольственные товары. Отовсюду в радиусе 100-150 км от Москвы сотни тысяч (если не миллионы) с авоськами и котомками съезжались ежедневно в Москву за покупками. В 1971 году я узнал, что за этим же люди ездили и из Ярославля, Горького, Тулы... В основном это зависело от сообщения с Москвой: если можно было «обернуться» за два-три дня — люди ездили. Правда, в силу вывертов планового распределения товаров, иногда бывало, что зимнее пальто я покупал в Сочи, импортные ботинки — в Ульяновске или Новороссийске, а полное собрание сочинений Флобера — на какой-нибудь заолустной станции. В Москве же этого я купить не мог. Но эти исключения не меняют правила. И еще одно правило существовало, как у нас говорят, «железно». Если, скажем, какой-то продукт производится в Астрахани, то там его никогда не бывает. Я, например, путешествовал от Владивостока до Камчатки и обратно: крабов можно было достать только «по благу» у частника, ни икры, ни хорошей рыбы не было вообще.

Вернемся, однако, к моим делам. Таким образом, отказ жены ехать во Фрязино и на этот раз оставался обоснованным. Поэтому теперь я требовал квартиру в Москве. Мне обещали — и не только директор института, который, конечно, ничего не мог сделать, но и министры, менявшиеся в те времена довольно быстро. Наконец, появился новый, очень толковый и энергичный, министр — Первухин (знавший меня лично, поскольку у него несколько раз обсуждались мои работы), и он, после длительных хлопот, в начале 1953 года дал

мне квартиру в Москве. Это была первая в моей жизни в СССР отдельная квартира; в ней были три комнаты, кухня, ванная и все удобства, включая телефон. И хотя размер ее был всего 35 м², но всё равно это было необыкновенным благом и все в институте мне завидовали.

Таким образом, моя семья стала жить в 40 км от меня. Теперь я проводил воскресенье дома, в Москве. Конечно, всю остальную неделю я жил и работал во Фрязине; мне переменили комнату на меньшую: размером 9 м², — 3,5 шага в длину и 2,5 в ширину. В ней помещались только кровать и стол.

В 1953 году умер Сталин. В своей короткой речи по этому поводу на собрании отдела, которую я должен был произнести, я подчеркнул, что последствия этой смерти будут самыми неожиданными. Любопытно отметить, что несмотря на уже всем известный террор и несправедливости, у многих женщин были слезы на глазах.

Еще раньше я задумал металлокерамическую модуляторную лампу на 20 000 в и 20 А, которая была бы компактной, допускала очень высокие температуры окружающей среды, не боялась ударов и больших ускорений и могла бы применяться на истребителях и, скажем, танках. По моему почину, в институте появилась керамическая лаборатория, а затем и отдел для разработки керамики. Разработку я поручил молодой женщине-инженеру. Работа была на полном ходу, когда оказалось, что лампу решили применять в институте научного руководителя Рязанского, занимавшегося ракетами. Мне пришлось два или три раза

ездить туда для выяснения ряда вопросов о применении лампы. Потом уже я узнал, что институт Рязанского разрабатывал ряд систем для первого спутника и применял не только нашу металлокерамическую лампу, но и некоторые другие, разработанные в моем отделе модуляторные лампы. В этом институте меня поразила очень низкая квалификация инженеров, работавших с нашей лампой, и удивительная примитивность разрабатываемого импульсного передатчика. Это было какое-то на редкость грубо сделанное и примитивное и, вдобавок, огромных размеров создание из гетинакса, проводов, конденсаторов и сопротивлений. Я был вынужден сказать тем инженерам, что бессмысленно использовать нашу высокотемпературную и вполне современную лампу в таком устройстве — на гетинаксе (горит при 100°C) и не компактном. Но это не приняли во внимание. Таков был технический уровень электроники первого спутника. Видимо, все спасла мощная ракета, допускавшая большую весовую нагрузку. Это лишь подтвердило мое мнение о низком среднем уровне технических разработок в СССР и об отдельных случаях оригинальных и высококласных разработок (ракета Королева).

Так или иначе, наша лампа была создана, она производилась и производится в больших количествах.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Мой отдел чрезвычайно разросся и, в основном, по числу разработок. Но это было не то, о чем я мечтал. Этот рост обуславливался количеством, а качество, то есть новизна, уже поддерживалось с большим трудом. От непрерывных нервнотрепок я страшно устал. Доходило до того, что я должен был мобилизовать всю оставшуюся волю, чтобы произвести самое элементарное действие, ну, например, сойти на нужной остановке автобуса.

То обстоятельство, что начальник такого важного и большого отдела беспартийный, весьма беспокоило партийное начальство и об этом мне неоднократно намекал даже директор, не говоря уже о других деятелях. Мое упорное желание оставаться беспартийным, моя усталость, рост отдела (а следовательно, и бюрократических элементов в нем и, конечно, интриг) привели к созыву партийного собрания отдела, на котором меня хотели заставить выступить с отчетом, а затем здорово прочистить. Но собрание это состоялось без меня, о чем я никогда не жалел. С одной стороны, у меня даже не было сил защищаться, с другой, — меня уже давно начала тяготить работа в отделе и я решил (нет худа без добра!) вместо защиты — распрощаться с ним. Это мне и удалось. Некоторое время я еще оставался начальником отдела, но взял заместителем партийного, молодого и способного инженера (он делал даже дипломный проект в моем отделе). Через несколько лет его послали в Ростов-на-Дону организовать (в качестве директора) предприятие электронной

техники. Потом он стал главным инженером Первого главного управления нашего министерства. Кстати, практически, все главные должности нового предприятия в Ростове-на-Дону оказались занятыми моими прежними воспитанниками по отделу, и вообще немало работавших со мной молодых инженеров стали главными конструкторами и техническими администраторами во многих местах СССР. Один из них, в частности, был главным конструктором, разработавшим магнетрон для устройства управления стрельбой ракет, сбивших Пауэрса.

Через некоторое время я привел в порядок свои уже давно бродившие в мозгу мысли о новом направлении в технике. Трое моих коллег (начальников других отделов) в какой-то степени тоже тяготились своим положением и хотели более творческой работы. Так, на базе ОКБ 160, выполнившего свою задачу по разработке масспектрометра для атомной техники и входившего в институт на правах одного из отделов (отдел 160), была создана новая творческая организация, поставившая себе задачу совершить существенный скачок в увеличении потенциала радиолокационных станций, то есть дальности и точности обнаружения и сопровождения. Моей задачей было значительно увеличить мощность и улучшить характеристики магнетрона для передатчика станции, а другие должны были существенно увеличить чувствительность приёмника станции. Я и другие мои товарищи «вытащили» из своих бывших отделов наиболее подходящих для нас работников, и мы начали поиски принципиально новых технических решений. Конечно, до этого нам пришлось немало потрудиться, чтобы заинтересовать

в своем проекте и директора, и наше министерство, и военное министерство.

Теперь я стал начальником лаборатории, ведущей только одну крупную разработку, и мои административные обязанности, которых я терпеть не мог, сократились до абсолютного минимума.

Вскоре я получил ряд авторских свидетельств на принципиально новый тип электронного прибора: предельно-волноводный магнетрон, позволявший поднять мощность на порядок величины. Появился и сам прибор: первый в мире прибор такой мощности (10 мегаватт) на такой короткой волне (10 см).

С приходом к власти Хрущева началась серия международных выступлений советских инженеров и ученых. Мне разрешили поехать в Париж на конгресс по сверхвысокочастотным приборам (1956 г.) и даже прочесть там доклад «о предельно-волноводных резонаторах и генераторах». К сожалению, по соображениям секретности, текст был весьма невразумительным, так как прошел многоступенчатую цензуру. Я мог говорить только об общих основах, не касаясь, даже в качестве примера, конкретно созданных приборов и их характеристик, хотя такой прибор уже работал в ряде новейших радиолокационных станций (работал он и в 1971 году).

Затем на свет появился еще более мощный (30 мегаватт) магнетрон, и мы начали работать над еще более совершенным прибором — сверхмощным усилительным магнетроном. Оказалось, что предельно-волноводные структуры очень подходят для этой цели. В мировой технике и до сих пор (1971 г.) такие приборы неизвестны.

Оказалось, что техника предельно-волноводных

и волноводных приборов представляет колоссальные перспективы. Нам уже становилось тесно. Институт, неимоверно разросшийся, занимался теперь практически всем спектром военной электронной техники, включая полупроводники, катодно-лучевые трубки, кинескопы, икопоскопы, генераторные и усилительные лампы бегущей волны, клистроны, магнетроны и т. д. и т. д. В нем уже работало (с опытным заводом) более 10 тысяч человек. Поэтому возникла идея строительства нового, несколько более специализированного, института в Москве, который разрабатывал бы такие «экзотические» приборы, как наши. Для меня это было как нельзя более кстати: я смог бы тогда объединиться с семьей, не нарушая своей работы.

ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛИЗМА

Это была вторая половина пятидесятых годов. Объем и сложность моих работ довольно быстро росли, и это приводило меня ко все большему столкновению с целым рядом нелепых проявлений государственных порядков, с которыми я, как инженер, не мог никогда примириться. То требовалось пускать в стружку ценнейшую бескислородную медь, вытачивая деталь диаметром 50 мм из болванки диаметром 100 мм. Не говоря уже о растранижении ценного и дефицитного материала, приходилось тратить время, всегда ограниченное у нас страшно напряженным планом. При проверке оказывалось, что замдиректора НИИ распорядился ограничить ассортимент меди и сдать часть в металлолом. По сдаче металлолома тоже был план, за выполнение которого отвечал именно замдиректора. За наши же потери времени и растрату меди никакие санкции ему не грозили.

То по распоряжению директора отрывали в самый разгар работы наших людей на изготовление каких-то торфоперегнойных горшочков для колхоза. Опять-таки, директор прекрасно знал, что это значит для плановой работы института, и нашей в том числе, но он не хотел слишком портить отношения с райкомом партии, «поднимавшим» сельское хозяйство. Так, наш НИИ проектировал, изготавливал и испытывал для колхоза огромную поливную машину, оранжереи, ремонтировал тракторы и комбайны и т. д. Особенно много времени терялось осенью, во время «уборки урожая».

На уборку, по приказу, направлялись часто целые лаборатории во главе с начальниками, включая кандидатов и докторов наук. «Лихорадка» длилась иногда два-три месяца, срывая плановые, срочные работы (сроки выполнения планов, однако, не отодвигались). Особенно прославилась и славится сейчас уборка картофеля. Все недоумевали: неужели при нашей мощной тяжелой промышленности нельзя сделать картофелеуборочную машину? Но и сейчас это — проблема.

В то же время, уже тогда (сейчас, в семидесятых годах, это еще более усилилось) было известно, что сами колхозники умело отлынивают от работы, поскольку занимаются уборкой той же картошки на собственном «приусадебном участке». Недаром была в ходу песенка:

«За околицей гуляют
От зари и до зари,
А картошку убирают
Инженеры из НИИ».

Кроме всех этих «плановых кошмаров», мне всё время приходилось наблюдать падение дисциплины и уровня квалификации рабочих. Каждый раз попадая из-за этого в прорыв, я решал в дальнейшем учитывать этот фактор и компенсировать его. Каждый раз моя экстраполяция этого ухудшения оказывалась слишком оптимистичной. После смерти Сталина этот процесс стал нарастать. Происходило явное разложение народа, вне НИИ еще мало заметное, но в нем уже весьма ощутимое. Конечно, так было не только в НИИ, а везде. Причины этого просты и естественны. При оплате труда принимается во внимание, как правило, ко-

личество произведенной продукции. Качество учесть трудно и о нем может судить только специалист, то есть мастер или непосредственный начальник. Им же оценку труда доверить нельзя: они могут быть пристрастны, «необъективны». (А кто может быть объективнее их, специалистов?!) Поэтому все оценки делаются нормировщиком, часто малограмотным («грамотные» не хотят этим заниматься — «грязное» дело, всегда связанное со спорами и обидами). Поэтому рост квалификации связан с увеличением зарплаты только в том случае, если он помогает человеку сделать большое количество продукции, хотя бы и низкого качества. Дальнейшее повышение квалификации ничего, кроме обиды, не дает.

Этим же объясняется и падение дисциплины. Государство нещадно грабит людей и в зарплате и в ценах, устанавливаемых им же, на товары. Поэтому люди перестают считать позорным воровство с предприятия, пренебрежение служебными обязанностями, использование рабочего времени для личных целей, нежелание улучшать свою работу и запоминать приемы и наставления мастера. Это — инстинктивное стремление как-то подправить несправедливость, приспособляясь к системе, стараясь таким образом не только выжить, но и улучшить собственную долю. Безусловно, в еще большей степени это относится и к колхозникам, которые, конечно, не только «гуляют от зари до зари», но и должны зарабатывать себе на жизнь, трудясь в поте лица на своем приусадебном участке.

Все это приводит к страшным техническим затруднениям. Положим, вы разработали процесс

откачки лампы, написали инструкцию, объяснили и вручили ее откачнице. Сначала всё идет хорошо, вы с радостью отмечаете хорошие результаты. Затем, спустя месяц или два, когда вы уже об этом забыли и по уши заняты другой задачей, появляется брак — замыкание между электродами лампы. Вы теряетесь в догадках и, после длительных и кропотливых исследований, наконец обнаруживаете, что на бракованных лампах есть признаки перегрева стекла колбы лампы, на которой держатся все электроды, и его легкой, почти незаметной деформации. Откачница, конечно, клянется и божится, что всё и всегда она делает правильно. В конце концов догадываешься, что она невнимательно следила за приборами и перегревала при токовой тренировке электроды, а с ними и колбу, и начинаешь изобретать «автоматику» и против человека. Таких фактов становится всё больше и больше.

Приведу, к примеру, случайно услышанный мною при выходе из Фрязинского кинотеатра разговор двух работниц:

— Как же ты, Катя, ходила в кино? Ведь ты же работаешь в вечернюю смену?

— Ты знаешь, отоженные и неотоженные детали всё равно не отличишь, так я записала в журнал режим отжига и номера деталей, а сама ушла. Сейчас зайду в отдел, отмечусь и пойду домой.

Эта работница занималась вакуумным отжигом деталей экспериментальных ламп. Возможно, что она искренне сомневалась в различии отоженных и неотоженных деталей. Однако представьте себе мучения разработчика, ломающего голо-

ву над причинами плохого поведения этих деталей в его лампе. Может показаться, что автоматизация и механизация решают этот вопрос. Но это не так. Во-первых, при разработке средств автоматизации и механизации возникают те же «загадки», обусловленные невниманием. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев это просто не может окупиться. Человек как таковой (и как то или иное сообщество) никогда не может быть исключен из любого процесса. В этом отношении чрезвычайно характерна позиция высокого, начиная с министерского, начальства. Их воздействие на людей и прорывы в нашей плановой социалистической системе сводится, в основном, к устрашению, уничтожению, а не к выяснению и устранению причин прорыва. Однажды я спросил одного очень толкового и умного (правда, страшного матерщинника) заместителя министра радиотехнической промышленности: «Василий Дмитриевич, почему вы не входите в наше, исполнителей, положение? Ведь мы в прорыве не потому, что мы этого хотим, а потому, что ничем не обеспечены». Он ответил вполне логично: «Если я начну разбираться в твоих делах, то и узнав твои объективные причины, устранить их все равно не смогу: чем больше в них разбираешься, тем больше их появляется. В то же время я уже не смогу с прежней энергией и злостью нажимать на тебя. А это нужно. В конце концов ты тоже разозлишься и найдешь выход из положения».

МОЖНО ЛИ ЗАВИДОВАТЬ АКАДЕМИКАМ?

Одно время я сильно завидовал моим коллегам в институтах и КБ Академии наук: они не находились в такой степени, как я, между молотом (планом и начальством) и наковальней (недовольством трудящихся). Их жизнь казалась мне вольнее и творческие возможности больше. Познакомившись поближе с их положением, я понял, что завидовать, пожалуй, было нечему.

По роду работы мне пришлось на протяжении полутора десятков лет периодически иметь контакты с П. Л. Капицей и его Институтом физических проблем. Началось это знакомство после смерти Сталина. П. Л. Капица имел неосторожность приехать в СССР после долгих лет успешной работы в лаборатории Резерфорда. Вернуться за границу ему уже не дали, позолотив пилюлю тем, что купили и привезли в Москву из Англии всё его лабораторное оборудование. Сталин дал ему возможность организовать и построить собственный научно-исследовательский институт — Институт физических проблем — в Москве, у Калужской заставы (теперь площадь Гагарина на Ленинском проспекте). Для финансирования его работ, по указанию Сталина, выделили весьма большие средства и, самое главное, он получил (единственный человек во всем СССР) полную самостоятельность в подборе работников и их оплате. Это, конечно, не означало, что у него не было первого отдела и представительства КГБ — без его опеки не разрешалось действовать даже Капице. Но ему не нужно было выклянчивать

оклады и штатное расписание в Наркомфине и можно было манкировать партийно-профсоюзными и идеологическими порядками, общими для всей страны. Таких привилегий больше ни у кого не было.

Весь институт расположен в небольших зданиях, стоящих среди зелени и цветов и окруженных импозантной чугунной решеткой, в начале Воробьевых (Ленинских) Гор, недалеко от Московского университета. В глубине сада на территории института — дом, где живет П. Л. Капица со своей семьей. Штат всего института не превышает 300 человек. (Для сравнения — в моем секторе Научно-исследовательского института электронных приборов, начальником которого я был до 1964 года, было 450 человек.) П. Л. Капица считал, что научные организации со штатом больше 200-300 человек становятся неуправляемыми, бюрократическими и, следовательно, неэффективными. Поэтому он с самого начала поставил предел роста числа своих сотрудников, хотя, конечно, в этом смысле его никто не ограничивал. Наоборот, высшее начальство и до сих пор считает, что чем больше и многостороннее научно-техническая организация, тем она может быть эффективнее — вследствие широкого взаимодействия идей и направлений. П. Л. Капица явно предпочитал работать сам и не любил административных обязательств. В большом институте это ему не удалось бы.

Поссорившись со Сталиным из-за своего нежелания заниматься атомной бомбой, П. Л. Капица оказался на даче — в месте, называемом «Николина Гора», оторванным полностью от своего института. Здесь, на даче, он занялся заинтересовав-

шими его магнетронами и их теорией. С самыми примитивными средствами и из самых неподходящих материалов, он сумел в домашних условиях сделать то, что он назвал «планотроном». Это был плоский генераторный магнетрон непрерывного генерирования. Всё было сделано крайне примитивно и кустарно, но поражало массой выдумки и ловкости экспериментатора, а также тем, что это устройство работало.

После захвата власти Хрущевым Капице разрешили вернуться в свой институт и предложили показать свою работу экспертной комиссии. Будучи одним из членов этой комиссии, я тогда и познакомился с Капицей. Мы были у него на даче и в институте и очень подробно ознакомились с планотроном, его теорией и со всем институтом. Подбор рабочих и техников у него был безусловно хороший и, поскольку они получали высокую зарплату (только у Капицы, но не вообще в Академии наук), то «саботажа» у него не чувствовалось. При контактах с комиссией сразу ощущалась «железная воля» Петра Леонидовича и оглядка на него всех его подчиненных.

Большая часть оборудования, в том числе и измерительной техники, была самодельной, изготовленной в мастерских института по собственным индивидуальным проектам. Все эти самодельные устройства были хорошо выполнены. Но на всем лежала печать безнадежной борьбы небольшой группы энтузиастов (включая П. Л. Капицу) за то, чтобы как-то удержаться на уровне современной, глубоко и широко кооперированной техники в условиях их «натурального хозяйства». При всей своей эрудиции и изобретательности, они, конечно, не могли заменить миллионы людей,

создающих современную технику в мировом хозяйстве. Было видно, что П. Л. Капица и его сотрудники явно не осведомлены даже об имеющейся в распоряжении промышленных институтов измерительной и технологической аппаратуре. Причина этого нелепо простая. Аппаратура была секретной и дефицитной, и Капица должен был бы потратить много труда и энергии, чтобы узнать о ее наличии и тем более «выколотить» ее из Госплана и у поставщиков. Кроме того, она обычно была столь небрежно выполнена, что это могло вызвать у Петра Леонидовича даже инстинктивное нежелание иметь с ней дело.

Неоднократно П. Л. Капица, зная о зарубежных достижениях в этой области, вздыхал и жаловался на неспособность наших организаций обеспечивать научные исследования современной измерительной аппаратурой, не говоря уже о всяких очень важных «мелочах».

Последний раз я был в Институте физических проблем примерно в 1969 году и, насколько мог судить, положение это никак не изменилось.

Любому ученому всегда хочется, чтобы полученные им знания, его теории, созданные им устройства служили людям. П. Л. Капица не исключение. Но и это его желание удовлетворялось крайне недостаточно.

Мы, работавшие в промышленных институтах, были в этом отношении гораздо счастливее: наши теории, процессы, приборы широко применялись. И хотя вся наша работа шла на оборону, вернее на войну, всё же потребность ее давала нам определенную степень удовлетворения, тем более, что мы не были воспитаны в западном духе и не считали зазорной свою деятельность.

Я не буду говорить об открытии и исследованиях сверхтекучести гелия, об исследованиях природы шаровой молнии и др. Об их применении и распространении трудно судить количественно. Однако можно сказать, что всю жизнь Петр Леонидович старался «воткнуть» в промышленность, скажем, свои турбодетандеры, планотрон с его теорией, ниготрон, микротрон — детище его сына (Сергея Петровича). Но практически, все его усилия потерпели, если не полный, то почти полный крах. Промышленность не хотела ничего брать, во всяком случае по своей воле. Конечно, это противодействие было направлено не против Капицы лично и даже не против Академии наук. Ведь даже новые приборы, разработанные в промышленных институтах, «вколачиваются» в собственную промышленность с огромным трудом. Дело в том, что по ряду объективных, возникающих неожиданно причин и недоразумений часто не выполняется даже обычный план на производство обычных изделий. При этом работники невыполнившего план предприятия страдают материально. Что же говорить о плане освоения нового изделия, с неизвестными свойствами, с неизвестными неожиданностями в поведении? Централизованное планирование и тут приходит в неизбежное столкновение с техническим прогрессом. Хотя план и зарождается на самом предприятии-исполнителе, но централизованное планирование не в состоянии предусмотреть все неожиданности и все их последствия в виде дополнительных затрат времени и денег, нужды в дополнительном оборудовании, инструменте и т. д. Но добиться изменения уже утвержденного плана можно лишь на уровне министерства, с огромным трудом, причем со-

проводится это неизменно санкциями. Случаев, когда все обходится гладко, когда предприятие получает существенные поощрения, практически не бывает. Поэтому спокойнее и прибыльнее всего для любого предприятия — «гнать» устаревшую продукцию.

Нечего и говорить об отсутствии желания брать еще более «сырые», чем наши, процессы, документацию и изделия Академии наук. В то же время, и у институтов Академии наук нет никакого опыта в создании процессов и документации по промышленному образцу.

Любопытно, что и передача нового прибора из Академии наук не сразу в промышленность, а в промышленный институт для доработки сопряжена с точно такими же плановыми трудностями. Тут могут помочь, правда, не принципиально, личные хорошие отношения между институтами.

П. Л. Капица много лет настойчиво просил разрешить публикацию его планотрона, ниготрона и других работ в открытых изданиях, но безуспешно. Понадобились многочисленные экспертные комиссии с участием военных специалистов, чтобы после длительных и многократных экспертиз высшее начальство пришло к выводу, что работы не имеют военного значения и могут быть опубликованы. После этого появилась серия книжек «Электроника больших мощностей», в которых П. Л. Капица и его сотрудники описывали свои работы.

При содействии и моем, и начальника одного из секторов нашего НИИЭП, старавшегося получить ученую степень и желавшего иметь дело с академиком лично, П. Л. Капице удалось передать

ниготрон для доработки в НИИЭП. К сожалению, громоздкость, ненадежность и конструктивные особенности даже и доработанного ниготрона не вызывают у потребителей сверхвысокочастотной техники желания его применять. Поэтому перспективы ниготрона, как такового, попасть в производство в нашей стране крайне малы.

Последние годы Институт физических проблем явно хиреет. Все труднее в этом оазисе науки сопротивляться напору партийно-профсоюзной идеологии и практики. Все труднее заниматься творческими делами. (Таково, впрочем, и в еще большей степени, положение везде.) В мое последнее посещение академик был очень занят: разбирал жилищный конфликт своих сотрудников. Штатные расписания, зарплата, «картошка», стычки с Министерством финансов, с Комитетом по труду и зарплате постепенно захлестывают академика. Ведь у нас представлять предприятие где бы то ни было может только его директор и, в лучшем случае, главный инженер. Даже при обсуждении проведения празднования «Великого Октября» в райкоме КПСС требуется присутствие директора. Объясняется это очень просто. В условиях «саботажа» и недисциплинированности трудящихся указания начальства и даже обещания часто могут не выполняться. Поэтому, скажем, секретарь райкома КПСС получит выговор от горкома за то, что он удовлетворился обещаниями «безответственных» заместителей или второстепенных начальников.

То же самое происходит и в остальных институтах и КБ Академии наук, не имеющих прямых военных заказов. Институты, процветающие на

военных заказах, постепенно передаются в промышленность. В 1970-71 гг. было передано в промышленность довольно много институтов Академии наук, в том числе хорошо мне известный «Радиотехнический институт». Его директору, академику А. Л. Минцу, пришлось даже подать в отставку. Объясняется это тем, что академические институты находятся на менее жестком расписании, чем промышленные. В то же время количественно они растут и пожирают много денег. Поэтому «партия и правительство» считают, что они получают от Академии «за свои деньги» недостаточно. В то же время, правители пока не могут подчинить Академию централизованному планированию так же, как промышленные институты. Академия наук борется за «свободу науки и творчества», но явно не очень успешно. Эту борьбу затрудняет количественный рост сети учреждений Академии наук и, следовательно, рост финансовой зависимости от «партии и правительства». Средний институт или лаборатория Академии наук, не связанные с военными заказчиками, бедны как церковные крысы. Если финансирование учитывает высокие зарплаты сотрудников со степенями, то на рабочих, техников, ассистентов это не распространяется. Поэтому нередко у академика, двух десятков докторов и кандидатов наук всего два-три помощника и часто почти нет оборудования. Естественно поэтому увлечение теорией, для которой нужны лишь карандаш, бумага и достаточно свежая литература. Конечно, я не говорю о проектах достижимых или военных, как, скажем, ускоритель в Серпухове или организация в Дубне. Так или иначе, Академия наук в

СССР и так называемая «свобода науки» явно переживают морально-политический кризис.

Таким образом, завидовать «свободе творчества» в Академии наук мне не следовало.

ЕЩЕ О ПАРАДОКСАХ

Вернемся, однако, к ОКБ 160. Начавшийся в ОКБ 160 период моей жизни был наиболее плодотворным. Созданные мной предельно-волноводные и родившиеся затем волноводные структуры оказались научно-техническим направлением, точнее, даже научно-технической школой мысли с практически неисчерпаемыми перспективами. Дело было не только в больших мощностях. Эти новые концепции были очень полезны и для малых уровней мощности, и для применений, не имеющих ничего общего со сверхвысокочастотной мощностью: в лазерах, полупроводниках, кристаллах.

Этот период моей жизни совпадает также с периодом некоторого подъема и надежд в жизни страны. В 1960 году за сверхмощные предельно-волноводные магнетроны мне дали Ленинскую премию и — почти одновременно с этим — присудили ученую степень доктора технических наук. Если бы я не получал уже 5000 руб. в месяц (500 руб. на нынешние деньги), я имел бы право на зарплату 3000 - 3500 руб. как кандидат наук и на 4000-5000 руб. как доктор наук.

Однако именно в этот, наиболее удачный период моей деятельности я остро почувствовал не только неэффективность и бюрократичность хозяйственной системы, но и ее неспособность действовать в соответствии с элементарным здравым смыслом.

Я выписывал и читал регулярно три-четыре газеты и несколько журналов и был в полном курсе

хозяйственной жизни страны. В печати справедливо критиковались хозяйственные (я не говорю о политических) недостатки. Мало того — высказывались мысли, почти полностью совпадающие с моими (в те времена я думал, в основном, о научно-технических и экономических вопросах нашего хозяйства). Вместе с авторами статей я недоумевал, почему нельзя выпускать более экономичные профили металла и более широкого ассортимента. Это было бы очень выгодно для хозяйства страны и наших НИИ. Я не мог понять, почему нельзя организовать централизованные склады различных материалов и быстро получать именно то, что в данный момент нужно, и именно в том количестве, какое нужно. Вместо этого я должен был для своих экспериментов и исследований минимум на год вперед заказать все, что может потребоваться. Неужели заставляющее меня это делать начальство само не понимает, что я не могу точно определить ни количества, ни сортамента материалов, которые понадобятся мне для экспериментов, мною даже и не задуманных.

Я недоумевал, почему в нашем плановом хозяйстве всегда приходится страдать от недостатка разных мелочей, вроде нормальных газовых кранов, регуляторов давления, электрических проводов, зажимов, реле, различных измерительных устройств, самописцев и т. д. Ведь будь это всё в нужном количестве и качестве, любое исследование, любой эксперимент обходились бы в несколько раз дешевле и заканчивались бы в несколько раз скорее. Я недоумевал, почему мне доверяют тратить миллионы в плановом порядке (а иногда даже на ветер) и не доверяют истратить

буквально несколько рублей для поощрения людей, для возбуждения их интереса к работе, или на покупку прибора или материала прямо через магазин. Ведь я-то знал, как можно было бы сделать мою плановую работу дешевле.

Мне было непонятно это настойчивое стремление к копированию зарубежной техники и всяческое его поощрение вместо внимательного содействия развитию собственной отечественной мысли и техники. Ведь я знал, что в стране очень много способных к изобретениям, исследованиям, к созданию нового людей. И я знал, что большинству, за редким исключением, так и не удастся проявить себя. Нужно, как в моем случае, стечение большого количества счастливых обстоятельств и, конечно, огромной энергии, чтобы пробиться.

Я был полон всяких проектов о способах разрешения всех этих нелепостей и даже послал министру целый развернутый проект реформ в системе зарплаты в стране. Проект предусматривал меры для увеличения самостоятельности специалистов в определении справедливой величины вознаграждения за труд, меры поощрения стабильности состава сотрудников и их заинтересованности в работе.

Я получил лишь устный ответ, что мой проект якобы не соответствует конституции страны. Так он и остался валяться в архивах министерства.

Неоднократно я обсуждал необходимость права на риск, права на отдельные неудачи во имя осуществления более смелых и прогрессивных научно-технических идей. Кары и нервотрепка, связанные со случайной неудачей, так велики, что они отпугивают от экспериментов многих спо-

собных людей. Все были со мной согласны, но решить этот и все другие вопросы почему-то никто не мог. Каждый на 100% зависел от начальника, а начальник, в свою очередь, от своего начальника и, видимо, так до самого верха. А что же сам верх? Знали ли там обо всех этих нелепостях или нет? Судя по газетам, знали. Почему же не действовали? Впрочем, даже и этого нельзя было сказать. Хрущев был весьма активным и, опять-таки судя по газетам и слухам, действовал. Но с одной стороны, это вселяло надежды на исправление дефектов системы, а с другой, — явно показывало безуспешность и его действий. Более того, многие его действия казались безрассудными, даже глупыми, и не эффективно (не туда, куда надо) направленными. Он явно сам не понимал, почему все это делается вопреки здравому смыслу и целесообразности, и, очевидно, подозревая неумелость и нежелание своих подчиненных, «лез» во все мелочи, не обращая внимания на крупное и важное. Необдуманными и даже вредными действиями он у многих возбудил ненависть к себе. Особенно в провинции. Как-то в Астрахани я разговорился с одним местным жителем. Он сказал, что Хрущев буквально лишил их хлеба, вмешавшись в практику распределения пищевых фондов по областям страны и одновременно «зажав» личное, приусадебное хозяйство. Конечно, Хрущев хотел любыми средствами развить коллективное производство продуктов питания и, исходя из этого, справедливо полагал, что частное хозяйство его подрывает. Но результат его «правильных» действий был катастрофичен: чувствовалось, что управляет «любитель», без надежного опыта и знаний.

Я ощущал мизерность возможностей улучшить положение, бесплодность всех усилий: видимого препятствия не было и в то же время оно было везде и повсюду, рассеянное и бесформенное, но и непроницаемое.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО ИНСТИТУТА

Тем временем события шли своим чередом. Шло проектирование нового института, в котором участвовали многие специалисты из Фрязина, в том числе и я. Я старался, конечно, запроектировать максимум возможностей для проведения исследований и разработок и, особенно, быстрой и удобной модернизации в будущем. Я полагал, что новый институт должен иметь мощную энергетическую базу с возможностями ее расширения и модернизации. Помещения должны быть с легко сменяемыми перегородками, так, чтобы можно было по ходу дела менять расстановку оборудования и размещение людей. Естественно, всё должно было быть на самом современном уровне. Но тут же начались разочарования. Так, строители освоили серийное производство потолочных ферм с пролётом 18 и 24 м, что подходило для наших целей, но переставляемых перегородок, дверей и прочего не было и помине. Все перегородки пришлось делать не только не съёмные, но даже и трудно разрушаемые — из кирпича и бетона. Кроме того, высшим начальством, включая Хрущева, завладели «модные идеи»: огромные (5 — 10 тыс. м²), обозреваемые на всем протяжении оком начальника, залы. Трудно сказать, что было в основе этой идеи: то ли удобство наблюдения за работой, то ли именно отсутствие необходимых легких перегородок?

Между тем, я отлично знал (и это впоследствии подтвердилось), что во избежание страшного воровства территории отдельных подразделений не-

обходимо разделить. Неоднократно приходилось разбирать случаи, когда какие-то, никогда не обнаруживаемые вандалы «рвали с корнем» дефицитные электролитические конденсаторы или в какой-нибудь измерительной схеме исчезала пара трансформаторов. Инструмент часто воровали даже из-под замков. На то, чтобы привести оборудование в прежнее рабочее состояние, требовалась иногда целая неделя. Естественно, что перспективы безнаказанно воровать у соседей резко возрастали при абсолютной неразграниченности отдельных участков, не говоря уже о том, что и просто хождение людей мешало работать. Вдобавок, каждый начальник подразделения и инженер отвечал за целый ряд вверенной ему секретной аппаратуры, документации и приборов. Ясно, что это тоже было бы трудно осуществимо.

В результате между высшим начальством и нами, исполнителями, началась «перегородочная война», которая ведется, правда менее остро, и до сих пор.

Как и следовало ожидать, планировка помещений в новом институте с самого начала оказалась не соответствующей ни экспериментальным, ни технологическим, ни административным нуждам. Пришлось похоронить нашу мечту о гибкой, легко приспособляемой энергетике. У проектного КБ, в основном отвечавшего за проект, не было для этого ни опыта, ни необходимых готовых узлов и деталей. Мало того, не хватало обычных запорных кранов, не говоря уже обо всяких регуляторах давления, очистительных устройствах, устройствах, измеряющих давление и расход и т. д.

В результате мы не только не получили гибкой

энергетики (электроэнергия разных направлений и частот, горючий газ, водород, кислород, азот, углекислота, вода горячая и холодная, пар, сжатый воздух), но наша энергетика была даже значительно хуже, чем во Фрязине. Во Фрязине она частично была еще дореволюционная (строил частный владелец Капцов). Строилась она, в основном, тогда, когда высшее начальство еще не имело собственных идей и не впутывалось в планировку, а кроме того, еще не совсем исчезли дух и традиции (и материальные устройства тоже) дореволюционной эпохи, когда все строилось добротнo, с запасом, с перспективой.

Итак, в распоряжении нашего НИИ оказались электрические сети с колоссальными колебаниями напряжения; азот, водород, кислород, сжатый воздух с недопустимыми содержаниями влаги, минерального масла, посторонних примесей и с крайне непостоянным давлением. Из-за любой перестановки, замены или ремонта оборудования нужно было останавливать целые участки. В то же время вода шла такая загрязненная, что оборудование непрерывно засорялось и требовало частого ремонта. Старинная система открытых сливов приводила к их засорению посторонними предметами и к наводнениям.

Рухнула наша надежда и на современное оборудование и измерительную технику. После того, как мы составили весьма тщательные списки наиболее современного оборудования и измерительной техники (конечно, зарубежной, так как у нас она не производилась), оказалось, что нет валюты (точнее, валюта была истрачена на что-то другое, политически более важное). Все спешно было «переиграно» на: 1) страны социалистического ла-

геря; 2) заказы в разные отечественные институты и КБ на ускоренную разработку; 3) производившееся в стране старое, несовременное оборудование.

Оказалось невозможным и еще одно: подобрать стабильный и квалифицированный состав сотрудников. Никто не позаботился направить в новый институт оканчивающих вузы специалистов соответствующих категорий, а хороших работников, естественно, к нам никто не отпускал. Проинтервьюировав около 2500 «блуждающих» работников различного рода, забредших в наш отдел кадров, мне с моим заместителем удалось после тщательного отбора в течение около года вечерних бдений отобрать необходимых нам 400-500 человек. Но их рабочие качества и квалификация оставляли желать много лучшего. Следует отметить, что наши требования были очень простые: 1) мы не брали «летунов» — тех, кто часто переходил с предприятия на предприятие; 2) мы не брали людей с заторможенными реакциями и скрытных; 3) старались брать людей, насколько можно было выяснить, порядочных, то есть не жуликов. Мы считали, что недостаточная квалификация — не беда. Это дело наживное и мы готовы обучать новичков. Как показал дальнейший опыт, руководствуясь нашими критериями, мы смогли подобрать все же лучший состав работников по сравнению с подобранными в других подразделениях.

Так провалились все главные наши надежды: кадры; оборудование; энергетика и помещения. Наша хозяйственная система была просто не в состоянии обеспечить современный уровень даже строящегося научно-исследовательского института.

ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ

Так или иначе, в 1961 году меня и 25 наиболее ценных сотрудников перевели в еще недостроенный новый институт на юго-западе Москвы. Для этого, конечно, понадобилось специальное правительственное постановление, так как въезд и прописка, а тем более предоставление жилплощади, были запрещены. Это постановление обязывало Моссовет предоставить переезжавшим жилплощадь. Однако Моссовет не торопился и нам (и мне, и дирекции) пришлось это правдами и неправдами «пробивать». Я вспоминаю, как после безуспешных попыток действовать через наше министерство и огромной переписки нам посоветовали съездить к человеку из отдела райисполкома, непосредственно ведавшему распределением жилплощади в нашем районе. Поехали наш директор, я и один хитрый и «пробивной» работник жилотдела института. Мне посоветовали обязательно нацепить свою медаль лауреата Ленинской (не Сталинской) премии (ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, которые были у меня, были сочтены, насколько я помню, менее эффективными). После некоторого ожидания в приемной минут 30-40 мы разговаривали о государственном значении нашего НИИ, техническом прогрессе, науке и т. д. и т. п. Я был крайне удивлен, когда мы в результате получили квартиры, не все сразу и не все подходящие, но получили. В связи с этим встал и мой личный вопрос. Моя дочь вышла замуж, сын уже становился взрослым (17 лет) и в нашей квартире было негде повернуться. Соб-

ственно для меня уже комнаты не было. Тем более некуда было девать мою очень ценную библиотеку, которую я годами собирал. Если просить обменять квартиру на большую, то квартир больше трехкомнатных на 40 м² не строили. Моя семья теперь состоит из жены, дочери с мужем и их сыном и сына с женой и сыном. Я знал тогда, что к этому идет. Это значило опять жить в коммунальной квартире на три семьи и по 5 м² на человека. Рассчитывать, что можно будет получить дополнительную жилплощадь для расселения трех семей, было безнадежно.

В то же время получить еще хотя бы стандартную (26 м²) двухкомнатную квартиру для себя с женой и оставить старую детям оказалось, по существующим правилам, невозможно. При самой деятельной поддержке начальства я мог рассчитывать максимум на однокомнатную квартиру площадью 16-18 м². Разместиться в ней вдвоем означало бы обресть себя на страшную тесноту и мучения в течение неопределенно долгого времени — пока наш социализм не успеет перегнать капитализм. И мы решили добиваться однокомнатной квартиры для меня одного, хотя это тоже было вообще-то против правил — давать на одну семью, и еще при таком странном распределении членов семейства, две квартиры. Тут, однако, помогло то, что я всегда, в сущности, жил отдельно от семьи.

Может показаться странным, но я и мои фрязинские сотрудники переживали период радостного и в то же время тревожного и напряженного ожидания переезда в Москву и въезда в отдельную квартиру. Во Фрязине большинство из нас жили в коммунальных квартирах и переносили все

трудности, связанные с доставанием продуктов, с непрерывными поездками в Москву, с грубостью Пакина и т. д. и т. п. Переехать в Москву значило попасть в совсем другой мир, по сравнению с Фрязином — в «райские» условия. Как и все мои сотрудники, в связи с квартирным вопросом я пережил три или четыре состояния. Первое — радужные представления о новом жилище. Затем — довольно сильное разочарование. В моем случае оно было более чем оправдано. Оказалось, что моя квартира, считавшаяся законченной и сданной приемной комиссией, была фактически (даже по обычным, совсем не высоким, стандартам) незаконченной. Миниатюрная ванная и туалетная комната (4 м²) была внутри не окрашена. Стены были только очень небрежно подготовлены к окраске, в нескольких местах висели клочки марли и зияли не зашпаклеванные дыры. В ванной, умывальнике и унитазе — груды высохшей извести и мусора. В маленькой кухне — небрежная, мрачного цвета окраска и плохо закрывающаяся дверь на балкон, почему-то покосившийся и с виду довольно ненадежный. Пол, покрытый линолеумом, кое-где отставшим, и в кухне и в комнате был испещрен разнокалиберными черными пятнами битума (не отмывается). Комиссия приняла дом с оценкой «хорошо», и я не знал, что делать, понимая, что при своей занятости едва ли смогу все это отремонтировать. Но думал я очень не долго. Все-таки это была отдельная квартира и, какая ни на есть, она была лучше, чем моя «тюремная камера» во Фрязине. Я решил и быстро-быстро переехал. Кстати, это и надо было делать быстро, поскольку было уже довольно много случаев незаконного переезда в чужие квар-

тиры. Тем более, что замки во всех квартирах одинаковые и легко открываемые, как утверждали, чуть ли не пальцем. Поэтому после переезда мне пришлось врезать в дверь новый, более надежный замок.

Третье состояние длилось довольно долго. Я привыкал к своему новому дому и наслаждался непривычным удобством и покоем. Четвертое состояние наступило через год-два. Я невольно познакомился со всеми соседскими семьями, обычаями их жизни, их ссорами и радостями. Внизу жила одинокая женщина-медик, работавшая в Большом театре. Когда она приглашала к себе гостей, я слышал все их разговоры. Наверху жила преподаватель Московского университета, тоже одинокая. Недавно у нее умер муж. Она, однако, резко отличалась от моей тихой соседки внизу: неизвестно почему, все время ужасно топала ногами и двигала тяжелую мебель.

Справа жила семья военного — страшного пьяницы. Все их ссоры и драки были мне досконально известны. Иногда, правда, он бывал в трезвом состоянии и тогда я выслушивал урок по географии, обсуждаемый им с сыном.

Я узнал музыкальные вкусы моих соседей справа внизу (звуки их проигрывателя были мне прекрасно слышны) и то, что они много курят: через какие-то щели их папиросный дым проникал ко мне. У соседей сверху справа была собака (она сильно клала когтями по полу, бегая по комнате); они, как правило, занимались мытьем полов в час ночи.

В нашем квартале жило очень много бывших колхозников. Самым неприятным был их обычай орать во все горло песни при открытых окнах так,

что их было слышно на километры вокруг. Кроме того, они, как это принято в деревне, расходились по домам в середине ночи группами во главе с гармонистом, громко распевая.

Это четвертое состояние было очень неприятным, но ничего с ним поделать было нельзя.

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Так или иначе, но жизнь на новом месте всё же была значительно лучше, чем во Фрязине. Мне уже не нужно было ездить за продуктами или в театр за 40 км в Москву. Правда, до ближайшей булочной или молочной было не менее километра. Кроме того, качество продуктов питания в местных магазинах, как я уже давно установил, при той же цене было значительно хуже, чем, скажем, в центре города: на Арбате или на улице Горького.

В Москве, конечно, было куда легче жить, но и куда больше возможностей для унижения твоего человеческого достоинства. Причем это хамство отнюдь не в природе человека вообще или русского в частности. Это — следствие крайнего недостатка во всем, что необходимо для удовлетворения даже очень скромных человеческих потребностей. Недостатка, от которого не избавиться вот уже полстолетия. В какой-то степени это и есть обратная сторона таких лозунгов, как: «труд достоин высшего уважения»; «трудящийся — пуп земли». Когда вы на работе, вы можете чувствовать себя в качестве этого «пупа». Выйдя за ворота института, вы непрерывно сталкиваетесь с «пупами земли» в виде шофера троллейбуса или автобуса, продавщицы в булочной и т. д. Они на работе — они «пупы земли». Может быть, лучше было бы наоборот? Тогда, проработав свои 8 часов, каждый может быть «пупом» остальные 16 часов.

Может быть, это нужно как некоторый стимул

к работе? Во всяком случае, недаром в нашей стране много людей, работающих так, что практически не остается времени для личной жизни: предпочитают быть 16 часов «пупами». Нужно сказать, что и я сам тоже редко находил удовлетворение в частной жизни. Странно, но факт.

Я люблю кино и театр. Но, не желая просить билеты у всяких профсоюзных деятелей, я должен был добывать их в уличных кассах, как частное лицо. Репертуар в основном состоял из идеологических агиток, вроде оперы «Судьба человека» или спектакля «Молодая гвардия» и т. п. Поэтому на хорошие, человеческие спектакли (особенно в пятницу или субботу, когда большинство людей, как я, предпочитают ходить в театр) очень редко можно было купить билеты, да и то обычно доставались очень плохие места. То за колоннами, где ничего не видно, то в задних рядах, то на галерее и т. д. Даже и в этом отношении вы чувствовали себя (несмотря на все ваши награды) парием, так как знали, что любой «задрипанный иностранец» без труда получит любой билет на любой спектакль. То же относилось и к работникам бесчисленных райкомов и обкомов, не говоря уже о многих знакомых мне работниках аппарата ЦК КПСС. Лишь однажды мне удалось побывать на выступлении знаменитого Аркадия Райкина, когда я уж не выдержал и попросил достать мне билет. Этого я вообще-то терпеть не мог и никогда больше не делал. У меня было инстинктивное отвращение к тому, чтобы одалживаться у любых партийно-профсоюзных деятелей, я предпочитал оставаться без их услуг, но чувствовать себя более независимым. По-моему, уж лучше взятка (если, конечно, умеешь ее дать, что

мне тоже редко удавалось), это хоть и незаконное, но независимое действие.

Однако и в этом случае мне ничего особенно путного сделать не удавалось, кроме двух или трех раз, когда я искал место в гостинице. Так, однажды я решил посмотреть Кишинев, где когда-то жил в ссылке Пушкин. Приехал туда поздно вечером. В городе — только две гостиницы. В обеих мне отказали. Город незнакомый, плохо освещенный; ночевать на каком-нибудь бульваре (что мне нередко приходилось делать, когда во время отпуска я ездил по стране, чтобы посмотреть, как живут люди) было довольно холодно. Растерянно стоя в вестибюле гостиницы и не зная, куда же теперь идти, я заметил, что швейцар у дверей на меня поглядывает. Я решил к нему подойти и попросить совета. За три рубля он мне дал записочку к своей знакомой, где мне и удалось переночевать.

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ

Вернемся к работе. Эта история со строительством института заставила меня сильно задуматься над тем, почему, строя совершенно заново, нельзя сделать это толком, по-современному. Ведь все те, с кем я сталкивался и в институте, и в министерстве, и везде в других местах, совсем не были дураками или прохвостами. Пожалуй даже наоборот: было очень много толковых и понимающих людей.

Любопытно отметить, что даже крупные чины из МГБ (в штатском), скажем, председатель профкома института Караулов, зам. директора по кадрам Щербаков, не говоря уже о «мелочи», сами были настроены критически и, в принципе, не возражали против необходимости улучшения системы (конечно, не публично). Это было странно. Все хотят улучшать, а улучшения не происходит. Если судить по планам и официальным цифрам их выполнения, за 40 лет мы должны были бы быть на недостижимой высоте по развитию экономики и благосостояния трудящихся. Мне, инженеру, это было непонятно. Более того, после некоторого послевоенного улучшения жизни (особенно в отношении продуктов питания) наступил заметный застой, если даже не спад. Постепенно исчезали и ветчина, и карбонад, и колбасы, и севрюга, и белуга, и осетрина, не говоря уже о крабах. Совсем исчезли и мясные и куриные консервы. Резко ухудшилось качество продуктов.

Стремясь понять причину этого, я стал внимательно читать статьи на экономические и плановые темы, книги по экономике зарубежных, социалистических и капиталистических, стран.

ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗРАБОТОК И ИССЛЕДОВАНИЙ

Я начал задумываться над вопросами планирования, до этого воспринимавшимися как должное. В связи с этим стоит познакомить читателя с принятым в стране планированием научно-исследовательских (НИР) и опытно-конструкторских (ОКР) работ.

Как я уже рассказывал, в последнее время я сам был инициатором новых НИР, что бывает, однако, довольно редко. Чаще всего темы выдвигаются военными или появляются в результате желания скопировать ту или другую зарубежную новинку. В моем случае тематика была вполне оригинальной, она была следствием той школы научно-технической мысли, которую я создавал на протяжении многих лет.

Когда дирекция НИИ и министерство (и военные) принимают тему, в I-м управлении министерства появляется секретная карточка. В ней даны две-три наиболее важные характеристики, определяющие существо работы, предполагаемый срок и предприятие-исполнитель. Затем назначается «научный руководитель» НИР или «Главный конструктор» ОКР. В данном случае — я. Я поставил титулы в кавычки, так как их носители, во многих случаях, — ведущие инженеры (иногда даже только старшие) и, реже, начальники лаборатории, так что, в сущности, у них нет никакой административной власти. Далее я должен составить два основных документа: техническое задание (ТЗ) на НИР или тактико-технические требо-

вания (ТТТ) на ОКР и плановую форму № 4. Собственно, только ТЗ или ТТТ определяют предполагаемый объем работы, но срок уже дан и указывать сроки в ТЗ или ТТТ запрещается. Далее я должен согласовать ТЗ или ТТТ с дирекцией НИИ, с заказчиком (военным), с постоянными представителями Министерства обороны (МО) в НИИ, с НИИ-17 МО (военный НИИ, координирующий научный центр МО) и со своим министерством. Это согласование отнимает уйму времени, труда и, особенно, нервов и длится месяцами. Были случаи, когда согласование занимало два года. Дело в том, что научный руководитель, а особенно главный конструктор весьма серьезно рискуют не выполнить работу в срок из-за «завышенных параметров темы». Поэтому они стараются ограничить объем работы, соразмеряя это с указанным сроком. Большая же часть оппонентов требует, наоборот, расширения и, главное, уточнения параметров работы, зачастую очень детального. Оппоненты часто бывают из разных военных ведомств, а следовательно, интересы у них тоже разные, и они требуют взаимопротиворечащих характеристик. Так или иначе, ТЗ и ТТТ должны давать недвусмысленные критерии для приемки работы в дальнейшем по всем детальным характеристикам.

После согласования ТЗ или ТТТ утверждается министерством и затем уже не могут быть изменены без согласия последнего. Параллельно (как правило, до окончания согласования ТЗ или ТТТ и, следовательно, до определения объема работы) я сам должен составить форму № 4, то есть калькуляцию и календарный план по теме. Без составления и утверждения формы № 4 министерством

работу начать невозможно, так как расходы не будут оплачиваться, а заказы — выполняться.

Прежде всего, разработчик, исходя из своего прежнего опыта, соображает, сколько ему понадобится сотрудников для выполнения темы, включая рабочих, любой вспомогательный персонал и персонал вспомогательных подразделений. Понятно, что можно ошибиться и не на 5-10%, а, скажем, и в два раза.

Средняя зарплата сотрудников по предприятию известна, затраты на материалы составляют от 70 до 150% зарплаты и накладные расходы — порядка 250% зарплаты. Далее разработчик должен весь ход работы подразделить на этапы и каждый этап вписать в форму № 4. Этапы непременно должны иметь сроки начала и окончания их и должны быть четко сформулированы, чтобы плановый отдел, дирекция или министерство (контролеров — уйма) смогли бы в свое время безошибочно судить об окончании этапа и о ходе выполнения плана по теме (форма № 4).

Необходимо разбить полную трудоемкость на трудоемкость отдельных этапов, а суммарные трудоемкости этапов — по трудоемкостям работы в своем подразделении и в подразделениях-поставщиках на каждый месяц. При этом надо делать равномерное распределение полных трудоемкостей по месяцам. Если в каком-либо месяце будет указана меньшая трудоемкость, это автоматически будет означать невыполнение плана подразделением, так как номинальная трудоемкость, находящаяся в распоряжении подразделения, более или менее неизменна (число сотрудников).

Затем разработчик должен определить сам, ка-

кое и когда новое оборудование или аппаратура ему понадобятся, сколько это будет стоить, и внести это в форму № 4.

После этого нужно перечислить все материалы, которые могут понадобиться и в каких количествах, независимо от наличия их в институте.

Всё это в значительной степени чувствуешь издевательством над здравым смыслом, поскольку невозможно знать абсолютно точно, что именно понадобится в еще совершенно неизвестной работе. Ведь еще не задуман ни один эксперимент.

Законченную таким образом форму № 4 разработчик же должен согласовать с другими подразделениями: с поставщиками, дирекцией, плановым отделом, а иногда и с Главным управлением министерства — и получить от всех подписи (визы). Затем форма № 4, подписанная уже разработчиком, идет на подпись главному инженеру или директору НИИ. После этого ее должно утвердить Главное управление министерства, а во многих случаях — министр. Форма № 4 становится документом, по которому отпускаются средства и контролируется выполнение работ со всеми вытекающими отсюда последствиями. Изменить форму № 4 можно только с согласия министерства и в крайне редких случаях. Так, затратив на ТЗ или ТТТ и форму № 4 уйму нервов, труда и времени, разработчик надевает на себя жесточайший корсет, сковывающий его по рукам и ногам. При всем моем очень большом опыте, неоднократно получалось так, что мне оказывался нужен не этап, записанный в форме № 4, а совсем другой. В ходе экспериментальной работы, естественно, меняются способы и средства для получения результата. Однако угроза невы-

полнения плана вынуждала меня делать уже ставшую ненужной работу, что, конечно, шло во вред делу. А не выполнить план — значит лишить подразделение квартальных премий (а без них людям трудно жить на мизерную зарплату), потерять престиж и желание в дальнейшем сотрудничать с этим разработчиком. То же было и в отношении запланированных материалов, оборудования и аппаратуры.

Самое любопытное, что эта ситуация, как я неоднократно убеждался, всем — снизу доверху — хорошо известна, но изменить ее, практически, невозможно (если, конечно, не жульничать, что сплошь и рядом делается).

Я пытался придумать для наших условий более разумную альтернативу. Однако, если войти в положение министерства, то, и в самом деле, ничего не придумаешь. Что же другое можно сделать, если в общем плане министерства на 3 - 5 лет нужно запланировать расходы, материальное обеспечение, соответствующие им результаты, а затем эти результаты контролировать и получать. Ведь таких отдельных тем, если не тысячи, то многие сотни, и невозможно ни найти, ни принять в штат столько таких квалифицированных людей, которые могли бы контролировать ход темы по существу, а не на бумаге. Ни главному инженеру, ни директору НИИ это полностью поручить нельзя — их тоже ведь нужно контролировать: в министерстве таких НИИ и КБ, как наши, многие десятки. С формой же № 4 контроль осуществляют плановые отделы, ничего не понимающие ни в науке, ни в технике.

Казалось бы, что при всех недостатках форма № 4 имеет и преимущество. Разработчик может

записать требование на всё, что находит нужным. В действительности это не так. Форма № 4 должна быть «реальной», то есть разработчик должен рассчитывать на то, что у него есть или что он реально может получить. Положим, разработчик «пробил» (в смысле получения согласия) плановый отдел и дирекцию и записал какую-то действительно нужную и отсутствующую у него аппаратуру. Когда подходит срок окончания этапа, для которого ему нужна была эта аппаратура, ее, как правило, нет и неизвестно, когда будет. Вопли и жалобы разработчика не помогут — срок этапа остается прежним. Если он из-за этого не выполнит план, последствия (лишение всех в подразделении премий и т. д.) остаются те же. Если же, как большей частью предусматривают сами разработчики, план (этапа) выполняется (конечно, за счет ухудшения качества и количества результатов, не оговоренных в ТЗ или ТТТ), то опять разработчик виноват: требовал то, что не нужно. Что же означает эта «реальность» формы № 4? Она означает, что разработчик сам же и должен всё доставать или создавать средствами своего или вспомогательного (это значительно менее надежно) подразделения. Поэтому аппаратура и оборудование, как правило, самодельны. Для их разработки в НИИ предусмотрены дополнительные подразделения, работающие, конечно, по той же системе, что и выше.

Хороший «научный руководитель» или «главный конструктор» темы у нас должен представлять собой уникальную смесь плановика, администратора, политика, психолога, эрудита в науке и технике и, безусловно, весьма энергичного человека.

Естественно, что форма № 4 требует составления ежемесячных планов всеми научно-техническими работниками подразделения и, соответственно, их проверки и утверждения после составления и проверки их исполнения по окончании месяца.

Ведь если научный руководитель морально и психологически очень заинтересован в выполнении темы, то, к сожалению, у каждого конкретного сотрудника такой заинтересованности нет. Квартальные премии распределяются не в соответствии со вкладом каждого сотрудника, а большей частью поровну: в процентах к зарплате.

Таким образом, в эту систему планирования включаются все основные работники подразделения. Начальник лаборатории или научный руководитель тоже не в состоянии контролировать по существу деятельность 20 - 50 человек.

По опубликованным за рубежом данным, один человек может полноценно руководить не более чем 4 - 5 людьми. В исследовательском секторе на 450 человек есть, кроме начальника, еще только одна ступень руководства. В лаборатории на 25 - 30 человек — либо (как исключение) тоже еще одна, либо (чаще) только начальник. Поэтому и на уровне подразделения планирование так же громоздко и необходимо, как и на уровне НИИ.

Наша система полна парадоксов. С одной стороны, вы чувствуете совершенно неограниченную власть сверху (выше министерства), а с другой, чувствуете свое, как начальника сектора или лаборатории, научного руководителя или главного темы, бессилие. Вы знаете, что по форме № 4 нужно сделать то-то. Вы, затратив уйму труда

совместно с вашими сотрудниками, распределили задачи на месяц вперед в соответствии с общим планом. Однако даже на месяц вперед оказывается невозможным предусмотреть все конкретные события, да еще так, чтобы они соответствовали форме № 4. Эксперименты не получаются или их результаты требуют пересмотра ваших намерений, детали, требовавшиеся для плановой работы, не сделаны: сломался станок, человек заболел или напился и прогулял и т. д., и т. п. Когда в начале следующего месяца вы собираете индивидуальные планы сотрудников за прошлый месяц, то видите, что подавляющее большинство планов не выполнено, даже по обязательной оценке самих исполнителей, не говоря уже о вашей оценке. Что вам делать? Винить себя за составленную форму № 4? Винить себя за неправильное распределение (сделано вместе с сотрудниками) работы и задач? Винить исполнителей? И, самое главное, что отметить в форме № 4? По опыту вы знаете, что как вы ни стараетесь, результат в смысле выполнения индивидуальных планов (если их, конечно, считать не «бумажкой», а средством управления) всегда, примерно, одинаков — невыполнение. Поэтому как ни узки лазейки в нашей общей жесткой плановой системе, всё равно они есть и их приходится использовать. В данном случае лазейка — возможность отметить самому выполнение плана по форме № 4 при невыполнении индивидуальных планов под вполне разумным предлогом, что они предусматривали опережение формы № 4. (Какое уж тут опережение?!) В противном случае ваша лаборатория или сектор никогда не выполняли бы плана и

никогда не получали бы квартальных премий. Конечно, это было бы и концом вашей карьеры.

Предположим, что вы, считая сроки работы, навязанные вам сверху, не обсуждаемыми, решили бы, скажем, хотя бы одного, особенно «отличившегося» исполнителя наказать, лишив (или понизив) его квартальной премии, на что вы имеете законное право. Однажды я столкнулся с такой очевидной возможностью. Старший инженер Мельников оказался не только не соответствующим своей квалификации специалистом, но, как это часто бывает, и бездельником. Из-за его бездействия не смогли выполнить план и его коллеги (он занимался обследованием изготавливаемых ими экспериментальных приборов), открыто на него жаловавшиеся. Дело было абсолютно ясное. К сожалению, его поведение возмутило меня до глубины души и я, в соответствии с установленными правилами, подписал распоряжение о лишении его квартальной премии. И это было ошибкой. Через неделю ко мне явилась специальная профсоюзная комиссия, подвергшая меня унижительному допросу и потребовавшая (абсолютно без всяких оснований) отменить распоряжение. Конечно, я отказался. Мое распоряжение было законно и совершенно справедливо: ведь оно касалось премии, выдававшейся исполнителю, по инструкции министерства, за хорошую работу. Но затем в течение двух месяцев меня часами отрывали от работы новые комиссии, пока я не сдался и не отменил распоряжения. Дело в том, что этот Мельников, хотя и был отъявленным бездельником, но прекрасно знал нашу систему. Он наводнил и дирекцию, и партком, и завком жалобами, используя рабочее время на их напи-

сание и хождение по всем инстанциям. Недаром ему в свое время удалось попасть в большую группу «ускоренников» в учебный институт. В 50-х годах, поскольку был дефицит в инженерах, создавали такие группы (из членов партии), занимавшиеся по резко сокращенным программам и получавшие диплом инженера не за 5 - 6 лет, а за 3 года.

Для советской системы характерно трагическое положение «низших начальников», находящихся в непосредственном контакте с «трудящимися». Они — последнее звено в цепочке распорядителей и руководителей, начинающейся в Политбюро. Они, в сущности, определяют выполнение и невыполнение планов и они, практически, лишены каких-либо средств воздействия на своих подчиненных, то есть имеют максимальные обязанности, не имея средств для их выполнения. Впрочем, я почти уверен, что то же чувствует любой технический руководитель или начальник, возможно, не исключая и министра.

Во всяком случае, централизованная плановая система, как ни странно (должно бы быть, как будто, наоборот), чрезвычайно характерна несоответствием между обязанностями (велики) и возможностями (малы).

Наконец, после всех злоключений работа закончена, — как правило, в срок. Это значит, что вам пришлось пожертвовать целым рядом научно-технических желаний и стремлений. Не думайте, что это только в моем частном случае. Это удел любого разработчика. Вам пришлось ограничиться самым нижним или промежуточным пределом выполнения ТЗ или ТТТ. Вы посылаете от своего (как научного руководителя темы)

и от имени директора уведомление в Главное управление министерства (копия в плановый отдел НИИ). В уведомлении вы же рекомендуете состав государственной комиссии для приемки работы. Выбора у вас особого нет: вы обязаны включить представителя заказчика, постоянного военного представителя в НИИ, представителя научного контроля Министерства обороны из НИИ-17 и себя. Научно-техническое руководство НИИ из этого исключено (оно может быть необъективным). Необходимо добавить, что сотрудники (военпреды, как они называются) постоянного военного представительства уже давно по ходу работы контролируют и допекают своими вопросами вас и ваших сотрудников.

Приказом министра государственная комиссия назначена и приступает к работе. До этого, конечно, вы обязаны подготовить всю документацию, свидетельствующую об окончании работы: протоколы ваших испытаний; проект программы госиспытаний, документ, по пунктам сопоставляющий ТЗ или ТТТ с результатами работы; инструкции, проект частных технических требований (ЧТУ) на прибор, если он пойдет в производство, чертежи и, кроме того, конечно, образцы разработанных приборов (за номерами, чтобы нельзя было подменить). Все это — за вашей подписью в дополнение к подписям сотрудников. Вы же должны представить проект решения госкомиссии.

Испытания длятся не менее двух-трех месяцев, иногда затягиваясь даже на год. Во избежание будущих обвинений в недостатке бдительности, в результате, скажем, естественных неполадок при постановке производства приборов, комиссия скрупулезно проверяет всю документацию и за-

ставляет заново, в ее присутствии, проводить испытания представленных образцов и т. д. Уйма труда, споров и бдительности. Все это, конечно, на секретном и совсекретном уровне. Редкая комиссия обходится без арбитража министерств. Конечно, все это не спасает и не может спасти от сопротивления серийного завода при «втыкании» прибора в производство и от целой кучи всяких недоразумений, возникающих при пуске в производство. Обвинения практически любой госкомиссии в приемке «недоработанного» прибора с той или другой стороны всё равно не исключаются. И всё это создает стремление «застраховаться» от последствий и вызывает постепенное увеличение громоздкости госиспытаний и их бюрократизацию. В основе лежит, видимо присущее централизованной системе, недоверие к людям, вызванное незнанием конкретных причин и условий внизу, при необходимости решения наверху, так как право на решения внизу не имеют. Любопытно, что последнее время даже приемка работ, законченных по внутреннему плану НИИ (директор НИИ, руководя предприятием, расходующим около 20-30 млн. руб. в год, имеет право израсходовать по своему внутреннему плану не более 70 тыс. руб. в год), происходит с помощью специальных комиссий, назначаемых дирекцией. Ни главный инженер, ни сам директор по своему личному усмотрению этого сделать не рискуют. В частности, всякого рода мелкие списания затраченных средств происходят с помощью специально назначаемых комиссий. Таким образом, дирекция не рискует и не вправе сама засвидетельствовать целесообразность ни крупных, ни мелких затрат.

Всё это делается комиссиями вплоть до государственных.

Таким образом, налицо стремление нашей системы избавиться от «субъективности» людей и заменить ее «объективностью» централизованного плана в рамках организации и механизацией и автоматизацией в рамках техники и производства. Но это невозможно и поэтому всё предельно субъективно, только субъекты скрыты и лишены ответственности.

Последние 15-20 лет это становится (по крайней мере, подсознательно) всем ясно и отсюда все попытки компенсировать коренной (неустранимый в рамках системы) дефект путем различных систем материального стимулирования и индивидуального понуждения. К последнему относится способ, хорошо действовавший в давно прошедший период энтузиазма — социалистическое соревнование (вместо капиталистической конкуренции). Но уже давно это соцсоревнование превратилось в ничего не дающее бумаготворчество и даже стало неплохим прикрытием для сообразительных жуликов. Система за него держится по двум причинам: 1) ничего лучшего нет; 2) есть всё же остатки какой-то возможности индивидуального политического нажима.

Стахановцы, ударники, ударники коммунистического труда — всё это ступени отчаяния системы, постепенно теряющей возможность воздействовать на поведение отдельного человека с помощью политических средств.

КАК ЗАСТАВИТЬ ЛЮДЕЙ РАБОТАТЬ?

То же политическое средство воздействия на людей (не желающих работать) в сущности представляют собой всё развивающиеся и усложняющиеся аттестации сотрудников. Это — мероприятие, мало отличающееся от партийных чисток, но распространяющееся на всех, то есть и на беспартийных. Аттестация существует давно, но раньше она была введена в основном для старших и младших научных сотрудников и на многое не претендовала. Инженерно-технические работники ее не проходили.

Ее последнее развитие, происшедшее в 1968-1970 гг., характеризуется повальным «охватом». В нашем НИИ, как и везде, началась эта «усовершенствованная» аттестация в 1970-1971 году. Были созданы четыре или пять комиссий. Между ними поделили весь состав лаборантов, техников, инженеров, научных сотрудников, начальников лабораторий и администраторов в соответствии с областями их деятельности. «Научная» комиссия была создана под председательством доктора технических наук М. И. Хворова, моего бывшего (в течение многих лет) сотрудника и даже воспитанника. Человек молодой, энергичный, весьма способный, он увлекся этой аттестацией, как и некоторые другие «идеалисты-разработчики». Дело в том, что они надеялись, что рассортировка сотрудников поможет им как-то противодействовать «саботажу», о котором я уже рассказывал и который, естественно, крайне мешал вы-

полнению научных замыслов. Так что многие люди, субъективно заинтересованные в выполнении своих планов, поддерживали эту аттестацию как средство против «бездельников», которых становилось всё больше и больше. В каждую комиссию вошли представители КПСС, профсоюзов и ВЛКСМ. На каждого аттестуемого работника «треугольником» подразделения составлялась характеристика и заполнялась специальная анкета, которые должны были характеризовать технический и политический уровень. М. И. Хворов затратил много труда и энергии на составление и введение в действие особенно дотошной анкеты. Анкета, действительно, как будто давала возможность получить полную характеристику аттестуемого.

Аттестуемый работник вызывался на заседание комиссии (человек около 15) и подвергался там, по существу, суду. Решения этих судов-комиссий уже нельзя было опротестовать через партийную и профсоюзную организации или администрацию, а только через суд и, вероятно, без успеха.

Решения комиссии всегда включали в себя, наряду с технической, и общественно-политическую оценку, что само по себе представляло для человека опасность «позорного клейма», и надолго. Комиссия также рекомендовала послушной в этом случае администрации три сорта действий: аттестовать данного человека (ура!); понизить в должности (и зарплате); и в редких случаях — держать в резерве для повышения.

Многие сотрудники, догадываясь о своих «дефектах», быстро подавали заявления об увольне-

нии по собственному желанию, рассчитывая уйти от аттестации здесь, где их знают, и проходить аттестацию там, где их еще не знают. Однако аттестационные комиссии, конечно, били мимо цели, так как «саботаж» был массовым и от его влияния не были застрахованы ни «треугольники», ни сами комиссии. Кроме того, комиссии не устраняли главных причин «саботажа» и прорывов. Вместо этого они приводили к еще более червной обстановке и потере остатков трудоспособности. Даже мой очень высококвалифицированный и добросовестный старший инженер В. В. Базаров и тот утратил свои обычные спокойствие и уравновешенность, нервничал, расспрашивал своих коллег о том, какие вопросы задают в комиссии и как на них отвечают. Я не говорю уже о других, менее хорошо зарекомендовавших себя сотрудиниках. Все нервничали, что, разумеется, не могло не отразиться на работе.

Материальные стимулы тоже применялись давно (скажем, те же квартальные премии или премии за оконченную и сданную комиссии работу). Однако, в конечном итоге, — без особого результата в смысле улучшения работы, так как распределялись они (по причинам, уже читателю известным) по одинаковому количеству процентов от зарплаты, а не в соответствии с оценкой произведенной работы. Поэтому эти системы всё время пересматривались, совершенствовались и снова не приводили к результатам. Последнее изобретение, призванное стимулировать науку, постепенно перестающую двигаться, — новые системы уже не премий, а зарплаты для НИИ. По этим системам вместо фиксированного оклада

сотрудника устанавливался некоторый, значительно более низкий, минимум. Сверх этого минимума можно было, по решению специально назначаемых «авторитетных ученых комиссий» на определенный период (год-два) получать существенно большую зарплату, если, конечно, научная деятельность данного сотрудника это оправдывает. Эти системы зарплаты и комиссий служат великолепной почвой для интриг, сведения личных счетов, для политического давления и т. д. Конечно, они не могли быть средством оживления науки, ее прогресса.

Кроме того, разве можно «перехитрить» миллионы умов конкретных людей с помощью весьма ограниченного количества умов вдохновителей и организаторов этих комиссий?

В НОВОМ ИНСТИТУТЕ

Ценой огромных усилий удалось наконец в плохо построенном и организованном новом институте наладить производственный процесс в нашем секторе № 400. В секторе работало 450 человек, из них около 100 были механиками. Наша механическая мастерская состояла примерно из сотни различных механических станков.

Это хозяйство способно было произвести даже на специалистов весьма сильное впечатление. Однако нам, монтировавшим и запускавшим это оборудование, были известны все его дефекты и, главное, несовременность и техническая негибкость. Тем не менее, мы, конечно, могли гордиться и безусловно гордились нашим детищем. Ведь сколько труда, мысли, нервов мы в это вложили! Ведь каждый квадратный метр сектора, каждый элемент оборудования, каждый элемент организации технологического процесса, движения материалов, деталей и узлов освящались муками компромиссов.

Нужно было из всего того, что нас не удовлетворяло, что не соответствовало известному нам современному уровню, сделать нечто всё же дающее нам возможность разумно разрабатывать новую технику, вести исследования, ставить эксперименты. И после этого нужно было продолжать борьбу не на жизнь, а на смерть с «модными идеями» высшего начальства, которое не оставляло нас в покое. Одной из этих «модных идей» было укрупнение (как в колхо-

зах). Социализм — это ведь коллективизм, кооперация. Поэтому долой «мелкие» механические мастерские. Нужно создавать крупные цеха, они будут более эффективны, чем несколько мелких. Долой «мелкие» теххимические мастерские, обслуживающие отдельный сектор, — нужно иметь крупный общий теххимический цех. Поэтому эта идея очень характерна для Политбюро и, в частности, для Хрущева. В действительности же, именно кооперация и централизованное планирование были самыми дефектными сторонами социализма. При наличии нашей мастерской время, проходившее от эскиза до готовой детали (тоже в пределах месячного планирования, но с возможностью экстренных заказов), составляло не более месяца. Тот же процесс, но проведенный через общий цех, занимал два, а то и более месяцев. Нужно было: а) сделать не эскиз, а чертеж; б) договориться до 10-го числа данного месяца о включении работы в план общего цеха на следующий месяц; в) осуществить планирование всего общего цеха; г) разработать норму времени; д) наконец (меньше всего времени) изготовить деталь; е) пропустить ее через контроль ОТК цеха; ж) оформить накладные и передачу деталей заказчикам.

Нам было совершенно ясно, что основная функция нашей мастерской была совершенно другой, чем общего цеха, и не могла общим цехом выполняться. Нужно было и то, и другое. Одно не исключало другого. Конечно, Хрущев этого ничего не знал и не понимал, но хотел во всё вмешиваться. Поэтому дело доходило до самых безобразных стычек. В НИИ появился только что

назначенный заместитель нашего министра К. Михайлов, доктор наук и якобы специалист по гироскопическим приборам и их производству. Этот замминистра, едва познакомившись с нашим и другими секторами, немедленно распорядился ломать перегородки и организацию и объединять механические мастерские четырех секторов в один цех и теххимические мастерские тоже в один цех. Меня, как начальника сектора 400, вызвали пред светлые очи К. Михайлова и сообщили о его решении. Директор нашего института, конечно, понимал глупость этого решения, но партийная дисциплина (ведь «указание» — от Хрущева) требовала от него противоположного мнения и действий.

Поэтому он и вызвал меня вместо того, чтобы просто передать распоряжение. Конечно, я возмутился и категорически отказался выполнять это решение. К. Михайлов, этого не ожидавший, вспылil еще больше чем я, и начал метать громы и молнии на мою голову. При этом он не постеснялся пригрозить мне не только административной, но и политической расправой по типу той, которая постигла, по его словам, академика Меркулова. Уже потом я узнал, что это был известный конструктор авиационных моторов, которого за строптивость отстранили от дел, исключили из партии и превратили из крупного ответственного работника в букашку-обывателя.

Тем не менее, у меня был очень ограниченный выбор. Если я подчинюсь, исследования и разработки затормозятся минимум в два раза и я неизбежно пострадаю из-за невыполнения плана очень важных работ по приборам для защиты от

баллистических ракет. Работы эти находились под неусыпным контролем ВКП и ЦК КПСС и, конечно, министерства. Если я не подчинюсь, меня могут снять с работы и подвергнуть политическому ostracism. Я предпочел последнее и мне удалось (видимо, из-за недостаточной опытности Михайлова) выиграть бой. Возможно, что этому помогло и то, что многим была очевидна моя правота.

Конечно, этот выигранный бой не означал прекращения военных действий. Буквально чуть не каждый месяц приходилось отражать наскоки, главным источником которых были примитивные технические и социалистические идеи Хрущева или Политбюро. Всё время наш министр хотел похвалиться новым Институтом и так или иначе показать его Хрущеву и его свите. Поэтому нужно было хотя бы внешне привести институт в соответствие с модными идеями.

К 1962-1963 годам, когда уже всё стало постепенно «утрастаться» и приходиться в более или менее стационарное состояние, начался новый кризис. Во-первых, распространились сведения о крупных заработках на строительстве пусковых ракетных установок. Во-вторых, пока наш институт был единственным строительством на юго-западе Москвы среди больших новых жилых массивов, состав наших сотрудников был более или менее постоянным. Однако теперь заканчивалось строительство целой серии других институтов и КБ. На наше несчастье, у нас система зарплаты была более низкой категории, чем у этих соседей. Дело в том, что в нашем плановом хозяйстве, как это ни странно, много разных

систем зарплаты. Предприятия, связанные с важнейшими правительственными задачами, оплачивались выше, а обычные — ниже. В самом низу этой лестницы зарплат стояли, конечно, немногочисленные гражданские предприятия. На самом верху были правительственные и партийные учреждения и предприятия по новейшей военной технике.

Наш институт находился где-то на средних, но не очень высоких ступенях лестницы. Электровакуумные электронные приборы считались в верхах комплектующими деталями и котиrowались неизмеримо ниже радиолокаторов, самолетов, танков, подводных лодок и т. д. Для характеристики нашей зарплаты будет любопытным следующий инцидент. Однажды на партийном собрании НИИ, куда меня в добровольно-принудительном порядке пригласили, выступил директор и член парткома только что построенного рядом автобусного парка. Он был приглашен для поощрения общественно-партийных связей между предприятиями района. В своей речи он, кроме всего прочего, пригласил сотрудников нашего института учиться у него на шоферов автобусов и сообщил, что он гарантирует (при известном старании шофера) через три месяца зарплату в 200 и 220 руб. в месяц. В институте же самый крупный — ведущий — инженер получал 160-180, инженер — 90-120, техник — 60-80 руб. и даже начальник лаборатории — 200 руб. Предложение вызвало громкий хохот и оживление среди присутствующих.

Этот эпизод еще раз показывает, что в СССР обучение и квалификация никак не связаны с

получаемой зарплатой. Таким образом, стоит ли учиться и трудиться над получением квалификации, когда ваши доходы будут определяться совсем другими вещами? Это, конечно, начисто опровергает известное марксистское положение о сложном труде, то есть труде, затрата которого включает в себя и прошлые затраты на обучение.

Словом, в результате всего этого, состав сотрудников сектора стал быстро меняться. Текучесть в институте стала достигать 25% в год. Это, конечно, вносило страшную дезорганизацию в нашу работу. Вскоре оказалось, впрочем, что и старые предприятия и даже в старых районах Москвы живут не лучше, а даже хуже. Например, завод механических станков «Красный пролетарий» обновляет свой состав за год на 100%. На автомобильном заводе им. Лихачева (бывший ЗИС) приходится привлекать для работы воинские части. Там же возникла «новая социалистическая практика»: некоторых инженеров, чертежников, конструкторов в принудительном порядке посылают в цеха — работать на различных участках. Идея такая: «Инженеры все равно бездельничают. Так от них ничего не убудет, а для дела лучше, если они поработают руками». Неплохое устранение разницы между физическим и умственным трудом! Всеобщее мнение в стране: «Поди проверь, что он думает. О том, как сделать прибор, или о воскресной рыбалке?»

Позднее, уже в 1969 году, некоторые мои коллеги были приведены в отчаяние текучестью сотрудников, саботажем и постоянно возрастающими

трудностями при осуществлении разработок и исследований, особенно в результате резкого снижения квалификации людей. Мы ломали головы, как этому противодействовать, и, естественно, решили добиваться перевода нашего института в более высокую категорию по зарплате. К тому же, мы столкнулись с совсем, по нашему мнению, нелепым обстоятельством. Нашему главному институту средняя зарплата планировалась в 109 рублей в месяц, когда, по опубликованным в газетах данным ЦСУ, средняя зарплата по стране составляла 120 рублей в месяц. При всей нашей привычке к нелепостям планового хозяйства, это никак не укладывалось в мозгу. При молчаливом согласии дирекции, попытки которой в этом направлении отбивались министерством, группа ведущих научных работников НИИ решила направить письмо А. Н. Косыгину о скверных перспективах в области развития электровакуумной, электронной науки из-за относительной недооценки этой области по зарплате. Письмо было очень тщательно и осторожно составлено и подписано: начальником теоретического отдела, доктором физико-математических наук. В. Т. Овчаровым; начальником сектора, доктором технических наук М. Н. Хворовым; начальником отдела, лауреатом Ленинской премии, доктором технических наук В. А. Афанасьевым и мной, начальником лаборатории (после 1964 года), лауреатом Ленинской премии, доктором технических наук. Через некоторое время нас начали вызывать в Министерство финансов, Комитет по труду и зарплате, в Госплан. Выяснилось следующее. Косыгин положил резолюцию: в двухнедельный срок предста-

вить соображения. Денег в стране не было. Желавших получить бóльшую зарплату было много. И вообще эта попытка свидетельствовала о нашей экономической и политической незрелости. Один компетентный работник Госплана на мой аргумент о средней зарплате по стране в 120 руб. и нашей в 109 руб. ответил, что 120 руб. — это фикция, а 109 руб. — далеко не плохая зарплата. Затем нас перестали куда-либо приглашать. Прошло и две недели, и два месяца и всё затихло безо всяких изменений.

СНОВА НОВЫЙ ЭТАП

Что касается меня, то уже к первой половине 60-х годов я доподлинно убедился в том, что хозяйство движется не к расцвету, а к упадку. Что дело не в недостатке умов и умения и не в человеческой подлости. Всё это, конечно, есть, но опеределенно не в большей (а может быть, даже в меньшей) степени, чем в любой стране. Корень зла был в самой системе централизованного планирования и в связанной с ним диктатуре. Это разочарование в способностях системы и в будущих перспективах привело к значительному охлаждению моего рвения. Дошло до моего сознания и то, что ведь вся моя (и миллионов других) работа служила целям даже не обороны (я уже знал, что никто на нас не собирается нападать), а войны. Всё огромное население страны, как я мог убедиться, исколесив во время отпусков страну вдоль и поперек, терпит страшные лишения во имя войны.

В результате, воспользовавшись очередными трудностями в выполнении плана и недовольством со стороны дирекции и министерства, я подал заявление об освобождении меня от обязанностей начальника сектора, рекомендовав вместо себя М. И. Хворова. После длинных и неприятных переговоров мое ходатайство было удовлетворено. После этого я решил вообще уйти из НИИ на работу, менее связанную с военными задачами, и подыскивал, хоть и не без труда, себе место. Когда я уже подал заявление об уволь-

нении по собственному желанию, с ним не согласились. Но по закону я имел право после отказа не появляться на работе, что я и сделал. Тогда директор НИИ Б. П. Лебедев, очевидно, с ведома или даже по указанию министерства пригласил меня для переговоров. Он предложил мне организовать свою лабораторию по своему желанию и работать над любым интересующим меня вопросом. Это предложение было совершенно исключительным и необычным. Такой привилегией, насколько мне известно, не пользовался ни один человек во всем Министерстве электронной промышленности. Моя твердая решимость уйти была поколеблена и, в конце концов, я принял это предложение.

Так в 1965 году в моей жизни начался опять новый этап — строительство новой лаборатории.

В первую очередь я «перетащил» к себе из сектора нескольких моих давних и хороших сотрудников. За полтора-два года, своими руками, мы превратили выделенное нам складское помещение в очень прилично оборудованную лабораторию (без наружной охраны — вахтера). Мне пришлось самому и рассчитывать, и проектировать отопление, освещение, энергетику и оснащение. Лаборатория представляла собой почти полностью автономное и хорошо организованное хозяйство, которому завидовали все без исключения начальники лабораторий, как нашего НИИ, так и других.

Все в лаборатории было сделано как хороший костюм, по мерке. Штат тоже был весьма тщательно отобран (хотя и не обошлось без одного-двух «огрехов»).

Я начал осуществлять свой замысел. Дело в том, что до этого я создал магнетронные системы, которые могли, в принципе, развивать любую, даже очень и очень большую мощность с хорошим КПД. Были созданы волноводные усилительные магнетроны с относительно широкой полосой и тоже любой мощностью и высоким КПД. Но они не обладали высоким коэффициентом усиления, и частотная полоса усиления была довольно ограниченной. Замысел и состоял в том, чтобы выяснить физические причины ограничения коэффициента усиления и полосы частот с тем, чтобы получить все желаемые характеристики в совокупности.

За время, прошедшее до первой половины 1971 года, мне удалось разобраться в физических причинах ограничений, наметить пути их преодоления и получить весьма обнадеживающие результаты. К сожалению, в конце концов на мою работу опять наложили свою лапу военные и снова начали меня понуждать к быстрейшему созданию приборов для военных целей.

Так, несмотря на все мое желание, мне не удалось поработать не на войну, а для людей.

Человек никогда не оставляет надежд. И я надеялся, что в «собственной лаборатории» буду изолирован от наскоков системы. Но — напрасно. Лаборатория была под наблюдением и парткома, и профкома и т. д. и т. п. Походы на уборку картошки, на демонстрации, на встречи приезжающих в страну высоких особ не миновали лабораторию. И вообще, конечно, мы были не в самой гуще событий, но ничто нас и не обходило. В 1971 году мой заместитель доло-

жил, что вся наша нержавеющая сталь, без которой мы не могли работать, исчезла. Оказалось, что плиты, листы, трубки, прутки хорошей нержавеющей стали, столь нужной нам для изготовления экспериментальных приборов и устройств, пропали: ее забрали с нашего склада для сдачи в лом — институт должен был выполнить план по сдаче металлолома. Нам едва-едва удалось вернуть стальные материалы на место. Признаться, я как-то упустил из виду, что в планах сдачи лома никаких разумных изменений за последние двадцать лет не произошло.

В 1966 году на НИИ и на нашу лабораторию, как снег на голову (так и «не растаявший» в 1971 году), свалилась эпопея «гражданской обороны». В НИИ появился заместитель директора по гражданской обороне с соответствующим штатом и с практически неограниченными полномочиями. Они в обязательном порядке под угрозой административных и политических взысканий заставили меня и моего заместителя, как и весь институт, заниматься проектами эвакуации лаборатории, проектами строительства траншей-убежищ. Непрерывно требовалось устраивать учения по применению противогазов (работа в них), применению марлевых повязок и всякой чепухи в качестве защиты при ядерном нападении. Непрерывно весь состав лаборатории должен был посещать лекции и занятия по гражданской обороне с обязательной сдачей экзаменов. После прохождения одного раунда почти без перерыва начинался другой. Требовались снова и снова все новые проекты эвакуации, новых убежищ, проекты наглядных пособий, которые мы должны бы-

ли сами же и делать. Мы сами должны были шить всякие марлевые намордники. Было совершенно очевидно, что штаб гражданской обороны НИИ стремится держать всех в непрерывном и неослабевающем напряжении, не считаясь ни с какими затратами (или плановыми работами — план оставался, как будто бы «гражданской обороны» и не было).

Бессмысленность этих действий и явную вредность их для основного дела все прекрасно понимали, но были вынуждены покоряться. Всё это продолжалось до начала 1971 года и, уверен, продолжается и теперь.

Всё это вместе взятое не оставляло никаких сомнений в самых невеселых перспективах для хозяйства и страны. Критикуя эти нелепости и протестуя против них, я невольно часто заходил очень далеко. При Сталине я уже давно был бы расстрелян. Однако сейчас многие, вроде «безответственных» токарей, слесарей, высказывались еще резче. Население в целом разочаровалось в системе. Это меня, конечно, некоторое время и спасало. Несмотря на мою строптивость, в конце 1970 года меня наградили званием «заслуженного деятеля науки и техники», а в апреле 1971 года — званием «Героя социалистического труда».

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ СОБЫТИЯ

Размышляя о причинах чрезвычайной экономической неэффективности нашей страны, я, естественно, интересовался ходом событий в других странах так называемого «социалистического лагеря», особенно в Чехословакии. Эта страна, в моем представлении, до вовлечения ее в нашу сферу была весьма технически развитой, с эффективной экономикой. Мне хотелось знать, сможет ли Чехословакия и дальше развивать эффективность своего хозяйства. Поэтому я довольно много читал переводов чехословацких книг о планировании, его проблемах, о технико-экономической ситуации.

Чехословацкие металлообрабатывающие станки и другие машины, попадавшие в нашу страну сразу после второй мировой войны, производили очень хорошее впечатление и пользовались большим успехом. Поэтому я обрадовался, получив для механической мастерской сектора во время монтажа оборудования в нашем институте чехословацкие станки, а в «мраморный зал» — чехословацкие форвакуумные насосы. Однако мне пришлось разочароваться: станки были с довольно многочисленными дефектами, как и насосы. В последних были даже обнаружены не завинченные гайки. Постепенно выяснилось, что это отнюдь не случайность, а действительно чехословацкие техника и эффективность ее явно деградировали. Один чех в частном разговоре сказал с некоторой издевкой: «Как ваша страна может

требовать от нас высокого качества, когда вы сами выпускаете столько брака?»

Таким образом, я получил прямое доказательство того, что причина экономической неэффективности кроется не в каких-либо свойствах нашего населения, а в коренных характеристиках системы. Ликвидация капиталистов, всеобщая национализация и централизованное планирование привели к деградации даже такую ранее хорошо организованную страну, как Чехословакия. Несколько позднее, но такие же явления я наблюдал и в Восточной Германии.

События, называемые весной 1968 года в Чехословакии, были для меня ясны. В нашей стране гражданская война привела к такой разрухе, что любое движение вперед было заметным и вначале весьма обнадеживающим. Постепенно мы привыкли к постоянным экономическим трудностям, полстолетия неизменно сопутствовавшим нашей жизни. Для чехословаков быстрая деградация их хозяйства, конечно, была ударом для их самосознания и вызвала у них целый поток вопросов и желание разобраться в причинах. Общими усилиями они, естественно, обнаружили то, что и должны были обнаружить: эта деградация была следствием новой системы. Поскольку капитализм в их глазах, несмотря на его явные для страны преимущества, был тоже опорочен, они придумали «социализм с человеческим лицом». И я уже был достаточно искушен, чтобы понимать, что социализм, то есть полностью национализированное плановое хозяйство, не может иметь другого лица, кроме собственного, мне хорошо известного. Тем не менее, чехословацкие попытки усовершенствования системы меня чрезвычайно интересовали

и, конечно, импонировали на фоне полного застоя мысли в нашей стране. Когда я прочитал в журнале «Чехословацкие профсоюзы» программы этого движения, я убедился в их полной основательности. Я нашел, что они хорошо сформулированы и вполне приложимы к нам. Эти программы вполне отчетливо демонстрировали реакцию непредубежденных, еще не оглупленных людей на нелепости социализма. Критика в них вполне соответствовала моей. Но самым слабым местом в этих же программах были альтернативы. То, что было плохо, формулировалось отчетливо и ясно, а как жить дальше, как перестроить государство — было неясно. Конечно, это было естественно, и я несколько не сомневался, что и эти неясные вопросы могут быть экспериментально решены, при столь большом желании к этому.

Меня очень интересовало, как будет реагировать на чехословацкие события наша система. То, что чехословацкие программы проникли к нам в официальном печатном виде, внушало некоторую надежду. Это показывало, что программы встретили явное одобрение даже среди цензоров. Система была захвачена врасплох. Она еще не успела подготовиться к таким событиям в социалистической стране. Местные же цензоры, не имея указаний, отреагировали по-своему, по-человечески. Ведь если бы они сами были настроены против программ, они, по крайней мере, задержали бы материалы и потребовали указаний сверху. В данном случае они использовали отсутствие указаний и продемонстрировали свою чехословацкую позицию. Это было уже отрадно. Однако буквально в пределах двух месяцев система отреагирова-

ла, и какие-либо вразумительные сведения о событиях исчезли. Любопытно, что когда я дал почитать эти вполне легальные, но случайно полученные мной номера журнала моему знакомому, обратив его внимание на то, что эти программы были бы очень хороши для нас, он их мне больше не вернул. Он сказал, что потерял их (абсолютно исключено) и очень извинялся. Просто, понимая, что эти программы опасны для нашей системы, а хранение их опасно для меня, он по-видимому, их уничтожил. Больше того, он предупредил меня, чтобы я не разглашал их содержание.

Однако я не терял надежд и наблюдал за ходом событий. Способна ли наша система терпеть деловую и справедливую критику хотя бы за пределами нашей страны? Интервенция оправдала самые мои худшие подозрения. Справедливая критика и деятельность были безжалостно подавлены силой. Стало очевидно, что система заботится не о развитии хозяйства, как таковом, не о благополучии людей, а только о собственном сохранении, несмотря на все ее органические дефекты и чрезвычайную экономическую неэффективность.

Для меня стало совершенно ясно, что социализм, как общественная система, противоречит не только мыслям о благе, положенным в ее основу, но и всем естественным проявлениям человеческой деятельности. Это противоречие настолько велико, что любое проявление обычной человеческой, не регламентированной деятельности создает великую опасность для самого существования социализма и должно быть подавляемо во имя этого социализма. И дело тут не просто в тиранах и прохвостах, как Сталин, Хрущев, Брежнев и т. д.

и т. п., а в системе. Национализируйте всё хозяйство. Вы затем должны ввести централизованное управление в виде тотального планирования, а потом появятся, автоматически, и тираны и прохвосты, если их еще не было раньше.

ПУТИ РАЗОШЛИСЬ

Таким образом, мое личное существование, моя жизнь, мое дальнейшее развитие, как человека, оказалось далее невозможным. Поняв систему, разобравшись в ней, я уже не мог вернуться к давно прошедшей жизни, в которой я был занят повседневными делами, хотя бы и очень важными. Ведь все «повседневные дела» неизбежно упирались в систему, если как инженер (т. е. человек, добывающий истины) я хотел их эффективно решать. У меня (как и у многих и многих других) было лишь два выбора. Первый — добиваться перестройки системы, бороться с ней и неизбежно попасть в тюрьму, лагерь или тюрьму-больницу. Представьте себе положение моих родных и знакомых, среди которых неожиданно очутился государственный преступник! Дело в том, что меня всегда считали абсолютно лояльным к власти и даже защитником социализма, так как я никогда в семье эти вопросы не обсуждал, считая, что дети должны сами искать свой путь.

Другой выбор: отказаться думать, отказаться от деятельности и опуститься до уровня растительной жизни. На последнее я был совершенно не способен. Первое отталкивало безнадежностью, уверенностью, что моя борьба очень скоро закончится лагерем.

Поэтому вполне логично было искать третьего выхода, обычного во все времена для всех народов за исключением социалистических, то есть — эмиграции. Поскольку о законной эмиграции (и тем более с семьей) нечего было и думать, то при-

шлось думать о «незаконной». Я был убежден, что моим родным и знакомым лучше иметь в своей среде «незаконного» эмигранта, чем законного преступника, сидящего в тюрьме.

После долгих и мучительных размышлений я твердо решил эмигрировать и стал готовиться к этому. Прежде всего нужно было не давать никому никакого, самого малейшего повода это заподозрить; не доверять этой мысли ни жене, ни детям, ни родным, ни знакомым, да и себя не очень на этот лад настраивать, чтобы даже во сне не проговориться. Я знал, как из-за самых незначительных, даже совершенно не обоснованных подозрений, можно лишиться всех возможностей к побегу. Поэтому я всё, чуть ли не от самого себя, держал в полной тайне. Лишь исподволь, при достаточно удобных случаях, я начал намекать на то, что отсутствие командировок в капиталистические страны означает для меня отставание от современного уровня науки и техники и ощущается мной как явная несправедливость. Это не было подозрительным, так как в СССР можно пересчитать по пальцам людей, которые не хотели бы съездить в капиталистические страны. Эти поездки всеми рассматриваются как своего рода премия за хорошую работу и как известный символ доверия. Очень исподволь (на протяжении нескольких лет) я так и ставил вопрос: работаю я хорошо, так почему мне так долго (около 12 лет) не дают командировки? Не значит ли это, что мне не доверяют? Так мне удалось добиться, что меня включили в состав делегации, направляемой на заседание Международной электротехнической комиссии (МЭК) в Вашингтоне в

мае 1970 года. Я заполнил анкеты, получил справки о здоровье, о том, что я не сумасшедший, и рискнул попросить рекомендацию у заместителя директора по кадрам А. А. Щербакова, который относился ко мне, по всем признакам, дружелюбно. А как бы он мог ко мне относиться? Я был уважаем и в дирекции и в министерстве. У меня была целая куча титулов:

кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени;

лауреат Ленинской премии;

доктор наук;

член президиума междуведомственного координационного совета;

член президиума научно-технического совета НИИ;

член ученых советов нашего НИИ, МЭИ, Института электронного машиностроения и нескольких других;

член экспертной комиссии высшей аттестационной комиссии;

председатель конструкторской секции НТС НИИ;

начальник привилегированной лаборатории;

главный конструктор и научный руководитель длинного ряда важнейших правительственных работ.

Я намеренно привел этот перечень, чтобы показать, что А. А. Щербаков мог вполне считать за честь дать мне характеристику-рекомендацию. Конечно, моя просьба тоже была исподволь подготовлена и не свалилась ему как снег на голову. Поскольку он был офицером КГБ в высоком чине, ему было понятно мое желание получить эту рекомендацию именно от него. А отказать мне

он не сумел. Конечно, я разрекламировал бы его отказ как явное свидетельство недоверия ко мне. Кроме того, выбирая поручителей (как беспартийному, мне нужно было иметь двух партийных поручителей), я не хотел подводить своих знакомых.

После оформления и подачи всех материалов по командировке прошло около двух месяцев. Раза два меня вызывали в связи с этим в министерство. Один из этих вызовов был к некоей Юргановой, которая, как работник отдела кадров (очевидно, офицер КГБ), оформляла прошения на визы. Наконец, на третий месяц, не получая никаких вестей о ходе дел, я позвонил этой Юргановой. Она грубо и резко мне сообщила, что личности с такими свойствами, как у меня, нечего и соваться, и повесила трубку. Что она имела в виду, я так и не понял. Затем последовал телефонный звонок от имени какого-то Алексея Петровича, его секретарь спрашивал, живу я с женой вместе или раздельно. В вопросе звучало такое явное недовольство мной, что я понял, что наша раздельная жизнь не одобряется и это обстоятельство связано с решением о моей заграничной командировке. Ведь чтобы поехать в командировку, нужно оставить заложников, а поскольку мои жена и дети живут отдельно от меня, они заложники далеко не первого сорта.

Вся делегация уже выехала, а я продолжал оставаться на месте. А незадолго до этого мне позвонил какой-то Михаил Михайлович. Он оказался бывшим работником первого отдела нашего НИИ и сейчас работал уже в аналогичном первом управлении министерства. Он имел непосредственное отношение к решению вопроса моей командировки. Михаил Михайлович спросил, узнаю ли

я его: ведь он бывал у меня, несколько раз консультировался со мной по техническим вопросам и рассматривает меня как хорошего знакомого. И на правах этого хорошего знакомого он мне прямо заявил, что они не пустили меня в США, так как боятся, что меня «там похитят» (это были его слова), и просил не расстраиваться. Конечно, я сказал, что расстраиваюсь, и спросил, а можно ли рассчитывать на командировку в другую капиталистическую страну. Мне было сказано: можно, осенью будет конгресс по электронным приборам в Амстердаме, куда мне, вероятно, разрешать поехать. Он даже обещал как-то помочь в этом.

Теперь у меня были все основания, чтобы развить наступление через дирекцию и начальника первого главного управления И. Т. Якименко (главные управления — управления технические и в них есть первые отделы, а первое управление — это эквивалент первого отдела всего министерства в целом). После ряда препирательств меня ввели в делегацию из семи человек, отправляющуюся в Амстердам. Мне заново дали оформить опять все справки и анкеты. Однако прошел сентябрь, а я был на месте. Здесь я уже имел все основания для скандала и не замедлил его устроить в дирекции и в нашем первом главном управлении (которому подчинен наш НИИ). И. Т. Якименко заверил меня, что поездка всей делегации, за исключением одного человека, была отменена и поэтому у меня нет оснований для претензий. Но ничего мне не обещал. Было ясно, что меня сознательно не пускают, а об отмене делегации он просто лжет. Однако делать было нечего, и я решил выждать, а затем обратиться

за объяснением к министру А. И. Шокину. В октябре меня наградили званием заслуженного деятеля науки и техники и я решил, что следует послать письмо-благодарность министру с тем, чтобы мое следующее обращение было бы более естественным.

Так начался 1971 год. В начале этого года на столе у нашего директора во время совещания я обнаружил отчет о поездке в Амстердам за всеми шестью подписями. Таким образом, было получено вещественное доказательство вполне сознательного недоверия ко мне. Я немедленно написал письмо министру, в котором описал мои злоключения и просто просил его подтвердить, что мои противники действуют правильно, желая меня за что-то (за что?) наказать или относясь ко мне с недоверием.

Не дождавшись ответа, я через два месяца написал второе письмо министру, ссылаясь на то, что первое, видимо, до него не дошло.

Примерно через месяц после этого второго письма меня срочно вызвали в иностранный отдел министерства и сообщили, что я включен в состав очень большой делегации, отправляющейся на авиационную выставку в Париж.

На этот раз не понадобилось никаких новых оформлений и через неделю мы вылетели. К этому я уже был достаточно подготовлен и тщательно обдумал свое дальнейшее поведение.

Оказалось, что министр Александр Иванович Шокин был занят на съезде КПСС и поэтому первое письмо дошло до него уже вместе со вторым. Очень многие знающие Шокина называют его «царедворцем», имея в виду сделанную им карьеру от неизвестного инженера до министра, уме-

ние отлично использовать попутные ветры и течения в мутных водах и атмосфере правительственного аппарата и, самое главное, конечно, его отличное знание человеческих слабостей «вождей», вроде Брежнева и Косыгина. Человек он, безусловно, умный, без каких-либо догм или принципов, любящий власть над людьми и возможность показать свое превосходство. Подчиненные очень боялись его: он был безжалостен и обладал исключительным умением, как у нас говорят, «разложить» или «раздеть» человека. Обычно он это делал (когда это, по его мнению, было нужно) на заседаниях коллегии, то есть собраниях всего аппарата министерства. Многочисленные присутствовавшие рассматривали это как спектакль и часто бывали вынуждены этот спектакль поддерживать, одновременно подумывая, как бы самим не стать его героями. Начинался «спектакль» обычно с доклада «героя», по ходу которого министр вставлял (будучи председателем) едкие замечания, чем сбивал и смущал докладчика. Все эти замечания делались спокойным голосом, без намеков на раздражение, и тем подчеркивалось замешательство и растерянность докладчика. Затем дальнейшее обсуждение превращалось в спокойное, с шуточками, издевательство над человеком с использованием всех известных слабостей «обвиняемого», не только административно-технического, но и человеческого свойства. Человек буквально доводился до слез. Затем следовало обычно два варианта. По первому варианту — человек получал выговор, перемещался, снимался с должности. По второму варианту — министр (уже в частном разговоре) внезапно менял гнев на милость и подбодрял «героя». «Герой»,

конечно, понимал, что был близок к гибели, и проникался благодарностью за то, что его «огромная вина» была ему снисходительно прощена лично министром, вопреки его обязанностям как министра и его обязанностям перед коллегией. «Герою» становилось ясно, если это не было ясно раньше, что коллегия — верховный орган министерства, «коллективный ум» — это «дерьмо», а главная сила и ум, — конечно, министр. Лично я догадывался, что несмотря на явные иезуитство и безжалостность министра, он, однако, сам с человеческой стороны весьма уязвим и, как умный человек, хорошо понимает свою беспомощность и бессилие в организации всего министерского хозяйства на разумных человеческих основах. Я уверен, что он и сам не хуже меня разбирался в истинном положении вещей, но система — социализм — держала и его в плену, а альтернатив не было, и от него они и не зависели. Таким образом, среди нас, мелких пташек, министр был весьма крупной фигурой, но тоже пешкой, только большой.

Трудно сказать, какие мотивы руководили Шокиным, когда он распорядился командировать меня в Париж. Случай был очень трудный для однозначного решения и, объективно, я даже чувствую к этому «острому» человеку некоторую благодарность за его человеческое решение. Хотя мой побег из страны социализма совершенно оправдан и другого выхода не было, однако я чувствую определенную долю своей вины, да чувствовал ее и раньше, еще лишь подготавливаясь к побегу. Вины перед многими и близкими, и просто знакомыми людьми, которым мои действия причинили неприятности. Я не имею в виду, конечно, ни Ми-

хаила Михайловича, ни А. А. Щербакова, ни всех этих тайных и явных представителей социализма и системы политического сыска.

Как я говорил, я начал готовиться к эмиграции уже давно и, пожалуй, главным толчком, приведшим к осознанию этого решения, была интервенция в Чехословакию. Она показала мне, что и правители нашей страны находятся в западне и что дело, конечно, не в их догматизме или глупости и подлости. Развитие событий в Чехословакии, безусловно, привело бы в конечном счете к крушению социализма (включая и «человеческое лицо»). Для наших правителей это было бы эквивалентно самоубийству: их власть немедленно бы рассыпалась. Искусственность системы социализма и ее несовместимость с естественной, разумной человеческой деятельностью чувствовались очень многими (и правителями в том числе). Держаться у власти, удерживая для этого систему социализма, можно было только ценой огромных усилий и неустанной бдительности в смысле немедленной ликвидации малейших нарушений этой системы или даже тенденции к ее нарушению. То, что можно допустить без всякого вреда для общественного строя, возникшего на основе естественной человеческой деятельности, включая сюда и все свойственные ей пороки, может разрушить социализм, буквально, как картонный домик.

Чехословацкие события со всей ясностью показали, что надежд на разумное усовершенствование социализма нет никаких. Система не может быть усовершенствована хотя бы потому, что она уже совершенна, и приспособлять ее к человеческим нуждам и разуму означает ее разрушать, чему она, конечно, и сопротивляется.

Хозяйство за рубежом вступало в период депрессии. Безработица, нищета, волнения, волны преступности захлестывали внешний мир, тогда как в стране социализма господствовали тишь и благодать. Конечно, наряду с охватившими зарубежные страны бедствиями, там осуществлялась техническая революция и прогресс приводил к повсеместному росту потребления и уровня жизни. Ясно представить себе положение за рубежом, находясь в СССР, было очень трудно, если и не невозможно. Конечно, картина была не так плоха, как рисовалась в нашей прессе, однако не могла быть и розовой. Я был уверен, что меня там ожидает не спокойная и легкая жизнь, а бесплодные поиски работы, жилища, может быть даже голод, особенно в первое время. Я понимал, что воспользоваться своим имуществом, состоявшим, в основном, из книг, граммофонных пластинок и т. п., ну и, конечно, известной суммы денег, я не смогу. Рубли за рубежом ничего не стоили. У меня не было и никаких драгоценностей. Да и вообще, что я мог взять с собой без риска «провалиться?» Маленький транзисторный приемник — хорошо. Пару плиток шоколада для отсрочки голода на один-два дня — хорошо. Вот ведь и всё. Взяв с собой золотые звезду «Героя социалистического труда» и медаль лауреата Ленинской премии, я уже чрезвычайно рисковал попасть вместо Парижа в тюрьму, если их обнаружат.

Перспективы за рубежом, особенно для меня, казались трудными: ведь мне было уже 60 лет, и я знал, что в таком возрасте найти работу почти невозможно (в СССР тоже). Однако еще никогда не покидавшая меня вера в свои силы нашептывала мне: не может быть, чтобы именно

ты, один из многих миллионов жителей за рубежом, будешь обречен на гибель или на самую что ни на есть низшую ступень существования. Ведь, в конце концов, я могу и посуду мыть в ресторане (был же я кухонным мужиком в Ленинграде), могу и кирпичные стены класть (работал же в Ленинграде), могу работать и электро- или радио-монтером (тоже ведь приходилось это делать на заре моей жизни). В общем, я внутренне чувствовал, что любая трудная жизнь окупается возможностью высказывать свободно свои суждения, возможностью свободного передвижения по всему миру, возможностью свободных контактов с людьми без оглядки на КГБ и социализм, возможностью борьбы против социализма. Ведь какова бы ни была трудная жизнь за рубежом, но в этом есть определенная свобода выбора. После долгих лет существования в жесточайшем корсете социализма и политического сыска даже перспектива стать бродягой, но человеком свободным была в какой-то степени привлекательной (в СССР даже и бродягой быть невозможно — посадят). В этом, не скрою, была какая-то даже романтика для меня, как это ни смешно в мои 60 лет. Так я подготовил себя к самому худшему, что могло бы случиться со мной за рубежом. Естественно, что всё это время я старался добывать книги, журналы, по которым пробовал разобраться в обстановке за рубежом. Вспоминал я и все, что видел сам много лет назад. Но, жизнь разнообразна, нет ни одной страны, включая и СССР, где не было бы, наряду с богатством и довольством, нищеты и голода. В какую клеточку общества забросит тебя судьба? Вероятность ведь может об-

лагодетельствовать, а может ввергнуть в бездну страданий. Каков мой шанс?

Я полагаю, всем понятно, что моя «материальная подготовка» к эмиграции была очень просто и определенно на нуле. Готовить было нечего. Главное — была подготовка психологическая. Несмотря на всю эту многолетнюю психологическую подготовку, я все же не был абсолютно уверен, что у меня хватит характера совершить последний шаг, который начисто оторвет меня от всего, чем я жил 60 лет. Поэтому пришлось оставить сожжение мостов на самый последний момент. Я вытащил за несколько дней до отъезда пару моих старых чемоданов (конечно, не на виду: в любое время могли бы прийти знакомые и заподозрить неладное) и набил их своими документами, наградами и множеством (все не уместилось) приветственных адресов и поздравлений с моим пятидесяти- и шестидесятилетием, где моя деятельность очень лестно оценивалась как частными лицами, так и, в большинстве, министерством и его отделами, рядом научно-исследовательских институтов и КБ, Министерством обороны.

Я не хотел отмечать свое шестидесятилетие, но это произошло помимо моей воли. Целый день в июне 1970 года я в огромном директорском кабинете принимал делегации с поздравлениями и подарками, часто очень ценными. Смотрел на знакомые мне лица и внутренне страдал, предвидя близкую разлуку (если не в эмиграции, то в тюрьме). Сколько людей с разных концов страны, с которыми в то или иное время я делил жизнь и труд, радости и разочарования! Сколько живых свидетельств тому, что я не зря жил! И как все это могло вдруг измениться, окажись я в тюрьме!!

Я собрал всё это для передачи сыну и семье. Чтобы они не потеряли уверенности, что я не преступник, а такой же честный человек, каким я всегда был, и, главное, чтобы они могли противопоставить это возможной кампании клеветы, которую в таких случаях КГБ всегда устраивает.

Туда же я положил мои сбережения (5000 рублей) для жены и частично для сына и дочери. Туда же положил доверенность жене на распоряжение моим личным имуществом (конечно, не заверенную никем). Едва ли, правда, эта доверенность имеет значение: всё равно мое имущество будет конфисковано. Там же была записочка сыну, чтобы меня не осуждали за мои действия, и ключ от квартиры. Эти чемоданы я решил передать за ночь до отъезда сыну на хранение, под благовидным предлогом. Сыну — потому, что жена немедленно заподозрила бы неладное и всё могло бы провалиться. Однако, хотя всю неделю перед отъездом я пытался повидать сына, я его так и не увидел. Он, как теоретик, мог работать и дома, и на работе его не было. Я поехал к нему домой, но и там его не застал. Очевидно, он уехал за город, может быть на дачу (родителей жены), где она, я не знал. Вечером накануне дня отъезда я решил передать чемоданы сыну через моего очень давнего сослуживца и товарища. Но и тут была неудача. По телефону ответила его жена, сказав, что мужа нет и она не знает, где он. Пришлось мне просить ее, она согласилась. Я тут же быстро перевез ей чемоданы (за 12 часов до отлета) и, сообщив служебный телефон и адрес сына, просил как можно скорее всё передать. Сыну я послал письмо, чтобы он забрал чемоданы у моих знакомых.

К сожалению, я и до сих пор не знаю, чем это кончилось.

Дальнейшая программа была такова. Если я решусь на бегство, то пошлю открытку сыну и попрошу его найти в чемодане ключ от моей квартиры и поехать выключить холодильник, который я будто бы оставил включенным. Так как ключ был в том же пакете, что и деньги, письмо и доверенность, то ему станет ясно, что произошло.

Если же я не решусь на последний шаг, то смогу вернуться и взять чемоданы обратно. Конечно, я знал, что впоследствии все обнаружится, но к этому времени я всё равно буду в тюрьме.

С сердечным трепетом я прошел проверку документов в аэропорту Шереметьево, сел вместе со всеми в самолет и очутился в Париже.

Вся делегация (очень большая) была разбита на подгруппы. Я был назначен старшим в подгруппе, членами которой были начальник нашего первого главного управления министерства Иван Тихонович Якименко, генерал по чину, и еще один человек, мне не знакомый. Хотя я был, так сказать, старшим, но распоряжаться ничем, конечно, не мог. В гостинице «Carlton» на бульваре около площади Пигаль мне был дан номер вместе с Якименко. Не было никаких сомнений, что у Якименко было распоряжение КГБ не спускать с меня глаз, что он вполне исправно и делал более чем неделю. Несколько «размагнитившись» за это время, не видя с моей стороны никаких намеков на желание самостоятельности, он сделал ошибку и оставил в один из последних дней нашей командировки меня одного среди выставочных зданий Авиационной выставки в Ле Бурже. Смотря на затылок удалявшегося от меня Ивана

Тихоновича, я почувствовал, что наступил решительный момент. Если я его не использую, то должен буду вернуться. Только это сознание сделало мои ноги совершенно «ватными» и вызвало нервную дрожь, которую я безуспешно пытался унять, чтобы не привлекать внимания окружающих. К счастью, буквально автоматически, я стал передвигаться в заранее обдуманном направлении к выходу, к стоянке такси.

По своему плану, я попросил такси довезти меня до почтового отделения у площади Республики. Затем я зашел в почтовое отделение, всё еще дрожащими руками написал запланированные открытки, отправил их и, уже несколько успокоившись, взял такси до посольства, в котором хотел просить убежища. Моя программа далее содержала перечень посольств, которые я должен был бы просить, если бы получил отказ в первом. В крайнем случае я решил, если бы мне везде отказали, перейти на нелегальное положение и попытаться связаться с соотечественниками.

Так, в результате целой цепочки событий я и оказался в Англии, которая очень мне понравилась, в которой я почувствовал себя свободным человеком и обрел свое собственное человеческое достоинство, а не полочку в классификаторах КГБ.

Часть II

Что такое социализм?

ПРЕКРАСНЫЕ ИДЕИ СОЦИАЛИЗМА

Идеи свободы, равенства, братства, справедливости всегда были и остаются близки неискушенному человеческому сердцу. Революция в России провозгласила именно эти идеи. Конечно, не они сами по себе привели к победе революции. Для этого их было мало. Нужно было перевести эти идеи на язык более конкретный: земля — крестьянам, фабрики и заводы — рабочим, мир — солдатам и т. д. Так или иначе, прекрасных намерений было много. Были ли все эти намерения простым обманом неискушенных людей искушенными политиками? Я уверен, что нет. Нельзя, конечно, отрицать, что среди политиков было немало безыдейных, беспринципных прохвостов, просто рвущихся к власти. Однако трудно отрицать и то, что главная их сила была именно в идейной убежденности и даже в фанатизме.

В чем же дело? Почему вся эта, казалось бы, прекрасная и убедительная идеология привела к государству, которое иначе как тюрьмой людей и народов назвать нельзя? Привела к государству — очень эффективному только в подавлении и угнетении людей и крайне неэффективному в обеспечении им человеческого существования? Почему восторжествовали именно прохвосты, а не идейно убежденные и человеческие руководители? Можно ли считать, что дело обернулось так из-за некомпетентности, неумелости, бесталанности вождей? Или, может быть, из-за глупости и необразованности народа?

Эти вопросы буквально мучили меня в течение последних лет, и я хочу провести читателя по всей цепочке моих мыслей к тому концу, к которому она меня привела. Начну с того главного, что отличает социализм (то есть марксизм, ленинизм, коммунизм) от других «измов»: все средства производства, земля, воды и недра принадлежат обществу, то есть государству (которое, в силу этого, становится социалистическим), а не акционерным обществам или отдельным капиталистам. Это положение — краеугольный камень позиции социалистов и коммунистов. Именно к этому они призывают своих последователей и все народы и, надо сказать, именно это и привлекает простых людей к идеям социализма. Ведь если реализовать это главное положение, то исчезнет несправедливость, связанная с корыстолюбием капиталистов, и та анархия, которая приводит к банкротствам предприятий, к связанным с этим увольнениям и безработице, к неуверенности в завтрашнем дне. Ведь государство обязано быть справедливым (оно над людьми!), и поскольку у него всё в руках, то оно сможет связать все концы с концами и превратить анархию в гладкий и стройный порядок, при котором нет безработицы, нет банкротства, а есть полная уверенность в завтрашнем дне.

ВОЗЬМИТЕСЬ УПРАВЛЯТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Представьте себе, что именно перед вами и вашими самыми близкими друзьями-единомышленниками поставлена задача управления огромным государственным хозяйством, когда все главные средства производства находятся в руках государства. При этом вам поставлено только два условия:

1. Не отказываться от государственной собственности на средства производства, поскольку это было бы эквивалентно отказу от социализма.

2. Не допускать безработицы и банкротства предприятий и уметь добиваться положительного развития государственного хозяйства (чего вы и сами хотите).

Допустим, что вы и ваши друзья взяли на себя такую задачу. Попытаемся теперь в этом мысленном эксперименте проследить вероятный ход событий.

Первое, с чем вы столкнетесь, — это недостаток данных, с помощью которых вы могли бы прийти к самому правильному решению или даже вообще к определенному однозначному решению. Но страна не может ждать, пока вы соберете все данные и придете к этому решению. Ведь положение-то значительно сложнее, чем в капиталистическом государстве. Там правительство может сколько угодно тянуть с решением: предприятия будут продолжать функционировать, люди будут заниматься своими делами, торговля,

транспорт и всё остальное тоже будет работать, как ни в чем не бывало.

В нашем же случае предприятия, транспорт, торговля — несамостоятельны: все ждут вашего решения и вы от него не можете отказываться. Иначе наступит невероятный хаос: «кто в лес, кто по дрова». Вас, наверное, не удивит, что результат вашего решения будет, прямо скажем, отвратительный.

Естественно, вы будете стремиться улучшить свои будущие решения. Прежде всего вы постараетесь собрать самые разнообразные данные (в том числе и те, которые окажутся лишними) и, безусловно, учредите Центральное статистическое управление (ЦСУ), которое давало бы вам в концентрированной форме всё необходимое для выяснения ситуации и тенденций. Такая организация существует в СССР уже полвека.

Затем вы, конечно, призовете для совета самых знающих людей. Вы поставите перед ними стратегические задачи и потребуете от них обоснованных решений. Ведь задача сводится к определению того, что нужно делать в ближайшее время, чтобы получить желаемый результат в будущем. Иными словами: процесс управления в данном случае эквивалентен планированию, а то обоснованное решение, которое вы требуете от знающих людей, и есть план. Назвать же учреждение, в котором работают эти знающие люди, Государственной плановой комиссией (Госпланом) будет вполне естественным.

Действуя в наше время, вы, естественно, распорядились бы использовать для указанных целей имеющиеся электронно-вычислительные машины

и закупить или разработать наиболее совершенные новые.

Плохие результаты решения не исключают мысли о вероятности и просто плохого исполнения, так как вы, естественно, не можете выяснить сложную, разветвленную сеть обстоятельств, приведших от решения к результату. Если бы это можно было сделать, то, конечно, вы и сами поняли бы, что дело не в исполнении, а в самом решении.

Так или иначе, вам станет ясно, что без специального органа, контролирующего правильность исполнения и выясняющего причины плохих результатов, вам не обойтись. Этот орган тоже будет естественно называть Государственной контрольной комиссией (Госконтроль). Не забывайте, что у вас положение особое, и вы не можете, во избежание хаоса, пренебрегать никакими возможностями для улучшения своих решений.

Однако все эти меры, как легко себе представить, не приведут к желаемому результату. Тогда, проанализировав свои действия, вы придете к выводу, что виной тому — именно та часть хозяйства, которая еще не стала государственной собственностью и поэтому не охвачена планированием. Вам ведь и раньше было ясно, а сейчас стало еще яснее, что отдельные, даже относительно мелкие события в жизни страны взаимосвязаны и переплетены друг с другом. Таким образом, нельзя, планируя одно, не затрагивать другого и принципиально невозможно получить предсказуемый результат, если не охватить планом более или менее существенную часть хозяйства. Поэтому вы немедленно возьметесь за ликвидацию всего еще не охваченного планом хозяйства (мелкая торгов-

ля, ремесла, крестьянское хозяйство и т. д.) и сделаете его собственностью государства (ГДР в 1972 году так и поступила, окончательно ликвидировав до тех пор еще существовавший частный сектор).

Любопытно отметить, что пока все люди (сверху донизу), связанные с составлением или исполнением решений, захвачены вашим энтузиазмом и стремлением к достижению лучшего, самые ваши грубые и несовершенные решения иногда неожиданно приводят к неплохим результатам. И может быть, ваши решения о ЦСУ, Госплане, Госконтроле будут мотивированы даже и не неудачами, а желанием добиться еще большего. Понятно, что настроения людей в государстве, их идеология — фактор очень важный. Поэтому вам придется подумать, во-первых, о получении информации о мыслях и настроениях людей и, во-вторых, о распространении «хороших» настроений и идей и о подавлении «плохих». К этому вопросу мы еще вернемся.

Итак, поставленная перед вами задача неизбежно приводит вас к тотальному централизованному планированию. При этом нужно отметить следующее. Если вам будут известны все данные о государственном хозяйстве на сегодня и законы, определяющие движение этих данных, то, на первый взгляд, вы сможете с абсолютной точностью предсказать, то есть спланировать будущее. Всем хорошо известно броуновское движение, как пример истинно хаотического (не планового, не предсказуемого) движения. Но представьте себе, что вы на какой-то данный момент знаете все массы, все скорости и все направления скоростей всех

молекул в таком броуновском объеме. В этом случае вы сможете предсказать всё, что последует в будущем, и предсказать результат вашего воздействия на этот объем. Поэтому для среднего человека представление о хорошем, «настоящем» планировании сводится именно к такой картине полностью предсказуемых, полностью контролируемых и, следовательно, хороших результатов.

Капиталистическое планирование не может даже осмелиться пойти на такое управление, которое раз и навсегда исключило бы банкротства, безработицу и несчастья. Оно стремится только к их исключению в среднем статистическом смысле. Поэтому для среднего человека неудачи капиталистического планирования безусловно кажутся результатом злого умысла капиталистов в их погоне за прибылью. Для него непонятны и неудачи советского планирования. Он думает, что это — следствие того, что в аппарате работают плохие люди. Мне приходилось неоднократно убеждаться, что такое представление свойственно и очень многим вполне образованным людям.

Попробуем, однако, рассмотреть этот вопрос дальше. Представим себе всего лишь 1 см^3 газа и попытаемся осуществить то предсказание, которое мы считаем, на первый взгляд, возможным. В 1 см^3 газа содержится при обычных условиях $2,5 \cdot 10^{19}$ молекул, каждая из которых имеет определенную массу (одна цифра), скорость и ее направление (три цифры), а характеристика состояния этих молекул определяется, таким образом, набором из, примерно, 10^{20} цифр. Можно заранее оценить число столкновений в секунду — оно равно примерно 10^5 . Следовательно, для принятия

решения мы располагаем временем порядка 10^{-6} сек. Таким образом, для решения нашей, по существу очень простой, задачи мы должны уметь принимать за 1 секунду миллион решений, из которых каждое включает в себя набор из 10^{20} элементов. При этом мы невероятно упростили задачу тем, что не ввели в нее все те молекулы, которые находились за пределами 1 см^3 , но в следующий момент войдут в него. Нам станет ясно, что задачу нельзя решить (хотя она и очень просто формулируется) даже с привлечением всех существующих и всех возможных в ближайшие десятилетия электронных вычислительных машин.

То количество данных, которое нужно вводить в машины, чтобы абсолютно точно планировать будущее, не меньше, а много больше, чем в нашем примере, хотя бы потому, что оно включает в себя и этот 1 см^3 газа. Следовательно, ни один план не может дать абсолютного предсказания и всегда связан с огромным риском невыполнения. Поэтому представление рядовых людей о «хорошем плане» (о «хорошем управлении») наивно и необоснованно. А они в него верят, и их очень привлекает социалистическое государство, владеющее всеми средствами производства, — ведь оно будет планировать так, чтобы концы с концами всегда сходились, чтобы учитывать нужды каждого человека в отдельности и всего населения в целом!

Вернемся несколько назад. Мы определили, что при государственной собственности на средства производства в ваших действиях будут проявляться три явно выраженные тенденции:

1. Стремление ко все более и более полному

охвату планированием всех людей, всех событий, всех взаимоотношений, поскольку это увеличивает базу для правильного планового решения. Тенденция, ведущая к тотальному централизованному планированию.

2. Все большая неспособность справиться с огромным количеством данных (которых, тем не менее, не хватает) за то ограниченное время, которым вы располагаете.

3. В связи с этим — нарастающая тенденция к произвольным «волюнтаристическим» решениям.

Эти тенденции будут сопровождаться ростом вашей неудовлетворенности, а следовательно, и неуверенности в добрых намерениях ваших подчиненных и всех вообще. Поскольку несостоятельность государственного планирования скоро выявится, то население будет воспринимать это как результат вашей неспособности, а вы — как результат неспособности населения понять вас и правильно выполнять ваши решения. В конце концов, естественно, население потеряет энтузиазм и желание помогать вам, а следовательно, плановой машине будет еще труднее действовать.

Конечно, рано или поздно вы сможете понять, что причина неуспеха — в государственном централизованном управлении (планировании) всеми средствами производства, на которое вы согласились, не зная, что это невозможно. Какой же, однако, выход? Возвратиться к капиталистическому управлению (частная собственность или акционерные компании, рыночная анархия) вам не дадут, так как это — посягательство на основы социалистического государства. Другого же выхода вы не знаете.

Если вы человек порядочный, то вы, вероятно, подадите в отставку и станете убежденным противником тотального планирования и, следовательно, государственной собственности на все средства производства.

ПРАВЯТ СТАЛИНЫ, ХРУЩЕВЫ, БРЕЖНЕВЫ, КОСЫГИНЫ

Итак, вы отказались участвовать в «игре», основанной на неверной основной предпосылке. Однако вы, безусловно, могли почувствовать ту огромную власть, которую давала вам в руки именно эта основная и неправильная предпосылка. По существу эта предпосылка (власть над всеми средствами производства), лишив миллионы людей участия в конструктивном воздействии на ход событий (они могли бы воздействовать на него лишь «преступными» способами неподчинения и сопротивления), всю власть сосредоточила в ваших руках. Вы не смогли использовать власть на благо стране, потому что главное свойство этой колоссальной власти состоит в том, что она полностью отделена от нужд и интересов людей. Не могли же вы ежеминутно по каждому вопросу выяснять мнение этих миллионов людей. Это невозможно, да и еще неизвестно, возможно ли было бы в этом случае получить однозначное мнение.

Система же такова, что она не ждет. Возникают миллионы ситуаций. И все эти ситуации, если их не разрешать в соответствии с поставленной вам задачей, приведут к самостоятельным решениям безусловно того же характера, что и в капиталистическом «хаосе». Таким образом, вы почувствовали этот страшный парадокс. Огромная власть. Идеальные условия для управления миллионами людей. И в то же время — исчезновение естественной базы для решений и человеческих кри-

териев для управления, фактическая невозможность разумно, на благо людям, управлять. Страна стала игрушкой в ваших руках, а вы стали игрушкой еще чего-то более сильного.

Представим себе, однако, людей, которых заботит не благо страны и народа, а только свое личное благополучие, и они стремятся к власти именно ради власти. Понятно, что для этих людей такая система идеальна. Поэтому, если честные люди сознательно или бессознательно теряют желание брать на себя ответственность, которую невозможно использовать на благо людям, то прохвосты и проходимцы охотно участвуют в такой «игре» и стремятся ее поддерживать. Таким образом, эта основная предпосылка социалистического хозяйства приводит к социальному отбору властолюбивых подлецов в управители. И дальше: остальной аппарат управления, также в соответствии с основной предпосылкой, вербует из равнодушных и бесталанных исполнителей, умеющих говорить только «да», и из еще никому не известных сейчас, исподтишка рвущихся к власти новых кандидатов в управители. Не правда ли, какая прекрасная почва для сталиных, сусловых, брежневых, хрущевых, косыгиных, мао цзэ-дунов, кастро, гусаков и т. д., и т. п.?

ПОДАВЛЕНИЕ ЛЮБОЙ ПОЛЕЗНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Продолжим наш анализ с того момента, как вы уstraшились (хорошо еще, что вас не расстреляли), и ваше место было занято такими людьми, как Сталин, Брежнев, Суслов. Рассмотрим некоторые ситуации. Априори можно утверждать, что свобода проявления полезной индивидуальной инициативы весьма желательна для общества и ведет к его прогрессу. Однако при тотальном плановом хозяйстве это не так. Действительно, ведь если миллион людей проявит очень полезную инициативу, одну крупную или много мелких, это совершенно дезорганизует план, и в тем большей степени, чем он точнее и лучше. Инициативы эти могут возникнуть в любое не предуказанное время и пойти в любом не предуказанном направлении. А это означает не только потерю управления, но и угрозу для самой власти. Ведь власть и состоит в том, что люди действуют так, как хочет управитель, а не так, как они сами хотят. Поэтому любая — полезная или бесполезная — индивидуальная инициатива в данном случае противопоказана. Вот несколько примеров, которые показывают, что это хорошо известно вашим, читатель, приемникам.

Однажды осенью, в конце шестидесятых годов председатель одного из пригородных ленинградских колхозов пришел в отчаянье. На его землях, какой-никакой, а вырос урожай картошки, убрать который он был не в состоянии по двум причинам: бóльшая часть трудоспособного населения

правдами или неправдами удрала в город, а остальные предпочитали заниматься приусадебным хозяйством и всячески отлынивали от работы, зная, что барыши от нее будут близки к нулю.

Но план нужно выполнять, а то могут снять и наказать. Тогда председатель составил и расклеил объявления, что любой человек может получить мешок картошки себе за пять убранных для колхоза. Откликнулось очень много ленинградцев, и урожай был практически мгновенно убран. Председатель, естественно, с гордостью наблюдал плоды своей инициативы. План был выполнен, и он ожидал благодарности и даже награды, тем более, что горком Ленинграда все равно посылал людей на уборку картошки.

Однако председатель получил строгий выговор и был снят с работы. Такой конец кажется нелепым: ведь и колхоз, и ленинградцы были довольны, да и государство как будто выиграло. Тем не менее, это — вполне логичное проявление системы. Представьте себе, что так поступили бы все колхозы (а если не в тот же, то на следующий год так бы и случилось, останься председатель не наказанным). Конечно, весь урожай по стране был бы убран. Но планы торговли картошкой по стране не были бы выполнены. А это не просто планы, а и весьма значительная сумма денег, которая должна была поступить в казну государства и которая на что-то была предназначена.

Кроме того, эта непроданная, а полученная картошка была частью того обеспечения, которое покрывает зарплату, получаемую населением за труд на предприятиях. Исчезновение этого покрытия означает еще большее наличие не обеспеченных товарами денег и, следовательно, угрозу

инфляции, то есть очень серьезное нарушение планового хозяйства, тем более, что товарного покрытия и без того не хватает и инфляция уже достаточно сильна. (Некоторые цены выросли за 5-8 лет в 10 и более раз).

Но есть и еще важная причина. Дело в том, что эта «контрабандная» картошка, в какой-то мере обеспечивая население пищей, в то же время ослабляет власть правителей над людьми, а эта власть над людьми необходима при тотальном планировании. В тотальном плановом хозяйстве вся пища и, следовательно, сама жизнь людей находится во власти государства. Таким образом, это «отвратительное самодурство» над председателем вполне обоснованно и вполне логично.

Все жившие в СССР во время войны знают законы о годах тюрьмы за «хищение» продуктов с полей. Все знают, как и картошка, и капуста, и пшеница «шли под снег» и пропадали. И тем не менее, за кочан мерзлой капусты людей посылали на каторгу. Логика та же, особенно в те времена: кто держит пищу в руках, тот и господин и властитель.

Второй пример (а их тысячи) относится тоже к концу шестидесятых годов. На Алтае существовал колхоз, насчитывавший 1800 работников. Этот колхоз никогда не выполнял плана, хотя всегда пользовался помощью города в обработке полей. По каким-то причинам был назначен новый председатель колхоза. Этот председатель тоже проявил полезную инициативу. Он разделил землю и средства ее обработки между организованными им бригадами. Он сказал: «Можете работать как вам нравится, но плата будет натурой и деньгами не за операции, а за сданный урожай».

Результат был ошеломляющий. Помощи от города не просили и не получали. Работало только 800 человек из 1800. План впервые был выполнен и перевыполнен, и впервые люди за свою работу получили вполне ощутимую плату.

Вы догадались, конечно, что этот председатель тоже был снят с работы, его бригады распущены и всё возвращено в прежнее состояние. Какая же логика? Логика та же. 1000 человек, оставшиеся без работы, бомбардировали местные органы письмами. А что эти органы могли сделать? Ведь план не предусматривал и не мог предусмотреть организацию работы (и ее оплату) для 1000 человек. Да и как ее предусмотреть? В деревне, отдаленной от города, без промышленности, даже без примитивного оборудования, если бы оно понадобилось для, скажем, занятия оставшегося населения местным промыслом? Конечно, новый председатель не смог понять всех последствий своего шага.

Это та же беда, которая делает и так называемую экономическую реформу бессмысленной и бесплодной. Представьте себе, что на базе самостоятельности все предприятия стали бы быстро перевыполнять планы, освобождать ненужных им работников, платя повышенную зарплату остающимся. Это же недопустимо! Во-первых, появилось бы огромное количество безработных (как правило, всю ту работу, которая делается на большинстве предприятий, вполне могла бы делать половина нынешнего рабочего состава). Во-вторых, те товары, которые предназначались по плану для покрытия зарплаты всех трудящихся, попали бы в руки только 50%. Как же кормить и устраивать остальную половину? Ясно, что рефор-

ма, сама по себе, противоречит системе во всех отношениях — и в смысле сохранения власти, и в смысле тотального планирования.

Таким образом, логическое следствие основной предпосылки социализма — необходимость (реализуемая все годы с установления советской власти полным ходом) подавления любой (и хорошей, и плохой) индивидуальной инициативы. Конечно, эта необходимость не может быть открыто признана, а всегда прикрывается лозунгами и фразами. В частности, сама новая экономическая реформа случайно или не случайно придумана в качестве прикрытия, для отвода глаз от хозяйственного тупика.

ДОПУСТИМА ЛИ КОНКУРЕНЦИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ, ЦЕЛИКОМ ПЛАНИРУЕМОМ

Все хорошо знают, что конкуренция, как противоположность монополии, — важное условие развития общества и повышения уровня жизни населения. В СССР все тоже об этом говорят и даже думают, что она могла бы способствовать развитию хозяйства и повышению его эффективности. Несколько лет назад в ЦК КПСС был даже подан проект введения конкуренции среди промышленных и академических научно-технических институтов. Многие весьма крупные деятели считали этот проект необходимым для повышения эффективности исследований и разработок. Тем не менее, проект не реализован и не будет реализован, а конкуренции не было и не будет. Почему?

Поставим себя в положение Госплана и управителей. Конкуренция означает, что не одно, а минимум два предприятия имеют одну и ту же задачу. Если эти два предприятия — промышленные исследовательские институты, то это означает, что Госплан или заказчик (то есть в конечном итоге тот же Госплан) должен выделить примерно двойную сумму средств для данного исследования. После этого нужно ждать результатов, а затем принимать меры для закрытия темы в одном из институтов, что, само по себе, довольно дорогая и болезненная процедура.

Выигрыш, то есть ускорение или повышение качества разработки по сравнению с тем, что было бы без такой конкуренции, доказать или пока-

зять в каждом отдельном случае практически невозможно.

Проигрыш же налицо: а) необходимость иметь два института и средства для них; б) потеря почти половины средств впустую; в) крайние затруднения при закрытии темы в одном из институтов из-за недовольства его сотрудников и их несогласия с таким решением; г) потеря времени и денег на переориентацию и т. д.

Можно не сомневаться, что под давлением огромного количества ожидающих разрешения задач, требующих немедленного финансирования, а также хорошо известной ограниченности средств, руководитель Госплана, верящий в пользу конкуренции, был бы вынужден от нее отказаться.

Когда речь идет об очень важных и неясных вопросах в новой — только военной — технике, такая конкуренция всё же реализуется. Еще бы! От этого зависит власть.

Так было с разработкой мощной радиолокационной системы на сверхвысокочастотных электронных приборах. Одно направление развивало магнетроны, а другое — клистроны. Параллельные работы шли в течение десяти, если не более, лет. Восторжествовало магнетронное направление, давшее результаты лучше и раньше.

Такая конкуренция — исключение, и на огромные потери, связанные с ней, идут в редких случаях, для гарантии положительных результатов в области важнейшей военной техники. Правило же для Госплана и управителей — проверка отсутствия «параллелизма» и наказания за такой «параллелизм», приводящий к растранижированию государственных денег. Что касается гражданских предприятий, то принимаются все меры, чтобы не

было «лишних» и чтобы продукция была на всех предприятиях стандартная (и цена — обязательно стандартная). В этой области конкуренция означала бы невозможность реализовать плохую продукцию плохого предприятия и совершенно явные потери средств и времени, невыполнение планов и всякого рода неприятности для министерства и Госплана. Ведь поскольку все предприятия принадлежат государству, то неудача предприятия — это неудача управления и Госплана, и в любом случае — убыток. Что касается ущерба, наносимого интересам населения, то никакой идеалист в Госплане не осмелится пойти из-за этого на убыток для государства.

Таким образом, государственная власть на средства производства и связанное с ней всеобщее планирование неизбежно отвергают конкуренцию и ведут к монополии. Поэтому-то в самом удаленном уголке СССР вы встречаете одни и те же стандартные вещи, по одной и той же цене, в примитивном ассортименте, низкого качества.

У потребителя, конечно, нет выбора. Он всегда в проигрыше. Как игроку в рулетку, ему приходится придумывать всякие способы уменьшения проигрыша (о выигрыше мечтать не приходится). Так, многие пытаются узнать дату выпуска товара и не берут его (возьмет кто-нибудь другой), если он сделан в последний месяц квартала или года или в последние дни месяца. Эти даты характерны штурмовщиной на предприятиях, чтобы успеть выполнить план в срок — до 12 часов ночи последнего дня месяца, квартала или года. Работники предприятий хорошо знают, какое качество ждет потребителя, если товар выпущен во время «штурма».

Во время отпуска в одном из курортных мест я познакомился с мастером московского завода «Калибр». Этот мастер рассказал мне, почему метчики, сверла и другой инструмент так плохи и не выдерживают никаких норм по долговечности. Заводу каждый год планируется снижение затрат на производство инструмента. Поскольку это не обеспечивается введением более производительного оборудования или процессов, то приходится часть необходимых операций по изготовлению выбрасывать и тем снижать затраты, а заодно и качество. Когда же дело идет о выполнении плана, то начинается уже просто бедствие. Мой знакомый сказал, что, например, из 13 операций термической обработки оставляют 1-2, выпуская инструмент абсолютно той же формы и вида, но совершенно необработанный и практически непригодный для употребления. На заводе абсолютно все это знают и почти наверняка знают и в министерстве, но смотрят сквозь пальцы, так как невыполнение плана грозит работникам как завода, так и министерства весьма крупными неприятностями. Кстати, и сами управители считают меньшим злом выпуск брака и очковтирательство, чем невыполнение плана, особенно если сведения об этом проникнут в государственные сводки.

Таким образом, опытный потребитель знает, что пожаловаться будет некому, и старается избежать роковых дат.

Так что государственная монополия — это не умеренная капиталистическая монополия, все время оспариваемая и неустойчивая. Государственная монополия — это каменная стена, о которую можно только разбить лоб. Следовательно, упра-

вители великолепно знают, что конкуренция — важное средство для прогресса, для улучшения жизни населения, но оно годится для богатых капиталистов, а нам нужно выжимать средства на войну, на аппарат подавления, и транжирить деньги мы не можем. Кроме того, конкуренция означает неопределенность и, значит, противопоказана планированию. Поэтому лучше терпеть неэффективные предприятия, чем ослаблять государственную монополию и с ней власть.

Еще основатели советского государства чувствовали важность конкуренции и изыскивали заменители. Такой якобы заменитель издавна существует. Его имя — социалистическое соревнование между людьми, предприятиями и даже республиками. Другое дело, что оно не только не дает положительных результатов, но и дорого обходится. Однако оно нужно как маскировка и способ свалить вину за плохие результаты на само население: «плохо соревнуетесь».

ОТ КАЖДОГО ПО СПОСОБНОСТЯМ, КАЖДОМУ ПО ТРУДУ

От каждого по способностям, каждому по труду. Этот лозунг, мне кажется, выражает два человеческих стремления. Желание быть оцененным не по произволу какого-то другого, необъективного человека, а в соответствии с объективной справедливостью. И желание иметь гарантию получения за труд соответствующего вознаграждения. В нашем тотальном плановом хозяйстве это имеет еще и третий смысл. План не может допускать существенных неопределенностей. Всё должно быть взвешено и отмерено, а человек и его оценка — это что-то слишком неопределенное, а может быть, и просто эмоциональное. Поэтому человек, волею судьбы поставленный планировать, будет искать любых средств искоренения этой необъективности. Ведь одна из главнейших статей плана — это баланс между производством товаров и их потреблением, то есть между совокупностью труда и совокупностью зарплаты, выраженной в потребительских товарах. Если из-за чьей-то субъективности труд людей будет оценен, скажем, в полтора раза выше, чем это следует (то есть, чем предусмотрено планом), то это грозит инфляцией и рядом других серьезных последствий. Любой порядочный плановик постарается этого не допустить. А если допустит, то будет — всем понятно — наказан.

Однако как же искоренить эту необъективность? Система оценки труда — это система зар-

платы. Имеется огромное количество различных систем зарплаты: сдельная, аккордная, повременная, прогрессивная и т. д., и т. п. Смысл любой системы — в установлении правильного соответствия между трудом и вознаграждением за него. А правильное соответствие есть не что иное, как распределение части произведенного продукта (за исключением продукта, идущего на нужды обороны, подавление недовольных, общественные нужды, личные нужды управителей) в обмен на труд, произведший весь общественный продукт.

Конечно, это то же самое, что и при капитализме, и другого быть не может. Но при капитализме могут разориться от неправильной оценки отдельные капиталисты, а в нашем случае — государство, что недопустимо. Поэтому система оплаты труда, не имеющая определяющего (в этом смысле) значения при капитализме, в государственном хозяйстве — важнейший фактор и существование специального Государственного комитета по труду и зарплате, безусловно, оправдано. Этим же оправдана возможность применения только той системы зарплаты, которая установлена этим комитетом. Произвола в этом вопросе не допускается.

Возьмем наиболее широко распространенную и наиболее простую сдельную, или штучную, оплату. В лабораториях нашего научно-исследовательского института была в основном установлена сдельная оплата. В лаборатории был механик (И. А. Белоусов), которого по справедливости можно было назвать артистом, художником. Не было такой вещи, которой он не мог бы сделать, и

притом великолепно. Кроме него, было несколько обычных механиков.

Оплата была сдельная. Поэтому Белоусов всегда имел право (учитывалось только количество продукции, а не качество) на меньшую зарплату, чем обычные механики. Долгое время, чтобы справедливо платить ему, нужно было жульничать, пока, после многолетних хлопот, мы не добились персонального разрешения министра на особую оплату его труда.

Дело в том, что никакой труд нельзя оценить только в штуках произведенной продукции. Работник может сделать большее количество так называемой годной продукции, но точность может быть (хотя и в норме) хуже, качество поверхности (хотя и в норме) — хуже. Он может истратить больше материала (на брак). Он может затратить больше инструмента, больше износить станок и т. д. и т. п. Таким образом, правильная оценка должна учитывать, по крайней мере, десяток признаков, из которых не все могут быть объективно измерены или измерение которых представляет еще не решенную и дорогую задачу.

Если бы мы смогли такую оценку сделать, то, конечно, артист-механик получил бы должное. Однако стоимость и сложность самой оценки были бы недопустимыми и расчеты не могли бы быть ясными. Таким образом, и здесь, как и с планом, мы сталкиваемся с невозможностью реализации, казалось бы, правильного и ясного критерия. Поэтому в прессе СССР, особенно одно время, было очень много шума по поводу «технически обоснованных норм» на выработку при сдельной оплате. Можно было видеть, что авторы статей

совершенно не понимают, почему нельзя точно, правильно и, главное, объективно оценить вознаграждение за работу. Они упускали из виду то, о чем мы уже говорили. Даже самый простой продукт или технологическая операция имеют очень много свойств, а их измерение представляет собой еще более сложное явление. Поэтому сведения о количестве продукции — очень ценная, но далеко не исчерпывающая информация о количестве и качестве труда.

Любопытно отметить, что из-за стремления искоренить необъективность начальники или мастера были устранены от оценки сдельной оплаты. Эту оценку делает, как правило, специальный человек — нормировщик (часто малограмотный и всегда менее компетентный, чем мастер или начальник). Этим же объясняется необходимость целой кучи подписей на наряде на сдельную работу.

Легко видеть, что практически объективную (без участия человека) оценку труда даже в таком простом случае, как изготовление механических деталей, сделать невозможно. От суждения человека и от его произвола уйти не удастся и при «социализме». Но ведь последствия этого чрезвычайны. Представьте себе, что из-за хорошей погоды, успехов в космосе или чего-либо другого у оценщиков работы будет хорошее настроение и они на 10%-20%-30% завысят результат. Тем более, что индивидуальный оценщик ведь и не может сопоставлять своей оценки с финансовыми трудностями государства.

Поэтому Госплан (подчеркиваю — совершенно естественно и логично) каждому предприятию

планирует полный фонд зарплаты и среднюю зарплату сотрудников. Полный фонд зарплаты заранее устанавливает тот самый баланс, о котором мы говорили в начале раздела. Планирование же и установление средней зарплаты приводит к тому, что и число людей, на которых распределяется этот фонд и, следовательно, сумма товаров, обеспечивающих их зарплату, заранее установлены. Таким образом, Госплан логично обеспечил государственный баланс — независимо от системы зарплаты и произвольности действий людей.

Теперь можно даже достаточно безопасно экспериментировать и с системами зарплаты. Однако где же соответствие труда и вознаграждения? Сколько бы штук и какого бы качества человек ни сделал, больше ему можно заплатить только за счет кого-то другого. А другой-то тоже имеет право голоса. Поэтому всем уже известно: сколько ни работай, как ни работай — больше, чем получаешь, не получишь.

Таким образом, оценка труда, освобожденная от «субъективности человека», стала еще более произвольной и совершенно не сопоставимой с трудом. Раньше можно было бы поспорить с оценщиком. Сейчас этот спор может привести только к ограблению другого человека, без восстановления справедливости.

Представьте теперь задачу Госплана при оплате труда научно-исследовательских работников и вообще работников, труд которых невозможно хоть как-то конкретно оценить. Все экспериментирование с окладами научных работников сводится не к справедливой индивидуальной оценке, а — что бы другое ни говорили — к сохранению

баланса произведенных ценностей и зарплаты. Я думаю, довольно ясно, что никакие реформы хозяйства, систем зарплаты и т. д. не могут устранить этого полного и абсолютного несоответствия труда и зарплаты в СССР, пока существует государственная власть на средства производства и связанное с этим планирование.

Таким образом, принцип «от каждого по способностям и каждому по труду» остался в СССР только лозунгом, а в жизни — еще худший произвол, чем в той системе, где один более компетентный человек оценивает количество и качество труда другого, менее компетентного. В последнем случае, по крайней мере, нет длинной цепочки, два конца которой совершенно не знают друг друга: с человеком можно поспорить и как-то с ним договориться, а с государством — какой разговор?

Следовательно, и эта мечта человека о справедливой оценке труда и о гарантии бóльшей зарплаты за бóльший труд при социализме — исчезла. Государство не более, а менее справедливо, чем этот самый «необъективный» человек.

Исчезла, практически, и роль зарплаты как регулятора деятельности и производительности.

МОЖЕТ ЛИ ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ И ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЧЕРЕЗ РЫНОК В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Всё, что производится в современном обществе, в конечном итоге используется для нужд населения, военных нужд, нужд строительства и т. д. и т. п. Нелепо было бы создавать вещи, которые никому не нужны. Поэтому с незапамятных времен вопрос о том, что и как нужно делать, определялся тем, что и в каком виде нужно тому или другому потребителю. Производители и потребители вступали в контакт через рынок еще тогда, когда не было ни денег, ни капиталистов.

Однако в нашем плановом хозяйстве, где все принадлежит государству, такая прямая связь между производителем и потребителем если и допустима, то только в крайне незначительной степени. Государственное планирование окажется невозможным, если оно будет зависеть от воли многочисленных производителей и потребителей. Связь производителей между собой и с потребителями через рынок лишает государство средств контроля, управления и оценки хозяйственной деятельности. Поэтому в тоталитарном государстве рыночные или просто прямые отношения между предприятиями совершенно противопоказаны.

Все попытки изменить это положение, оставляя власть над всем в руках государства, совершенно бесплодны. Так называемая экономическая реформа и так называемые прямые связи — это суррогат, который, если его действительно реализо-

вать, вредит тоталитарному государству. Эта реформа и эти попытки просто выражают признание факта, что разрыв связи между потребителем и производителем не способствует развитию и прогрессу хозяйства. Ведь главная задача государственного плана — «свести концы с концами», то есть потребление с производством. Ясно, что индивидуальные потребители и производители не знают и не могут знать, как их отношения влияют на общий баланс. Рынок приводит в действие статистические законы, и именно эти законы, несмотря на многочисленные «ошибки» отдельных потребителей и производителей, приводят к реализации общественного прогресса, интегрируя миллионы проявлений индивидуальной воли. Для государственного планового аппарата такое интегрирование невозможно, так как он просто не в состоянии отвечать на каждое отдельное проявление. Поэтому государственный план не выражает и не может выражать такого интеграла. Таким образом, государственное тотальное планирование обязательно разрывает естественные связи и, следовательно, в конечном итоге, предписывает потребителю, что покупать, а производителю — что делать.

Представьте себе, что те прямые связи, о которых столько шумели в прессе, реализовались бы. Это значит, что минимум половина произведенных товаров была бы не реализована из-за их низкого качества и несоответствия нуждам потребителя. Спрашивается, что должен был бы делать Госплан? Мне приходилось неоднократно сталкиваться с тем, что нашему НИИ ЭП навязывали не нужное ему оборудование, не давая нужного.

Поэтому все мечты населения и многих круп-

ных деятелей о прямых связях и даже о каком-то «социалистическом рынке» лишены всякого основания. Разговоры о нем могут быть, но, по-существу, действительные прямые связи и действительный рынок приведут к утрате средств контроля и управления и к разорению социалистического государства. Конечно, я не говорю о таких незначительных крохах прямых связей и рынка, как, скажем, колхозные рынки (они, правда, тоже под строгим контролем) и торговля с рук в специально отведенных для нее местах. Это не делает никакой погоды и на общую систему не влияет, беспокоя власть лишь тогда, когда эта деятельность начинает выходить из-под контроля и приходится ее пресекать.

Мы уже отмечали, что план — это прежде всего баланс производимого и потребляемого. Естественно, что никакой баланс (в допустимом для осознания и оценки человеком виде) не был бы возможен, если бы в нем фигурировали все свойства всех товаров. Значит абсолютно необходимо выбрать минимальную (наиболее определяющую) часть этих свойств, а потому для этой цели применяются следующие единицы: рубли, штуки, тонны, метры или километры, кубические метры, литры.

Конечно, кроме такого плана «по валу» есть план «по ассортименту», то есть по наименованиям товаров и по количеству каждого наименования. Но «объективно» установить, на сколько процентов, например, не выполнен или перевыполнен план по ассортименту, — невозможно. Если, к примеру, в мебельном гарнитуре не сделаны стулья, то какой это составит процент недовыполнения? Поэтому ход выполнения плана

в основном определяется «по валу», то есть, скажем, в рублях, а если речь идет о стальных рельсах, уголках и других профилях, то в тоннах.

На первый взгляд это кажется несущественным. Однако это оказывает колоссальное влияние на деятельность и предприятий, и Госплана. Во-первых, попробуйте — как руководитель планового органа — предложить взамен что-нибудь более рациональное, чем этот «проклятый вал». Во-вторых, встаньте на место директора предприятия и попытайтесь определить его поведение. Поскольку от выполнения плана зависят премии, оборотные средства, отчисления на культурные и бытовые нужды работников предприятия (и, наконец, репутация), то ни один директор не руководствуется в своей деятельности соображениями о нуждах потребителя (что, конечно, не значит, что он о них не думает и ими не «болеет»), о социалистических лозунгах. Он знает, что нужно выполнить (или лучше — чуть-чуть перевыполнить) план «по валу».

Конечно, будет неплохо выполнить и план по номенклатуре, то есть по ассортименту, но это — во вторую очередь, так как директор всегда находится в тяжелых условиях и ему всегда «не до жиру — быть бы живу». Конечно, он всё спланировал вперед и всё достаточно ясно себе представляет, но ведь жизнь предприятия определяется тысячами факторов и всё предусмотреть невозможно. Самое обычное бедствие — это невыполнение поставщиками плана поставок материалов или полуфабрикатов. Для поставщиков выполнение плана считается не по дням, а на 12 часов ночи последнего дня месяца. Поэтому поставщик не беспокоится о ритмичных поставках.

Что же делать директору нашего предприятия? Не может же он допустить, чтобы оборудование и рабочие простаивали (бывает в крайних случаях и так, но кончается это строгим наказанием дирекции). Поэтому он очень рад возможности выполнять план «по валу» (хотя он, как человек, его ругает). Что бы он без «вала» делал? Ведь ни он, ни его предприятие не виноваты. Виноват поставщик материалов. Поэтому, если у него план «в рублях», то он спешно делает больше вещей подороже, на которые есть материал. И вполне «выкручивается» из положения, и даже получает похвалы от работников плановых органов и своего министерства.

ПОЧЕМУ НЕТ СТАКАНОВ И ТАРЕЛОК ИЛИ «ЭКОНОМИЧНЫХ» ПРОФИЛЕЙ

В течение по крайней мере 20 лет в газетах и журналах «шумят» по поводу того, что промышленность стальных изделий не выпускает «экономичных» профилей, которые находятся на минусовых допусках и с успехом могут применяться при тех же нормированных нагрузках, но весят меньше и облегчают конструкции. До сих пор этого не удается добиться. Почему? Потому что план этим предприятиям дается в тоннах, то есть не в тех единицах, какие нужны в данном случае потребителям. Им нужны метры. Госплан, однако, продолжает «гнать вал в тоннах».

То же самое относится к литью, которое оценивается тоже в тоннах и поэтому всегда тяжелое (не говоря уже об остальных качествах).

Стаканы же и тарелки, а также аналогичная продукция планируются в рублях. Поэтому, по уже известным непреодолимым причинам, планы наворачиваются на дорогих изделиях, типа статуэток, барельефов, предметов роскоши. Дешевые тарелки и стаканы для выполнения планов не подходят.

Вполне естественным будет вопрос: почему же не планировать сталь в метрах, а фарфоровые или стеклянные изделия в штуках? Представим себе, для простоты, предприятие, выпускающее деревянные ящики. Как его спланировать, чтобы можно было оценивать его деятельность в сопоставимых цифрах? Спланируем в штуках. Ясно, что будет избыток маленьких ящиков и мало или со-

всем не будет больших. Спланируем в кубических метрах. Тогда будут только большие. Продолжать такое планирование можно до бесконечности. В любом случае будет страдать тот или другой потребитель. То же и с «экономичными» профилями. Будут тонкие и не будет тяжелых, которые тоже кому-то нужны.

Таким образом, нехватка — по понятным причинам — стаканов, тарелок или любого другого аналогичного изделия, — следствие не глупости и злого умысла производителей или Госплана, а того самого всеобщего планирования, которое, по мысли «человека с улицы», только и способно уничтожить анархию и несправедливость, и без которого нельзя обойтись после ликвидации капиталистов.

ЦЕНА, СТОИМОСТЬ, ПРИБЫЛЬ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Мы уже установили, что рынок (в широком смысле), как естественный аппарат, определяющий потребность в том или другом товаре и его цену, в тотально планируемом государстве недопустим, так как подрывает основы государственного централизованного управления.

Однако как же определять цену данного товара среди множества, миллионов других? Я имею в виду не столько цену в рублях, сколько то соотношение, в котором данный товар обменивается на другие товары или услуги. Как устанавливать и кому устанавливать цену? Ведь товар нужен его потребителю. В сущности, только он один может для себя, индивидуально, установить, какую сумму денег или других товаров или услуг он может дать в обмен на этот товар. Централизация управления, как необходимое следствие основного положения социализма, не может этого допустить и разрывает это естественное взаимоотношение.

Как определяется цена товара в СССР? Ее назначает производитель, исходя из затрат на производство товара и из задаваемой им самим или определяемой некоторыми правилами министерства добавки. Но и министерство, и предприятие кровно заинтересованы в максимальной величине этой добавки, так как она определяет рентабельность предприятия, а за нерентабельность «бьют». Где же факторы, противодействующие установлению цены, не соответствующей потреби-

тельской ценности товара? Их фактически нет. Конечно, министерству не разрешают «чрезмерную» рентабельность и за нее взыскивают. Но за неэффективное производство, завышающее затраты, за включение в цену других затрат, практически не имеющих отношения к товару, но с грехом пополам привязываемых к нему, не взыскивают (не потому, что не хотят, а потому, что осуществить это невозможно). Поэтому цена, утвержденная министерством, никогда не отражает ни потребительской ценности товара, ни его общественной стоимости. Однако именно эта цена определяет баланс между товарами в государственном плане, его выполнение или невыполнение, цифру национального дохода и огромное количество других соотношений.

Ну, а прибыль? Совершенно естественно, что и прибыль, в этом случае, не определяет эффективность и качество организации предприятия. Поэтому споры о том, что введение категории прибыли в СССР означает конвергенцию с капитализмом или вообще что-то принципиально важное, изменяющее существо системы, — бессмысленны. В данном случае прибыль и ее отсутствие — это только средства поощрения или наказания предприятия, выражающие лишь субъективные точки зрения соответствующих работников министерства.

Это, конечно, не означает, что цены и прибыль полностью произвольны. Будучи основой содержания плана, они в какой-то степени отражают политические и технические устремления государства и его аппарата. Они с этих позиций и регулируются. Но важнейшая их особенность, что они не определяются ни интересами потреби-

теля, ни общественной эффективностью производства товаров и полностью лишены того здорового и нужного содержания, какое им многие экономисты приписывают.

Мне лично приходилось неоднократно участвовать в процессе установления цены на разрабатываемые мной новые приборы. Пока я был неопытен, я хотел (чтобы мои приборы могли широко применяться) устанавливать цену ниже. Но из-за огромных потерь всякого рода при внедрении приборов в производство и при их производстве, меня ругали за нерентабельность выпуска приборов и ясно выражали нежелание брать в производство новые. Позднее я понял, что чем мне больше удавалось поднять утверждаемую министерством цену на приборы, тем легче их принимали в производство, тем выше была рентабельность (даже при очень низком уровне техники производства) и меньше было неприятностей и для меня, и для нашего института, и для министерства. Доказать, что цена несправедливо завышена, мог бы только потребитель, отказавшись покупать товар.

Но в СССР и другой производитель — потребитель данного товара — при определении цены собственной продукции исходит из цены поставляемых изделий. То есть все эти цены «движутся» в государственном аппарате планирования и, практически, никого не интересуют. Вдумайтесь серьезно в эту ситуацию. Ведь она означает, что государство лишилось важнейшего регулятора, важнейшей обратной связи и теперь, в сущности, только произвол руководителей определяет его пути. Самое любопытное, что все чувствуют и очень многие знают, что ввести рынок — значит

вернуться к «капиталистической анархии» и (что самое важное) потерять власть.

Поэтому в прессе печатается огромное количество статей и исследований о том, как устанавливать цену, чтобы она выражала общественную стоимость продукта, а не произвол руководителей. В связи с этим не так давно создана специальная и авторитетная организация — Государственный комитет по ценам. Но понятно, что без голоса индивидуального потребителя, платящего из своего кармана, и без его собственного экономического баланса (одного из многих миллионов индивидуальных экономических балансов, объективно проинтегрированных в объеме государства) этот комитет представляет собой только еще одну бюрократическую инстанцию. Эта инстанция будет работать в том же направлении — понижения эффективности производства, и, следовательно, уровня жизни в СССР. Этот комитет может лишь еще и еще раз показать нелепость, реакционность тотальной централизации и государственной собственности на всё. Какой комитет, по каким законам в состоянии объективно определить миллиарды отдельных цен?

КОНСЕРВАТИЗМ И РЕАКЦИОННОСТЬ — ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА СОЦИАЛИЗМА

Если конкуренция приводит к быстрому развитию техники и к прогрессу общества, то монополия всегда связана с задержкой общественного развития. Поэтому недаром существуют законы против монополий. Если же речь идет, как в данном случае, о тотальной монополии, то консерватизм такой системы достигает величайших степеней и проникает во все поры жизни общества. Причем, конечно, это не свойство самих людей, составляющих систему. Больше того, многие сопротивляются консерватизму системы. И только благодаря им еще и происходит какое-то движение.

Попробуем снова встать на место человека, управляющего такой системой. Поскольку управление происходит не на уровне индивидуума или отдельной ячейки общества, а на уровне центральных органов, то вы лишены воздействия тех сил, которые действуют, скажем, на инженера, на ученого в каждом отдельном, часто очень необычном случае (чем новее дело, тем необычнее). Поэтому вы, принципиально, не можете понять, во всяком случае полностью, мотивы их действий. Даже если бы вы могли их понимать полностью, то ведь их, этих мотивов, миллионы, и они все разные. Поэтому ваши решения и ваши действия, прямо влияющие на упомянутых инженеров и ученых, принципиально не могут быть согласованы с обстановкой, в которой они находятся, и с действующими на них силами, а тем более с

той умственной деятельностью, которая определяет их творческую работу.

Между тем, вы должны спланировать и их работу, и их обеспечение, и направление их работы, и программу их работы и, следовательно, результаты этой работы. Ясно, что шансы правильно решить эту задачу для вас, практически, равны нулю. Безусловно, вы будете руководствоваться не интересами данного исследования или разработки, а просто общими соображениями или политикой. Естественно, конечно, что чувствуя свою неспособность и неуверенность в этом процессе, вы будете (при всех своих добрых намерениях) стремиться к уменьшению этой — неопределенной — части вашей задачи и к превалированию части более определенной, касающейся хорошо известных вопросов, имеющей статистику и более понятные связи между действиями и результатом.

Поэтому, независимо от ваших человеческих качеств, просто стараясь как можно лучше выполнить свои обязанности, при планировании вы будете сознательно «зажимать» неопределенную часть, относящуюся к новой технике, к прогрессу, чтобы гарантировать себя и государство от слишком большого риска в случае неуспеха. Кроме того, вы постараетесь сделать эту неопределенную часть как можно более определенной, настаивая на точных сроках, на точных определениях результатов, на поощрениях за их выполнение и на санкциях за невыполнение.

Тем самым вы, конечно, принудите инженеров и ученых обещать только то, что безусловно выполнимо, то есть не слишком новое, а в конечном счете — и работать лишь по таким «безопасным» вопросам. Именно поэтому новые результа-

ты, как правило, даются либо новичками, которые еще не были наказаны за случайный неуспех, либо бунтарями по своему характеру, сознательно идущими на все неприятности. При такой многочисленности населения, как в СССР, такие люди, конечно, находятся.

Теперь попробуем войти в положение уже не управляющего, а управляемого: в положение директора промышленного предприятия, которому надлежит «внедрить» новый прибор, новую машину, новую модель обуви... Вы занимаетесь уже не наукой или разработками, в которых еще можно допускать некоторые вольности. Ваша работа должна давать вполне определенные показатели, гарантирующие «качество и количество» работы вашего предприятия и степень получаемых «сверху» поощрений и наказаний. Эти показатели: «вал» в рублях, штуках, тоннах; ассортимент; «съём» в рублях с квадратного метра площади вашего предприятия (ваш выпуск в рублях, поделенный на площадь); «съём» в рублях на рубль затрат и т. д.

Кроме того, вы не можете уволить лишних людей, пока налаживается новое производство. Вы должны переходить на новое производство «на ходу» — в том смысле, что не можете никого ни увольнять, ни заменять. Вы должны представить также подробное расписание этого перехода. При таких условиях любой нормальный человек будет всеми правдами и особенно неправдами стремиться избежать необходимости заниматься новым производством. Ведь оно не улучшит ни вашего личного положения, ни положения ваших сотрудников и рабочих. Конечно, вы постараетесь использовать в основном несправедливые пути

так, чтобы все же не прослыть консерватором и рутинером, врагом прогресса. Поэтому вы потребуете от разработчиков и ученых подробнейшей документации (которая вам, в сущности, не нужна), самых убедительных письменных гарантий в доработанности и технологичности нового изделия. Вы будете подвергать жесточайшей критике как изделие, так и документацию на него. Вы будете ссылаться на недостаток оборудования и инструмента и требовать новых, по крайней мере с двукратным запасом. Словом, вы будете представлять разработчика Чингисханом, а себя страдальцем, отчаянно нуждающимся в помощи.

В этой борьбе вы получите горячую поддержку со стороны своих сотрудников, спокойно зарабатывавших свои деньги на старых, привычных изделиях и, в среднем, совершенно не заинтересованных в том, чтобы ломать голову и руки над новым изделием. Ведь все барыши от внедрения определяются не благодарным потребителем, а вашим министерством, которое не склонно и просто не может переоценивать ваши усилия, так как нет министерств, которые бы не испытывали и финансовых и всяких других экономических затруднений. Кроме того, любое министерство знает, что все финансы уже распределены на годы вперед и балансы составлены. Поэтому допустимые затраты на освоение всегда очень скудные, а перерасходы — в порядке вещей, и вы, если и можете рассчитывать, то лишь на крайне умеренное поощрение.

Нужно всегда иметь в виду, что централизованная система может справляться с неожиданными ситуациями только при их небольшом количестве (резервы относительно малы), а потому

принимаются все меры, чтобы неожиданностей не было. Зато если они всё же появляются, то это приводит буквально к бедствию для населения: чтобы уравновесить неожиданные потери, зажимают фонды на потребительские товары (в результате чего магазины еще более пустеют), на зарплату и т. д.

Чтобы улучшить положение и выбить почву из-под ног сопротивляющихся, сейчас во многих отраслях организуют институты и конструкторские бюро, возглавляемые одним директором и объединяющие в себе и разработку и, по крайней мере, опытное производство. Так система сама борется с собой. Результаты этой борьбы, однако, не могут изменить ничего: новое всегда связано с неизвестностью и неопределенностью, а жизнью государства рисковать нельзя. Поэтому новое всегда будут ограничивать.

В области военного производства, однако, новые разработки финансируются гораздо интенсивнее, поскольку нужно поддерживать соответствующий уровень военной мощи. На осуществление некоторых военных проектов денег не считают, и в этой области консерватизм, хотя и не может не чувствоваться, но сведен к минимуму. Недаром поэтому все перевооружения приводили и приводят к резкому ухудшению жизни в СССР.

ОСНОВНЫЕ ОБЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛИЗМА

Мы проследили, как главный принцип социализма — национализация основных средств производства — приводит:

1. К национализации всего, что только можно национализировать.

2. К тотальному, централизованному «планированию» (в кавычках потому, что фактически это планирование, как объективный, точный процесс, оказывается невозможным). В этом смысле всеобщее планирование напоминает мне следующее. Мудрая природа «сознательно» лишила мозг человека власти над его органами: они имеют полную автономию. Представьте себе человека или людей, возмущившихся неудовлетворительной работой желудка, печени, кровеносной системы, «анархией» в их действиях, которые не позволяют человеку пользоваться всем, чем хочет его мозг. Ему (человеку) хотелось бы быть справедливым, честным, свободным в своих поступках от меркантилизма, голода, болезней и т. д. Организм же непрерывно требует заботы о питании, тепле и множестве вещей, очень ограничивающих желания человека. Представим себе, что этот человек решил и смог поставить под контроль своего сознания работу всех органов и клеток своего тела с единственной и хорошей целью улучшения их работы и организации. Это, примерно, то же самое, что социалисты хотят сделать — (а в СССР уже сделали) — с человеческим обществом.

Нет необходимости развивать эту мысль. Автоматика организма, без усилий со стороны сознания спасавшая человека от множества бедствий, перестала действовать, а способности сознания оказались крайне ограниченными и в смысле времени, и в смысле количества информации, которую нужно перерабатывать, и в смысле количества решений, которые нужно принимать для поддержания нормальной жизни. Человек, безусловно, либо погибнет, либо, в лучшем случае, превратится в урод с гипертрофированной головой, руками и, скажем, без ног...

3. К разрыву автоматических обратных связей производитель-потребитель и к исчезновению человеческих (связанных с благом человека) критериев.

4. К уничтожению множества других автоматических регуляторов человеческого хозяйства и общественной жизни.

5. К субъективизму и волюнтаризму как основным «регуляторам» жизни.

Таким образом, социализм оказывается крайне общественно неэффективной системой. Эта неэффективность — не следствие неумения или злой воли руководителей. Даже злой руководитель не отказывается от возможности улучшить жизнь подчиненных, если он может это сделать без ущерба для себя. Кроме того, как было уже показано, всеобщее планирование, всегосударственный баланс приводят даже умных и толковых людей к вредным для человеческого общества действиям, к действиям, вредность которых сознается самими этими людьми.

Что касается способностей высших руководителей, то независимо от того, глупы они или умны,

по совершенно очевидным причинам они не могут в своем мозгу вместить тот объем знаний и информации, который в свободном обществе управляет действиями миллионов отдельных людей в различных конкретных, часто необычных обстоятельствах. Этого не могут сделать и любые человеческие организации или компьютеры. Причина неэффективности кроется в тотальной замене «анархии» «всеобщим порядком».

Реализация наивного представления среднего человека о порядке и справедливости приводит к прямо противоположному для этого человека результату.

Напрашивается решение такое: в основе — «анархия» человеческого общества, но улучшенная с помощью вспомогательных средств планирования в виде стимулирования желаемого и не стимулирования нежелаемого с применением компьютеров для усиления общественных мозгов (по образу человеческого организма). Собственно, к этому, хотя и не очень успешно, стремятся капиталистические государства. Но с этого момента начинается «злая воля». Управители уже этого не хотят, так как при этом они лишаются (и неизбежно) власти над людьми, а массы уже не могут — они полностью лишены власти.

Пожалуй, есть смысл подчеркнуть, что в социализм легче войти, чем из него выйти. (Кроме того, вход в социализм осуществляется под лозунгами равенства, справедливости, порядка, то есть при поддержке масс и незаметно.) Понять это можно, только попав в ловушку, но, конечно, тогда — уже поздно. Самое любопытное, что это — ловушка (созданная Марксом и Лениным при

поддержке трудящихся) и для управляемых, и для управителей, и для вождей.

Итак, ловушка захлопнулась. Что происходит дальше? Не возвращаться же к капитализму? Хотя он и куда более полезен для человечества, но, во-первых, и у него свои (и большие) болячки, во-вторых, капитализм превратился в пугало и, в-третьих, вернуться в капитализм тоже не очень просто и, что очень важно, невозможно без потери власти. Поэтому единственный приемлемый путь — «усовершенствование» социализма и укрепление позиций власти.

Это происходит по пути:

1) всяческих фиктивных и не фиктивных, но не действенных реформ и перестановок;

2) истребления недовольных и разобравшихся в социализме людей и, тем более, способных стать вождями;

3) использования капиталистических стран для высасывания из них необходимых минимальных средств существования;

4) непомерного развития военной промышленности и техники — военно-промышленного комплекса (за счет гражданского) как главной опоры власти;

5) полной информационной изоляции населения от других стран и каждого человека от другого — чтобы и отдельные люди и народ в целом как можно дольше не могли понять положения в стране;

6) полной изоляции ото всего мира — чтобы можно было сохранить в стране неэффективную систему.

Разбору этих вопросов и посвящены следующие разделы.

А МОЖЕТ БЫТЬ, ТАК И НУЖНО?

Итак, важнейшие автоматические регуляторы хозяйственной жизни, от которых прежде зависело, в сущности, все развитие и все благополучие человека, заменены бюрократической разветвленной системой, служащей целям укрепления и поддержания власти управителей.

Может быть, так и нужно? Человеческое хозяйство становится огромным, чрезвычайно сложным, очень трудноуправляемым. Во многих странах люди высказываются за сильную власть или даже за сильного человека, стоящего у власти. Им очень хочется, чтобы появился некий хозяин (Сталин?!), который всех объединит, заставит всех поступать одинаково справедливо и целесообразно, станет прямым заместителем Бога на земле. Конечно, каждый при этом желает, чтобы новый хозяин занял его позицию, а не позицию оппонента. Впрочем, каждый согласится и на некоторые уступки оппоненту, но лишь в чем-нибудь второстепенном.

В конце концов, какая разница: благородный человек управляет или подлец? Лишь бы он имел власть и был за нас, но только за кого — нас? Может быть, закономерный путь продолжения развития человечества и есть советская система, а не какое-то Европейское Экономическое Сообщество? В СССР ведь все ясно: одно делать можно, а другое или просто нельзя, или совершенно понятно, что нельзя (о ясности за-

ботится КГБ). А в ЕЭС опять ведь не разберешь, что хорошо, а что плохо.

Чем плохи бюрократические регуляторы, если они действуют? Сейчас для правильного ответа на такие вопросы есть вполне объективный критерий.

Человеческое общество не может удовлетвориться достигнутым и перестать желать чего-то нового и большего. Единственный человек, не имеющий неудовлетворенных желаний — мертвец. Кроме того, даже самые развитые страны еще далеко не удовлетворяют самых насущных потребностей миллионов людей, их населяющих. Речь идет о насущных материальных нуждах, а если говорить о потребностях духовных, для удовлетворения которых нужны значительно более дорогие и совершенные средства, то в этом направлении человечество только-только начало двигаться.

Довольно модные дискуссии на тему, куда человечество движется и нужно ли ему двигаться, не пора ли выкинуть экономику, науку и технику за борт и ввести новые критерии, — совершенно абсурдны и свидетельствуют только о том, что в здоровой человеческой среде могут быть и больные. Ведь такие дискуссии искренне могут вести либо пресыщенные люди, потерявшие контакт с миром и желания (а это — болезнь), либо люди, зарабатывающие себе на хлеб таким оригинальным способом.

Ведь и раньше, и сотни, и тысячи лет назад, находились «оригиналы», совершенно искренне советовавшие человечеству остановиться и нахо-

дить удовлетворение в себе самом. Человечество сохранило их имена и творения, как некий курьер, но не вняло их призыву. Таким образом, потребность человечества в духовном, экономическом, техническом развитии и усовершенствовании была, остается и останется на долгие времена.

Недаром поэтому марксисты и социалисты указывают (не первые), что социализм именно потому и восторжествует, что он экономически более эффективен и может дать человечеству больше материальных и духовных благ, чем так называемый капитализм.

Мы уже раньше пришли к выводу, что социалистическая (и, следовательно, тоталитарная) система совершенно логично и неизбежно лишает людей возможностей самостоятельности. Это означает (так же неизбежно) выключение из производительного процесса огромного множества полезных мыслей, намерений и действий. То же, что остается в рамках возможного, ослабляется противоречиями между естественными законами взаимодействия людей и «правилами», навязанными бюрократической системой.

Нужно ли доказывать, что такая «система» рано или поздно обречена на гибель в соревновании с любой другой системой, обеспечивающей высокий уровень самостоятельности людей.

Однако существует великое множество людей, которых никакая логика или объяснения не убеждают. Мало ли в наши времена логических схем, которые, тем не менее, блистательно проваливались? Нужны факты. Но ведь наша-то логика на

том и основывается, что за 58 лет существования советской власти, за этот огромный срок, фактов накопилось очень много. Поэтому попытаемся взглянуть на основные факты.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В двадцатых годах «кулаки», то есть самая деловая, знающая и работоспособная часть крестьянства, были истреблены поголовно. Это называлось раскулачиванием деревни. По существу, в деревне осталась самая неработоспособная часть крестьянства. Огромное количество малознающих, неумелых лодырей и пьяниц. Конечно, это не могло не сказаться на уровне сельского хозяйства. И это сказалось немедленно и страшно. Страна была ввергнута в пучину голода. В 1929 году мне пришлось ехать из Ленинграда на Урал, в Усолье. После расцвета нэпа было страшно смотреть на массы грязного, в серых лохмотьях, голодного люда на станциях, на пустые полки лавок и буфетов. Зрелище было потрясающее.

Но с тех пор прошло 46 лет и можно считать, что разрушительное влияние раскулачивания уже прекратилось и уровень сельского хозяйства определяется не случайными или намеренными бедствиями, а свойствами, присущими самой социалистической системе. Действительно, я, как и многие, помню, что в первый же год после введения нэпа, несмотря на страшную разруху, господствовавшую и в промышленности и в сельском хозяйстве, сельхозпродукты (и в большом количестве) появились и на рынках, и на столах. Для нас, тогда детей, да и для взрослых тоже, это было буквально чудом. Казалось бы, совершенно безысходный голод и умирание — и вдруг

всё возродилось, как будто было впрыснуто живой водой.

Вообще же для сельского хозяйства 46 лет — срок гораздо более, чем необходимый, чтобы прийти в устойчивое состояние.

Факт первый. СССР, начиная с правления Хрущева, непрерывно закупает хлеб (и не только хлеб, но и другие сельскохозяйственные продукты) у капиталистических стран. Огромные закупки были сделаны в 1972 году. А ведь раньше Россия была одним из главных экспортеров сельхозпродукции и особенно хлеба.

Кстати, этот тщательно скрывавшийся и скрываемый сейчас факт всё же стал известен в народе и произвел ошеломляющее действие на большинство населения, хотя все и так хорошо знали, что социалистическое сельское хозяйство явно не выполняет своих задач.

В СССР практически не выпекается хлеба и не продается муки без значительных добавок, уменьшающих потребление чистого зерна. Более или менее чистый продукт применяется в двух случаях: при введении нового сорта хлеба, когда надо привлечь потребителей, и при выпечке дорогих сортов хлеба, которые можно найти лишь в отдельных магазинах столицы. Население ест хлеб с примесями.

Что касается овощей, то они появляются почти только в сезон. Огурцы и помидоры — не более двух-трех месяцев в год. Дольше всего держится картофель. Качество товара настолько низкое, что на Западе едва ли его стали бы покупать. При этом, опять-таки, в столицах и крупных го-

родах овощи еще есть, что же касается рабочих посёлков и провинциальных городков, то там можно рассчитывать только на собственный огород или огород соседа.

Факт второй. Ежегодно миллионы горожан в «добровольно-принудительном» порядке выезжают в колхозы и совхозы на уборку урожая. Предприятия посылают на уборку и остро необходимый им самим транспорт с шофёрами. Сама по себе организация этого дела, руководимая райкомами и горкомами КПСС, отвратительна, а использование людей, посланных на уборку, еще хуже. Неэффективность таких действий очевидна любому (в том числе и партийным хозяевам). Продукт обходится в десять и более раз дороже, чем при известных человечеству разумных способах. Однако также хорошо известно, что если этого не делать, то придется вообще голодать: такова эффективность социалистического сельского хозяйства.

В 1971 году эта практика процветала, и не похоже, что она прекратится в обозримые сроки.

Факт третий и очень показательный. В 1967 году в карманного формата брошюре «СССР в цифрах», по-видимому, по недосмотру высокого партийного начальства, была помещена небольшая таблица. В ней приведены цифры, показывающие, какую долю потребляемых населением СССР продуктов поставляют колхозы, совхозы и другие государственные хозяйства. Здесь можно увидеть, что примерно 40-50% картофеля, мяса, молока и яиц поставляется индивидуальными хозяйствами населения. Таким образом, при-

мерно 2-4% земли, находящейся в частных руках, дают столько же сельхозпродукции, сколько вся остальная земля в СССР. Это же просто поразительно!

Именно этим объясняется крушение попытки Хрущева заставить людей работать не на собственных огородах и хозяйствах, а на общественных полях. Он провел соответствующую агитационную работу: мол, частные куры и коровы поедают общественный хлеб. Затем он издал декрет и стал истреблять все поголовье частной птицы и скота. После этого стало, буквально, нечего есть. Начались волнения, партийные руководители растерялись и пришлось снова «поднимать» индивидуальное хозяйство. Видимо, упомянутая выше таблица — это результат исследования, которое пришлось провести, чтобы показать партийным хозяевам, что они зарвались и должны действовать осторожнее, чтобы не навредить себе же самим: совсем голодный человек опасен даже для социализма.

Кстати, этот факт показывает, насколько управители экономически безграмотны и плохо знают свое собственное хозяйство.

Можно добавить, что в столицах (не во всех) значительную часть (вообще небольшого количества) мяса составляет импортированное из Франции, Новой Зеландии, Австралии.

Факт четвертый. Ассортимент сельскохозяйственных и пищевых продуктов исключительно беден и становится все более и более примитивным и низкокачественным. Из продажи постепенно исчезло огромное количество хороших продуктов:

доброкачественная ветчина, бекон, нежирная свинина, консервированные грибы (а свежих и не бывало), консервированные огурцы, доброкачественная буженина, красная икра, паюсная икра, частиковая икра, зернистая икра, севрюга, белуга, осетрина, мясные консервы, куриные консервы. Ну, и так далее. Всего не перечислить.

Как-то, проходя по Ленинскому проспекту недалеко от здания президиума Академии наук, я зашел в рыбный отдел и был совершенно потрясен, хотя меня уже трудно было удивить. Продавалась примерно за две трети цены не копченая севрюга, а крошки (именно крошки) от нее. Как и где они были собраны (видимо, остатки со стола партийных хозяев), трудно даже себе представить. Ужасно и то, что продавец отвешивал эти крошки покупателю, то есть, что покупатель был. Я думаю, что даже этих четырех фактов вполне достаточно для доказательства крайней неэффективности социалистического сельского хозяйства, заводящего страну в тупик.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ

Долгие годы лейтмотивом социалистической пропаганды были сталинские слова, которые перестали повторять только в последнее время: «У нас не было автомобильной промышленности, у нас она есть теперь»; «у нас не было радиотехнической промышленности, у нас она есть теперь» и т. д. Сравнивают, в основном, до сих пор с 1913 годом. Безусловно, такое сравнение, экономически совершенно бессмысленное, очень выгодно. В одном из анекдотов предлагалось для большего эффекта ввести сравнение с царствованием Ивана Грозного. Это было бы еще выгоднее.

Посмотрим, что же дает населению социалистическая промышленность.

Обувь. В любом магазине вы увидите, несмотря на бедность ассортимента, обувь или из Чехословакии, или из Венгрии, или из Румынии, или из Польши и даже из Франции, Англии, Бельгии. Обуви собственного производства очень мало, качество ее весьма низкое (особенно по внешнему виду), и ее мало кто покупает. Купить подходящую обувь нелегко. Удовлетворить свой вкус — не стоит и мечтать. Огромная советская армия носит, конечно, отечественную обувь, но об этом позже.

Одежда. С одеждой такое же положение, как с обувью. Все зависит от удачи, места покупки,

времени стояния в очереди и т. д. Наиболее приемлемая одежда — вся иностранного производства. Армия носит, конечно, отечественную.

Меховые изделия. Купить обычную меховую шапку своего размера (климат-то ведь не южный!) — очень большая удача, если, конечно, вы не собираетесь покупать дорогих головных уборов (за половину, а то и больше, месячной зарплаты). Купить кожаное (а тем более — меховое) пальто вообще невозможно. Дамские пальто появляются чаще и, если они не чрезвычайно дорогие и имеют приличный вид, их можно купить по случаю, простояв много часов в очереди.

Кстати, цены на меховые изделия года три назад поднялись ровно вдвое (не на 5, на 10%, а на 100% сразу).

Я долгое время высмеивал жену и был недоволен тем, что она покупает вещи, в данный момент не особенно нужные, и не покупает нужные. Позднее я понял, что таково правило всех опытных женщин: если случайно увидела хорошую вещь — стой в очереди и покупай. Потом, когда будет нужно, не купишь.

Пылесосы. Уже задолго до моего отъезда исчезли из продажи нормальные квартирные пылесосы: купить их было невозможно.

Холодильники. Холодильники обычного домашнего типа можно купить только записавшись в очередь, а затем и заплатив деньги задолго до получения товара. Эти очереди существуют уже больше 10 лет, и ждать приходится годами. Некоторые родители записывают в очереди детей,

чтобы, когда они подрастут и станут самостоятельными, их можно было бы одарить холодильником.

Мебель. С мебелью примерно такое же положение, как и с холодильниками. Запись в очередь. Можно купить лишь очень дорогие гарнитуры (стоимостью порядка годовой и более зарплаты) или неходовые вещи, грубо и некачественно сделанные.

Кстати, в 1971 году цены на мебель были повышены сразу в 1,5 раза. Никаких сообщений об этом (как и об удорожании мехов) нигде не было.

Автомобили. Про них мы уже говорили выше. Положение с ними настолько плохо, что в этом случае вернее было бы сказать: «у нас не было автомобильной промышленности в 1913 году, нет ее и в 1971-м».

В официальном справочнике ЦСУ «Народное хозяйство СССР за 1968 год» показана обеспеченность (скорее необеспеченность) населения промышленными товарами длительного пользования:

1 холодильник	на 20 человек (12 млн.)
1 пылесос	на 40 человек (6 млн.)
1 мотоцикл	на 50 человек (4,8 млн.)

Эти цифры явно завышены. Завышение происходит, по-видимому, за счет планового превышения длительности пользования этими предметами. Если считать, например, что этот срок составляет 20 лет, то цифры соответствуют количеству, поступившему в продажу за эти годы.

Сколько из них на самом деле еще годно к употреблению, можно только догадываться.

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что одного товарного обеспечения Лондона хватило бы — по нашим нормам — на половину СССР.

Такова эффективность социалистической промышленности, обслуживающей население. Официальное объяснение нехватки товаров таково: потребности людей растут значительно быстрее, чем возможности производства, и потребности намного выше, чем в капиталистических странах. Спрашивается, почему же плановое хозяйство, если оно по-настоящему плановое, не может сбалансировать платежеспособный спрос и производство? Позволительно также спросить, почему же любой рядовой гражданин СССР может лишь позавидовать тому, чем обладает столь же рядовой гражданин капиталистической страны, «имеющий значительно более низкие потребности»?

Эта версия пропагандируется усиленно и часто — успешно. Не так давно, стоя в длиннющей очереди в кассу в большом «Гастрономе» на Калининском проспекте в Москве, я вслух выразил недовольство очередями. Пожилая женщина, стоявшая рядом, отпарировала: «Вы смотрите, сколько народу. Разве всех обслужишь?». Такие выражения очень распространены. «Вас много, а я одна», — говорит продавщица, кондуктор автобуса и т. д.

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Со времен Хрущева, начавшего строить жилые дома, жилищное строительство служит большим козырем в советской пропаганде.

Обратимся к цифрам. В цитированном уже справочнике ЦСУ на 173 странице дана таблица строительства квартир на 1000 человек населения, начиная с 1950 года, для разных государств мира. Из этой таблицы видно, что до Хрущева практически жилищ не строили. В 1960 году (при Хрущеве) построили 12,1 квартир, а уже в 1968 году всего 9,4 — существенное снижение. Причем, в 1968 году СССР по строительству новых квартир находился на пятом месте: за Нидерландами, Швейцарией, Швецией и Японией. Еще нужно учесть, что средний размер квартиры, строящейся в СССР, примерно, 25 кв. метров, тогда как в большинстве стран он составляет 60-100 кв. метров. В 1970 году средний размер жилой площади на человека в СССР и по явно завышенным данным составлял около 9 кв. метров. В ФРГ он был 37, в США — 35, а в других капиталистических странах — не менее 20-28 кв. метров на человека. В 1971 году в Москве не ставили семью в очередь на квартиру, если на человека в ней приходилось более 4 кв. метров (этого, конечно, в справочнике не найти). Однако в справочнике можно (на 583-й стр.) найти любопытное примечание. В 1913 году жилой фонд Москвы составлял 11,9 млн. кв. метров, а в 1969 году — 61,3 млн. кв. метров, то есть в 5 раз больше. Но за

эти годы невероятно выросли и площадь Москвы и ее население. Таким образом, в новой Москве обеспеченность населения жилплощадью не увеличилась, а уменьшилась.

На стр. 582: прирост площадей, начиная с 1960 года, составляет примерно 50 млн. кв. метров в год (в Японии — 90 млн.). Естественный прирост населения составлял около 3 миллионов человек в год. Следовательно, строящаяся ежегодно жилая площадь едва покрывает естественный прирост населения, если даже считать по 15 кв. метров на человека, а не по 20-30, как полагалось бы по международным нормам.

Несмотря на пропагандистский бум и впечатляющую картину строительных кранов и новых кварталов, положение с жильем в СССР чрезвычайно тяжелое и, в сущности, как видно из цифр, не имеет перспектив улучшения в ближайшем будущем. Во всяком случае, улучшения, хотя бы отдаленно сравнимого с положением на Западе. Жители Запада, кричащие о своем жилищном кризисе и указывающие на «колоссальное строительство жилья в СССР», не понимают, что по советским нормам, у них не только не было бы кризиса, а больше половины квартир было бы свободно вообще.

Кроме того, я уверен, что даже если не говорить о площади квартир, мало кто из очень нуждающихся жителей Запада согласился бы жить в новых квартирах в СССР из-за очень низкого качества их постройки.

ОБРАЗОВАНИЕ

В течение очень долгого времени я был уверен, что СССР если не по качественным, то по количественным показателям в области образования движется очень большими шагами вперед и уровень образованности населения в нем уже очень высок. Однако, общаясь с людьми на работе, я постепенно начал сомневаться в этом: образовательный и культурный ценз трудящихся как-то противоречил моим представлениям. Это впечатление усилилось, когда мне пришлось организовать в новопостроенном НИИ в Москве большое научно-исследовательское подразделение. Нам с заместителем нужно было подобрать около 400 человек рабочих разных специальностей, для чего мне пришлось беседовать более, чем с двумя тысячами кандидатов. При всем моем оптимизме, я вынужден был установить, что их средний культурный уровень был весьма низким, многие не окончили даже семилетней школы.

Особенно чувствовалась низкая грамотность и развитие. Причем во многих случаях документ об образовании явно противоречил развитию человека. Многие имели аттестаты об окончании вечерних школ; конечно, трудно получать образование после рабочего дня...

Уровень образования прежде всего сказывается на языке людей, построении фраз, их содержании. Пищу для размышлений мне дали и разговоры, услышанные на улице, в магазинах, в кино... Я стал специально прислушиваться, и меня поразило преобладание языка явно необразованного,

малообразованного или, скажем, малокультурного человека. Матерную ругань или матерные слова, бессмысленно вставляемые в фразы, у нас слышно ежедневно и ежечасно в любом месте. Эти слова, как правило, употребляются не в ссоре, что имело бы какое-то оправдание, а в обычном разговоре между друзьями или знакомыми, мирно беседующими, идя по улице.

Любопытно, что присутствие девушек почти не меняет положения, да они и сами зачастую произносят матерные слова.

Конечно, между говором и образованием не всегда можно установить прямую связь, но то, что я слышал и с чем сталкивался, заставило меня исследовать советскую статистику для выяснения — хоть прикрашенного и официального — положения с образованием. Кстати, за последние годы стали появляться статистические сборники. Из многих обследованных справочников ограничусь уже цитированным.

Оказалось, что на 240 млн. населения СССР на 1968 год приходится:

научных работников	0,34%
с высшим образованием	2,67%
с полным общим образованием	6,1 %
с семиклассным и меньше (практически — необразованные)	20,3%
К этому я присчитал:	
учащихся в вузах	1,85%
учащихся в различных школах	20,5%
приб. детей дошкольного возраста	10,00%
	<hr/>
	61,76%

Таким образом, после 50 лет советской власти (огромный срок) около 40% населения не имеет никакого образования и не учится!

Очевидно, отсутствие в справочнике распределения населения по возрастам и «баланса образования» не случайно, но пройдет для большинства незамеченным. Я был крайне поражен, получив такой результат. Он, конечно, полностью подтвердил мои жизненные наблюдения: семи лет школы еще недостаточно, чтобы стать образованным человеком. Следовательно, образованных людей в СССР меньше чем один на 10 человек. Поэтому, конечно, на улице их просто можно и не заметить. Раскрылось также вопиющее противоречие между разговорами о высшем образовании (скоро за станки встанут высокообразованные инженеры) и реальной жизнью. Прием в вузы представляет собой ничтожную цифру — 0,37%, а выпуск окончивших — еще меньшую: 0,2% населения СССР.

Когда эти цифры доходят до сознания, становится ясным, что и ругань, и грубость, так сильно распространенные в СССР, и низкий средний культурно-образовательный уровень рабочего класса и колхозников — прямое следствие недостаточности образования.

Так для меня провалился миф о высочайшем уровне образования в СССР. Если сопоставить число так называемых «почтовых ящиков», работающих на войну, с количеством школ и учебных заведений в той же Москве, то счет будет не в пользу последних, что теперь, конечно, не удивляет.

Таким образом, социализм не привел и не приведет к обществу, в котором все его граждане —

образованные люди (не будем говорить — высокообразованные).

Эффективность (производительность труда) социализма явно недостаточна, чтобы содержать много людей, получающих образование, за счет работающих.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Медицинское обслуживание в СССР — бесплатное и составляет предмет особой гордости официальных лиц, хотя средства на это, конечно, не валяются с неба, а идут из одного и того же кармана — кармана работающих. Правда, в СССР сознательно замалчивают, что и в ряде капиталистических стран медицинское обслуживание тоже бесплатное. Население СССР совершенно искренне считает, что это возможно только при социализме. Поэтому для заболевших туристов устраиваются часто настоящие спектакли с бесплатной медицинской помощью.

Наша семья до революции вся лечилась у хорошего «домашнего врача» Ольшанецкого, хотя отец был простым электромонтером, а мать — домашней хозяйкой. Это продолжалось до тридцатых годов, когда Ольшанецкого расстреляли неизвестно за что.

Из домашних разговоров у меня сохранилось впечатление, что эта медицинская помощь была весьма и весьма удовлетворительной.

В настоящее время в СССР нет врачей, как-то связанных с вашим личным здоровьем. Медицинская помощь обезличена, и вы каждый раз сталкиваетесь с новым врачом, который вас не знает и не знает особенностей вашего организма. Единственная «ниточка» — это ваша медицинская карта — история болезни, составленная из записей разных врачей в результате ваших посещений поликлиники, к которой вы прикреплены. Как легко понять, это сразу создает атмосферу определенной

безответственности в отношении заботы о вашем здоровье.

«Нагрузка» врачей столь велика (до десятка и более пациентов в час), а зарплата столь низка (приходится по совместительству работать), что у врача практически нет времени и сил достаточно хорошо ознакомиться с вашей болезнью. А что касается его интереса, то это и вообще чрезвычайно редко.

Это положение, конечно, находится в вопиющем противоречии с официальными данными о количестве врачей на 1000 человек населения. Либо население больше, чем положено, болеет, либо, фактически, врачей меньше, чем показано, либо эти врачи не занимаются лечением (известно и такое: мне приходилось беседовать с лицами медицинской профессии — сестры, — которые хотели у нас работать откачниками, контролерами, испытателями). Очевидная причина — тяжелые условия работы: зарплата, на которую даже один человек прожить толком не может, требовательные пациенты, недостаток времени и возможностей для нормальной медицинской практики и, конечно, нервное перенапряжение. Многие медики идут в исследовательские институты. Врачами работают либо идеалисты (в общем, их не так мало), либо люди привыкшие, втянувшиеся.

«Бесплатная медицинская помощь», в результате, породила хозрасчетные медицинские учреждения (довольно много), которые лечат за деньги, и многочисленные специальные (закрытые для обычного населения) поликлиники, которые лечат привилегированных людей. Платные медицинские учреждения пользуются большой популярностью (отчего бы?!), так как врачи в них более внима-

тельны к пациентам. В специальных привилегированных поликлиниках, конечно, медицинская помощь значительно лучше и может даже сравниться иногда с западноевропейским уровнем обслуживания. Что касается партийно-правительственной аристократии, то у нее бывают даже личные врачи и ей обеспечивается высший уровень медицинской техники и внимания.

Я думаю, читателю понятно, что такое «бесплатная медицинская помощь», которой все, кто в состоянии, предпочитают не пользоваться. В частности, и я был прикреплен к специальной Центральной поликлинике № 1 Министерства здравоохранения РСФСР, обслуживавшей научных работников. Я не скажу, чтобы это было что-то особенное, но, конечно, ни в какое сравнение не шло с обычной поликлиникой.

В 1969 году у меня произошло обострение аденомы предстательной железы и волею судеб я попал на операцию в урологическую клинику знаменитого профессора Лопаткина, действительно крупного специалиста и ученого — главного уролога СССР. Эта клиника — одновременно и учебное заведение, в котором обучаются студенты 1-го медицинского института. Она не относится к специальным закрытым медицинским учреждениям для привилегированных, но в ней работают (по исторически сложившимся обстоятельствам, как в части медицинского института) высококвалифицированные хирурги. Поэтому в нее, в известных случаях, может попасть каждый гражданин.

Сначала мне велели снять всю свою одежду и дали серую, невыглаженную пару белья (кальсоны и рубашку), с завязками вместо пуговиц, стра-

шные, мышиного цвета заношенные штаны не моего размера и такую же куртку. Потом мне удалось вместо этого получить халат. Халат тоже был не по размеру, тоже страшно изношен и сначала вызвал во мне чувство брезгливости (как и все белье), но в нем было удобнее. Затем меня поместили в «палату», где стояли шесть кроватей у одной стены, шесть — у другой и еще две в проходе, всего 14. Запах в таком переполненном помещении не оставлял никакого сомнения в том, что это было урологическое отделение. Главный врач палаты (было еще два врача-практиканта) Элана Константиновна — красивая молодая женщина (правда, с характером зловредного фельдфебеля царской армии), как только входила, набрасывалась на всех с бранью и требовала открыть окна и дверь в коридор (специальной вентиляции не было). Была зима, и слабые и уже простуженные больные пытались возражать, но безуспешно.

Необходимой оснастки было настолько мало, что больные покупали сами или пользовались пивными и винными бутылками, устраивали себе всякие самодельные приспособления. На всем оборудовании клиники, за исключением нескольких специальных аппаратов, лежала печать глубокой старости, изношенности, недостаточности и запущенности. Кислородный баллон, которым пользовались в тяжелых случаях, был промышленным баллоном полутора метров высоты и весом килограммов сто, да еще, как всегда, с плохо работающим редуктором. При неосторожном обращении можно было просто задушить больного или порвать ему легкие. К тому же, и обращаться с ним никто не умел, и мне пришлось помогать с ним управляться. На нашу палату и на трех док-

торов была одна сестра, которая работала одну смену и грозила совсем уволиться. На весь наш коридор была еще одна сменная дежурная сестра. Больные, конечно, приучались справляться со своими затруднениями сами, так как и няня была одна на весь коридор с четырьмя палатами.

Ночью сестра и няня, как правило, спали, спрятавшись в каком-либо укромном месте. Дозваться ночью их было невозможно, так как сигнализация почти отсутствовала, да и ничему не помогала.

Когда сделали операцию, меня положили в палату на двоих. Ночью я сбросил с себя всю «сбрую» и во сне начал бродить по коридорам, по лестнице, пока не попал в освещенное помещение, где находилась сестра другого отделения. Она-то и вернула меня обратно.

По мере того, как действие наркоза исчезало, я стал испытывать страшные боли из-за «амуниции», или «сбруи», которая впору была бы лошадям, а не людям. Мой хирург — Элана Константиновна (не сомневаюсь, превосходный хирург) не позволяла ничем облегчить мое положение. Наконец, я уже не мог терпеть и сбросил амуницию сам (оказалось, что очень многие были вынуждены так поступать), за что и был Эланою Константиновной изруган самыми отборными ругательствами. К сожалению, этот стиль обращения с больными, как с объектами операции, а не с людьми, был присущ не только ей, но представлял собою общее явление. Однажды ночью (в коридоре для послеоперационных больных) мне стало совсем плохо; я стал звать на помощь, но безуспешно. Когда же больше, чем через полчаса явился злющий «милосердный брат», он пригро-

зил задать мне трёпку, если я не угомонюсь, и ушел, не оказав помощи.

Ночью при таких же обстоятельствах умер один, правда 70-летний, старик (и сам доктор). Обнаружили его мертвым только утром.

Если хирургия была в известной мере на высоте («школа Лопаткина»), то лечение после операции было совершенно неумелое. У большинства пациентов были осложнения, мало связанные с сутью операции, а в результате простуды или инфекции. Условия антисептики были настолько безобразны, что говорить о стерильности и не приходится. Вместо сушильных шкафов, как правило, пользовались батареями центрального отопления. Стерилизация инструмента и материалов производилась примитивно и без должного контроля.

Нечего было удивляться, что у меня, никогда до операции не пользовавшегося антибиотиками, позже обнаружили бактерии, не реагирующие на весь ряд имевшихся антибиотиков. Сын моего товарища, лечившийся в такой же урологической клинике от болезни почек, был заражен крайне опасно болезнью Боткина (болезнь печени), через плохо стерилизованный шприц.

После операции я тоже подхватил инфекцию и переболел уретральной лихорадкой, а затем воспалением легких. Температура была выше 40°, и я уже приготовился умирать. Но, говорят, «русский человек выздоровеет, так и так выздоровеет, а помрет, так и так помрет». И я выздоровел. Гоголя приходилось всё время вспоминать. И главная причина, несомненно, как при Гоголе, одна: на каждого больного отпускается в десятки раз

меньше средств («бесплатная помощь»), чем нужно для нормального лечения. В «кремлевских» больницах на больного отпускается почти в сто раз больше, чем, скажем, в клинике Лопаткина или в других обычных больницах. Сестры и няни получают такую мизерную зарплату (60-80 руб. в месяц), что никто не идет работать. Как и при Гоголе, поэтому широко распространены взятки — и натурой, и деньгами.

Я задержался на этом описании, чтобы было яснее, что кроется под названием «бесплатная медицинская помощь в СССР».

Таким образом, эффективность (производительность труда) социализма оказывается недостаточной и для обеспечения порядочной медицинской помощи среднему человеку. Однако, ловко жонглируя статистикой, при указанном мною соотношении (1 : 100) средств, отпускаемых на обычного и привилегированного больного, можно, конечно, вывести хорошую среднюю статистическую цифру медицинского обслуживания.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. НАУКА И ТЕХНИКА

Еще в начале своей жизненной карьеры я был свидетелем и даже участником технического обновления электронной промышленности (тогда она называлась электро-вакуумной). СССР заключил с крупнейшей и передовой фирмой США — RCA — договор о технической помощи. По этому договору RCA строила в СССР ряд заводов для производства электронных ламп, радиоприемников и т. д. Кроме того, поставлялось современное оборудование, материалы, образцы, техническая документация, а наши люди обучались на предприятиях RCA. Этот договор, конечно, способствовал развитию электронной промышленности и техники в СССР. Это было в тридцатых и начале сороковых годов. Впоследствии было заключено еще много договоров с различными фирмами по всему миру, но уже значительно меньшего масштаба.

К чему это привело? Электронная промышленность, безусловно, выросла и развилась. Построено много заводов, научно-исследовательских институтов, КБ, ОКБ, СКБ и так далее. Некоторые научно-исследовательские комплексы достигают огромной величины — в них работает около 10-15 тысяч человек. По ряду военных электронных устройств (по характеристикам их) мы находимся на уровне современной техники и даже превышаем его. Со времени договора с RCA прошло 30 лет — срок огромный. Что, однако, характерно?

1. Главные достижения касаются военных приборов и военной техники.

2. Ни продукция в целом, ни часть ее не могут конкурировать с продукцией внешнего мира на нормальной основе: определенное качество и количество за определенную цену. (Это, конечно, не значит, что нельзя применять демпинг.)

3. Техническая база даже первоклассных, построенных в течение последнего десятилетия исследовательских институтов и заводов уже устарела.

4. Больше того, эта техническая база была уже устаревшей в самих проектах и в самом строительстве.

5. Отсутствуют механизм, организация и необходимые средства для обновления технической базы.

6. Прогресс наблюдается там, где есть энергичные, настойчивые, изобретательные и творческие люди, не боящиеся наказаний за свою инициативу. К счастью, такие люди еще не перевелись.

Точно та же картина, насколько мне известно, и в автомобильной промышленности, и в химической, и во всех остальных. Больше того, СССР уже лишился преимуществ страны, начинающей строить промышленность заново. На ногах висит груз огромной стареющей промышленности, которую нельзя сбросить со счетов и начать создавать современную заново.

В чем же дело? Почему промышленность СССР не может быть самой передовой в мире? Почему лозунг: «догнать и перегнать» невыполним?

Причина всё та же. В консерватизме и негибкости социализма. Я уже рассказывал о перипе-

тиях, связанных с проектированием и строительством нашего института.

То, о чем я рассказал, с теми или другими вариациями повторяется везде.

Вполне можно понять положение планирующих организаций в их явном стремлении планировать конечный продукт, а не почву, так сказать, на которой этот продукт растет. Во-первых, это много легче. Во-вторых, это именно то, что требуют управители (краны и гайки их тоже не интересуют). В-третьих, почва, на которой «растет» продукция, уж очень неопределенна и ее в планах пропагандистски выгодно никак не представишь.

Поэтому как дело началось 50 лет назад, так и сейчас делается. Строятся огромные предприятия по замкнутому циклу, как натуральные хозяйства. Завод радиоприемников сам же изготавливает и большую часть деталей, и не потому, что это экономически выгодно, а потому, что нет отдельного производства этих частей. Поэтому завод прекрасно выглядит, посещение его доставляет членам правительства удовольствие, и тем не менее, он уже обречен на слишком быструю устарелость и неспособность к быстрому и экономичному обновлению. Нужны огромные вложения в развитие промышленности (разработки и производства) всяких массовых деталей, инструментов, измерителей и т. д. — тех «кирпичиков», из которых строится, собственно говоря, вся современная техника. Однако при планировании на короткие сроки проще и, главное, дешевле делать всё вместе, а не по элементам. Ни один самый разумный работник Госплана не сможет добиться выделения крупных средств, необходимых для чего-то, что не представляет собой конечный

продукт. А если и добьется, то для решения какого-то отдельного вопроса, помогающего избежать особенно больших неприятностей в масштабе всего государства.

Таким образом, и в этом централизованное плановое хозяйство, по сути своей, чрезвычайно неэкономично по сравнению с «хаотическим планированием» сотен тысяч и даже миллионов индивидуальных предпринимателей.

У знаменитого физика Шредингера есть прекрасно написанная книга «Что такое жизнь». Он в ней говорит о целесообразной степени чувствительности наших органов чувств. Если бы наши глаза могли реагировать на каждый квант световой энергии, а мозг соответственно действовал бы, мы не вели бы себя целесообразно. Для этого целесообразного поведения жизненно необходимо интегрировать по множеству квантовых воздействий. Это интегрирование целесообразно происходит примерно за 0,1 секунды.

С другой стороны, представим себе, что интегрирование было бы еще больше и соответствовало бы одному, скажем, часу. Ездить в автомашине было бы уже невозможно: пока мы проинтегрировали бы события, произошло бы много катастроф. Не потому ли очень чувствительные люди (с малой постоянной времени) хаотичны и непредсказуемы, а малочувствительные — малоэффективны в своих действиях.

Так и Госплан, естественно, с очень большой постоянной времени интегрирования, приводит к хозяйственным катастрофам раньше, чем замечает их приближение.

Человеческому обществу нужна, конечно, система со значительно меньшим временем интегри-

рования, чем у централизованного планового хозяйства, но при социализме это неосуществимо.

Ну, а социалистическая наука? Беды ее, конечно, те же самые.

Ученый хочет исследовать, скажем, структуру глаза мухи, или, допустим, то, как она удерживается на потолке и не падает. В результате этого исследования может возникнуть новая очень широкоугольная оптика или могут быть разработаны средства хождения по вертикальным стенам. Но у него нет аппаратуры для проведения таких исследований, кроме, скажем, просто микроскопа или обычного электронного микроскопа. Превосходный же инструмент для этого — сканирующий электронный микроскоп, о котором ученый, конечно, знает, ему недоступен. Самое быстрое — купить у капиталистов, но один уже купили (МГУ), пользоваться им хотят многие, и надо ждать много месяцев своей очереди. Кроме того, раз уже один есть, нужно (согласно концепции Госплана) его скопировать и производить самим. Организация, которая согласится взяться за разработку (копирование), с трудом, но найдется — за большие деньги при весьма длительном сроке выполнения заказа, но о производстве прибора говорить уже не приходится.

Так наша наука вынуждена при известной, производимой капиталистами, современной технике пользоваться более примитивными средствами и, естественно, получать более скромные результаты.

Последние годы в Академии наук и в различных организациях, включая Госплан, обсуждается вопрос, как быть с исследованиями, требующими всё новые и всё более сложные технические сред-

ства. Их освоение тянется годами и всегда запаздывает. В условиях централизованного планового хозяйства вопрос решить нельзя — велика постоянная времени.

Поэтому наша наука зависит, в основном, от изобретательности ученого, его энергии и случайных обстоятельств или, конечно, от связи с военной техникой.

Ученые чувствуют и даже знают это положение. Всем также известно, что в нашей стране очень много научных сведений или изобретений используется впервые после реализации их производства американцами. Объясняется это просто: «американцы — они богатые». Ничего удивительного в этом нет. Изобретения, новые научные сведения больше зависят от людей и меньше от социалистического государства и стоят значительно меньше. Реализация же и широкое применение их стоят всегда больше денег и невозможны без планирования социалистическим государством.

Таким образом, наука в СССР либо работает на войну и тогда с грехом пополам обеспечивается, либо влачит жалкое существование из-за недостатка средств и отсутствия «кирпичиков», из которых складывается любая исследовательская аппаратура в наше время.

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА

Военно-промышленный комплекс СССР — это совершенно уникальное по своим масштабам явление в мировой практике. В СССР, по сути дела, нет чисто гражданской промышленности, которая была бы достаточно развита. Немногочисленные предприятия гражданской промышленности в среднем характеризуются тремя чертами. Во-первых, устарелостью и запущенностью. Во-вторых, доведенной до предела эксплуатацией работников. (Скорость конвейеров, скажем, швейных предприятий такова, что выматывает человека физически и душевно до предела. Работница, например, на текстильных фабриках, находясь в условиях высокой влажности и страшного шума, за день делает не менее 20 км, обслуживая много станков. В то же время зарплата на гражданских предприятиях значительно меньше, чем на военных.) И наконец, в-третьих, — снятием максимальных доходов в бюджет государства.

Качество продукции, как я уже говорил, отвратительное, что естественно, так как гражданская промышленность нужна государству главным образом для выкачивания денег из населения, а не для его обслуживания. Но гражданская промышленность не справляется и с этой задачей, и тогда Госплан прибегает к быстродействующей мере — к строительству пивных и винных заводов или к увеличению программы существующих, чтобы выкачать из населения недостающие миллиарды рублей. По этой же причине, как я уже говорил,

приходится принуждать военные промышленные и военные научно-исследовательские предприятия к выпуску предметов ширпотреба, так как иначе даже молчаливое и непрерывное повышение цен на потребительские товары оказывается недостаточным и сумма этих товаров не покрывает в должной мере выданную населению зарплату.

Я был очень удивлен (по неопытности), когда выяснилось, что даже закупки потребительских товаров за рубежом могут использоваться для ограбления населения с целью обеспечения гигантской военной промышленности. А произошло вот что. Моя знакомая купила австрийские дамские сапожки за 50 рублей и обнаружила в них существенный брак. В магазине, продавшем сапожки, естественно, ничего не могли сделать, так как вся партия их была очень быстро распродана и заменить было нечем. В магазине ей, видимо в шутку, сказали, чтобы она написала в Австрию и потребовала от фирмы возмещения убытков. Моя знакомая — энергичный и бойкий человек — так и сделала и получила ответ, из которого следовало, что можно отослать сапожки фирме и получить за них 5 рублей (вместо 50). Так, выяснилось, что на одних австрийских сапожках советское государство наживает около 900%.

Управители СССР идут на всё, чтобы поддерживать военную промышленность, на которую тратится около 80-90% всех производственных средств. Их замысел прост: в мирное время выуживать деньги у населения, продавая ему потребительские товары, закупаемые у стран-сателлитов и у других стран, а в военное время — грабить население и без них, пользуясь «законами» военного времени.

Централизованное, диктаторское управление дает возможность колоссально развить военный потенциал и военную технику, несмотря даже на невысокую организационную и техническую эффективность военной промышленности. Тем более, что эта техническая эффективность всё же значительно выше, чем в гражданской промышленности, что возможно только в социалистическом государстве. Ни одному капиталистическому (недиктаторскому) государству такой грабёж населения и такое раздувание военного потенциала просто недоступны. Последние четверть века управители СССР, опять-таки за счет населения, стараются создать себе военные базы и ячейки по всему миру под флагом помощи угнетенным народам. Это нужно по многим причинам: престиж; торговля оружием, необходимая для развития военной техники в СССР; желание распространить по всему миру свое влияние хотя бы военными средствами, если не удалось идеологическими и революционными; проверка военной техники в действии, как на полигонах.

Мечта о завоевании мира любыми средствами, безусловно, остается в умах управителей СССР, хотя, конечно, вслух об этом никто не скажет. Экономические неуспехи, невозможность обеспечить высокую эффективность организации и управления — нанесли сильный удар этой мечте. Однако, спросим себя, для чего же еще нужно такое раздувание военной мощи и колоссальные траты на «помощь» угнетенным? Ведь ни одна из капиталистических стран (о Китае мы не говорим) сейчас не нападет и не сможет напасть на СССР. Тем не менее, именно сейчас «военное

присутствие» СССР распространяется по всему миру.

Таким образом, 240-миллионный народ СССР, хотя и не по своей воле прикован к военно-промышленному комплексу, но вкладывает в него свои силы, знания и труд, которые, конечно, нельзя сбросить со счетов. Именно эта огромная сила (при всей неэффективности социалистического государства) поражает мир новой военной техникой и приводит в трепет наиболее чутких врагов и в восторг — малоосведомленных друзей.

Но колоссально раздутый военный потенциал включает в себе самом и свою гибель. В 1917-19 годах победил не военный потенциал, а люди. Сейчас именно опыт социалистического государства приводит к тому, что люди — население СССР — становятся все меньше и меньше похожими на тех, кто завоевал победу в 1917-19 годах. Крушение социалистических идей в умах людей не может быть скомпенсировано никакой военной техникой. Именно это всегда подчеркивалось (и правильно) всеми крупнейшими деятелями СССР: «воюет не техника, а солдат». Военная техника Советского Союза представляет собой, так сказать, парадокс: с одной стороны — огромная, впечатляющая сила, а с другой — гниющая сердцевина, свидетельствующая о неэффективности социализма и в этой области.

РАВЕНСТВО, СВОБОДА ОТ ЭКСПЛУАТАЦИИ, ПРАВО НА ТРУД

Можно сказать, что на знаменах социализма записаны слова: «Равенство и свобода от эксплуатации. Право на труд и обеспечение по старости». И найдется немало людей, которые, признавая неэффективность социализма и его неспособность создать высокий уровень жизни, всё-таки считают, что социальное обеспечение здесь одинаково для всех. К сожалению, это не так. Социализм дает прекрасное экспериментальное доказательство того, что при менее эффективных общественных системах увеличивается различие в жизнеобеспечении людей, особенно в сторону крайней нищеты. Дело в том, что люди в социалистическом государстве, к его счастью или несчастью, такие же, как в любом другом. Поэтому, чтобы как-то действовали неэффективные государственные механизмы, нужно обеспечить обслуживающих их людей вполне материальными стимулами. Изгнав стимул наживы в дверь, приходится впускать его в окно в виде материальных благ, которые ожидают человека, если он выполняет требуемую от него работу. Кроме того, требование, чтобы работа соответствовала определенным политическим установкам, делает ее невероятно сложной и неприятной, а следовательно, и стимулы за ее выполнение должны быть более существенными.

В связи с этим в СССР, при официальной средней зарплате в 120 рублей, официальный мини-

мум составляет 60 рублей, а официального максимума вообще нет. Директор нашего научно-исследовательского института получал 500-600 рублей. Министр — 700-800. В ряде случаев зарплата достигает полутора тысяч в месяц. В то же время зарплата директора магазина или гражданской фабрики может быть от 140 до 200 рублей. Один из работников Госплана, когда я пытался доказать ему абсурдность установления нашему НИИ средней зарплаты на уровне 109 рублей при средней по СССР в 120, со злостью заявил мне, что 120 не соответствуют действительности.

Для того, чтобы судить, что такое официальный минимум в 60 рублей, я дам маленькую табличку цен:

Мясо, кг	4 р. 50 к.
Сливочное масло, кг	3 р. 60 к.
Колбаса, кг	2 р. 90 к.
Яблоки, кг	1 р. 60 к.
Апельсины, кг	1 р. 40 к.
Сахар, кг	90 к
Ботинки	25-40 р.
Верхняя рубашка	7 р.
Носки хлопчатобумажные	30-50 к.
Костюм	70-180 р.
Зимнее пальто	140-200 р.
Демисезонное пальто	100-140 р.
Холодильник	160-300 р.
Телевизор	180-800 р.
Кресло	50 р.
Книжный шкаф	100-140 р.
Проезд от Ленинграда до Москвы	10 р.
Билет в кино	25-75 к.
Билет в театр	60 к. - 4 р.

Книги	50 к. - 5 р.
Водка (0,5 литра)	3. р. 20 к.
Автомашина	5000-8000 р.

Таким образом, официальный минимум зарплаты (а есть множество людей, которые получают и меньше, так как работают неполное время) официально санкционирует нищету. При соотношении зарплат 1 к 15 или даже к 30 говорить об объявленном социализмом равенстве не приходится.

Полюс нищеты мы уже знаем, но до полюса богатства мы еще не добрались. Дело в том, что самая верхушка — управители — вообще не имеют установленной зарплаты. Они имеют так называемый открытый текущий счет, который ничем не ограничен. Иными словами, их «зарплата» зависит от того, что они хотят иметь. Таким образом, они живут уже «при коммунизме»: «от тебя по способностям» (их способности, прямо скажем, невысокие), а «тебе по потребностям» (значительно выше способностей).

Существуют и писатели, сумевшие совместить некоторый талант с восхвалением власти. На их счетах в сберкассах — миллионы рублей. Таковы, например, К. Симонов (наиболее талантливый из них), А. Корнейчук, М. Шолохов и др. Следовательно, если судить только по доходам, то неравенство в СССР, безусловно, превосходит неравенство, скажем, во Франции: по данным одной советской книги, соотношение зарплаты рабочего и директора предприятия во Франции не превышает 1 к 6. Там же утверждается, что и пенсии только в шесть раз меньше зарплаты директора.

А в отношении пенсий неравенство в СССР еще более значительно. Престарелая мать моего хорошего знакомого — заслуженная колхозница, которая не может больше работать и живет отдельно от сына в деревне, — получает пенсию в размере пяти рублей в месяц. 25 рублей получает (и другой помощи не имеет) одна моя знакомая — высокообразованный человек, искусствовед. Как она ухитряется жить на такую сумму, — одному Богу известно. Огромное количество людей не получает никакой пенсии, так как не попадает под закон (нужен документально оформленный стаж работы на государственных предприятиях). Максимальная же пенсия для любого трудящегося не может превышать 120 рублей в месяц. Средняя пенсия составляет 60-80 рублей.

Научные работники могут рассчитывать на большую пенсию (максимум 160 рублей). Если бы я ушел на пенсию, то получал бы именно столько. Одному жить можно, а семью прокормить очень трудно. По данным закрытой конференции экономистов, в 1964 году прожиточный минимум составлял 160 рублей на человека. К 1971 году он составлял существенно бóльшую цифру, так как цены неудержимо (без объявлений о том) растут. Однако, если вы имеете особые (политические) заслуги, то ваша пенсия может достигать 200 и более рублей в месяц. Таким образом, в отношении пенсионного обеспечения неравенство еще более вопиющее: соотношение 0 к 200 или, в лучшем случае, 5 к 200 (40 раз).

Однако это еще не всё. Система так устроена, что деньги прямо, однозначно не эквивалентны

услугам или товарам. Для получения ряда товаров или услуг их, этих денег, недостаточно. Нужно еще принадлежать к привилегированному сословию, проявлять высокую (и правильную) политическую активность или иметь особые знакомства, нужно то, что называется «блатом». Без этих трех условий вы ничего не сможете сделать. Так, если у вас были бы деньги, чтобы купить или построить квартиру или дом, осуществить это вы не сможете. Если ваши доходы могли бы вам позволить поехать в туристскую поездку по стране или за границу, это вам тоже не удастся.

Всё это — естественное следствие социализма: дефицита товаров и услуг и необходимости управлять людьми вопреки естественным законам. Допустить, чтобы заработанные вами деньги давали вам слишком большую свободу действий, опасно. Поэтому деньги — не основное в системе распределения благ в социалистическом государстве. Главная система распределения, обеспечивающая более человеческую жизнь, остается в руках управителей.

Более обширная система распределения благ существует скрыто от глаз населения. Это — «закрытые» магазины и обслуживающие организации для привилегированных сословий: начиная с директоров крупнейших предприятий (в основном военной промышленности, науки и техники) и аппарата райкомов КПСС. Эти привилегии имеют длинный ряд градаций — нечто гораздо более изошренное, чем царский табель о рангах. Скажем, одна ступень может означать доступ в закрытый продовольственный магазин. Другая — в

ряд магазинов. Третья — пользование богато обставленной и обслуживаемой государственной дачей, домом отдыха или курортом. Ранги строго соблюдаются. Профсоюзные аппаратчики и директора ценятся значительно ниже, чем аппарат или секретари райкомов. Те, в свою очередь, ниже аппарата и секретарей обкомов. Дипломаты (в зависимости от ранга) тоже размещаются на разных ступенях. Также и работники судебных органов. Одни из наиболее привилегированных — конечно, работники КГБ.

Поскольку блага распределяются не в соответствии с производимой работой, а в зависимости от усердия по отношению к начальству и, главное, от мнения начальства, то зависть, интриги, подхалимство, лицемерие — словом, все худшее, что может быть в человеке, составляют специфическую атмосферу в этих кругах. Эта атмосфера, наряду с ощущением возможности любого произвола начальника по отношению к подчиненному и возможности лишиться «теплого местечка», практически исключают присутствие в этих кругах людей, которых мы привыкли называть порядочными, если, конечно, не говорить о редких и временных исключениях. Происходит тот процесс отбора, о котором я уже говорил в начале.

Эта закрытая система распределения отличается еще двумя свойствами. Во-первых, она может (на соответствующей ступени) обеспечить такие блага, которые ни за какие деньги, ни при каких условиях не доступны среднему человеку. Вплоть до элементов «самого разнузданного капиталистического разложения» (антиидеологические капиталистические фильмы, детективная

литература типа Джемса Бонда, предметы капиталистической роскоши, граммофонные пластинки с эмигрантскими песнями или блатными песенками и так далее). Во-вторых, по совокупности благ, которые можно получить, один советский рубль в этой системе стоит не менее десяти в открытой системе. Таким образом, соотношение зарплат увеличивается еще раз в десять. Но едва ли даже такая поправка может дать представление об этом неравенстве. Что касается высшей правительственной аристократии, то жизнь царской семьи и двора представляется скромной и неизысканной по сравнению с их жизнью. Каждый член Политбюро имеет несколько поместий с огромным количеством obsługi. Если вы побываете на Ленинских горах в Москве, то увидите за толстыми и бетонными стенами с лепными украшениями тщательно оберегаемые и специально построенные (конечно, за народный счет) дворцы, которым позавидовал бы любой капиталист. И, под конец, следует отметить, что власть этих управителей над людьми, предприятиями и страной настолько неограниченна, что власть денег какого-то Онасиса не идет с ней ни в какое сравнение.

Таким образом, социализм не может обеспечить обещанного равенства — по причинам, присущим ему самому, а не народу. Это социализм выживает честных людей из сферы управления. Это социализм, действуя вопреки естественным законам, требует для аппарата, осуществляющего власть, специальных стимулов, которые были бы не нужны в условиях действия естественных человеческих законов и здравого смысла. (Ина-

че не нашлось бы людей для этого аппарата.) Поэтому и глубина неравенства при социализме, естественно, больше.

Имущественное неравенство тянет за собой и неравенство правовое. Член привилегированного сословия, если он не действует активно против власти, никогда не перестает им быть, несмотря на любые ошибки или неумение. Такие люди занесены в специальные списки номенклатурных работников, — проверенных и надежных слуг власти. Их могут наказать за слишком большие грехи (главным образом, за ненамеренные политические ошибки, но, как правило, не за воровство) понижением в степени привилегированности, но не лишением привилегированности. Их семьи тоже принадлежат к привилегированному кругу. В условиях социализма это значит куда больше, чем дворянское звание при царе. Преступления перед законом, за которые среднего человека сразу посадили бы в тюрьму, им очень просто сходят с рук. Кроме того, всякие расследования деятельности этих лиц, предающие ее гласности, не допускаются. Ведь прокуроры, следователи и редакторы газет находятся тоже в этой касте и их благополучие зависит от этой касты. Таким образом, правовое положение членов привилегированных сословий в СССР куда более прочно, чем, скажем, президента США.

Права же среднего человека ничем не обеспечены. Законов, которые бы недвусмысленно (без возможности по-разному толковать их в разных обстоятельствах) выражали бы сущность деклараций социализма, нет. Законодательная, исполнительная и судебная власть сосредоточены в од-

них руках, в одной касте, и поэтому законы толкуются так, как это нужно управителям и касте. Заключение людей в тюрьмы, в психиатрические больницы, отказ в реализации права выезда для граждан СССР, хотя СССР подписал декларацию, включающую это право — обычное дело в Советском Союзе.

Границы между привилегированными сословиями и средними людьми таковы, что они совершенно друг с другом не общаются. Привилегированные совершенно искренне презирают среднего человека. Таким образом, социализм в области права не обеспечивает равенства для граждан государства. И это опять-таки — следствие сущности социализма, а не особенных условий в СССР.

Пожалуй, в качестве иллюстраций правового положения граждан следует показать, каковы бы были действия управителей СССР в таком конфликте, как ирландский. В истории СССР аналогичных конфликтов было немало, и управители, действуя по хорошо разработанному рецепту, разделялись с ними (и разделяются сейчас) запросто и радикально (конечно, за счет того же кармана — кармана трудящегося СССР).

Действия будут следующими:

1. Вся наземная и морская граница Северной Ирландии укрепляется и защищается солдатами из расчета 1-2 человека на каждые 100 метров.

2. По всей длине наземной границы делается несколько рядов заграждений из колючей проволоки с перепаханной землей между рядами (чтобы легче видеть следы «нарушителей»). Через

каждые 500 метров — помещения для команд и связи. Затем — солидные армейские подразделения со всей известной военной техникой на случай «прорыва» границы.

3. Запрещение перехода границы. Переходить ее можно лишь по пропускам (после тщательной проверки) и только в одном или двух пунктах.

4. Введение 20-30 км запретных зон вдоль наземных и морских границ, в пределах которых по специальным пропускам живут проверенные люди.

5. Большой флот военных быстроходных патрульных катеров с мощными прожекторами для обеспечения морских границ.

6. Запрещение продажи и ношения любого оружия. Вооруженная охрана всех предприятий, выпускающих любые вещи, могущие служить оружием, и их строгий учет при выпуске.

7. Регистрация всех граждан Северной Ирландии поголовно и введение паспортов.

8. Неожиданное (организованное в одну ночь) «исчезновение» всех «ненадежных» людей из Северной Ирландии и появление их в специальных концлагерях где-нибудь в необитаемых местах на крайнем севере Шотландии для разработки и развития этих мест, а также для трудового исправления (или уничтожения) самих вывезенных.

Все это, разумеется, без какого-либо суда или следствия и без допуска свидетелей. Берусь утверждать (на опыте СССР), что после этого в Северной Ирландии можно будет терпеть сотню другую недовольных без всякого ущерба для стабильности и порядка.

Несколько слов о «праве на труд», записанном в конституции СССР. Здесь суть дела не в самом факте труда, а в соответствующем вознаграждении за труд. Действительно, «право на труд» в СССР есть, но нет права на человеческое, а не нищенское вознаграждение. Я уже не говорю о колхозах, где люди, безусловно, имеют «право на труд», но не хотят трудиться из-за того, что вознаграждение — мизерное. А государственная минимальная зарплата такова, что обеспечивает только нищенское существование, гораздо худшее, чем у человека, получающего пособие по безработице в капиталистическом мире. А что сказать о людях, которые и ее не получают? А эта пресловутая средняя (да еще завышенная) зарплата по всему СССР в 120 руб. в месяц! Ведь даже если не учитывать раз в 5-10 меньшей покупательной способности рубля, чем по официальному курсу, так и то эта средняя зарплата равна 56 фунтам стерлингов в месяц, то есть меньше капиталистического пособия по безработице. Можно быть уверенным, что никакие социалисты в капиталистических странах на такое «право на труд» не согласились бы. Социализм для большей части народа может обеспечить только право на труд без вознаграждения (или с мизерным вознаграждением). Это опять-таки вытекает из его экономической неэффективности.

В степень эксплуатации народа в СССР трудно поверить. Люди получают не больше 5-15% того, что производят. Остальное уходит на содержание управителей, привилегированного сословия, громадного аппарата подавления и, конечно (такого же громадного) военного аппарата.

19 октября 1972 года в «Известиях» был опубликован доклад председателя Госплана Н. К. Байбакова о ходе выполнения плана в 1971-72 гг. и о плане на 1973 год. Приводимые в докладе цифры, безусловно, сильно приукрашены, но даже и по ним можно оценить распределение общественного «пирога» при социализме. Прибыль промышленности запректирована на 1973 год в 97,7 млрд. рублей. При средней зарплате 120 руб. в месяц 90 млн. работающих в СССР заработают в год 130 млрд. рублей. У них будут взяты налоги 16,5 млрд. руб. Таким образом, сумма доходов работающих будет 114,4 млрд. руб. Доход же государства составит $97,7 + 16,5 = 114,2$ млрд. руб. Следовательно, трудящиеся получают всего 50% «пирога», а доля государства составит тоже 50%. (В Англии же доля капиталистов в 1972 году составила около 10%.)

Нужно иметь в виду, что социалистическое государство пожирает и значительную часть 114,4 млрд. рублей, достающихся трудящимся, живаясь на продаваемых им продуктах питания и товарах. (Скажем, заготовительные цены на сельхозпродукцию составляют не более 1/4 продажных цен. Себестоимость, скажем, водки составляет меньше 0,01 продажной цены.)

Так и получается фактическое распределение «пирога доходов» в социалистическом государстве: 10-15% трудящимся и 85-90% государству.

По сравнению с этим, эксплуатация крепостных помещиками в царской России — это райские условия: помещик присваивал от 30 до 50% труда крепостных. В СССР присваивается от 80 до 95%. В какой капиталистической стране суще-

ствуется такая эксплуатация? Повторяю снова: это не следствие особых условий в СССР. Это — неизбежное следствие существования социализма, его экономической неэффективности и военно-тоталитарного характера. В сущности, социалистическое государство — это государство Чингисхана, еще не сумевшее поживиться на завоевании и ограблении других государств. К этой цели оно стремится и в этом направлении себя еще проявит, если успеет это сделать, до того как развалится из-за своей неэффективности.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИЗОЛЯЦИЯ ГОСУДАРСТВА

В двадцатых годах управителям СССР еще не была ясна неэффективность социалистического хозяйства и невозможность его свободной конкуренции с другими странами. Большие надежды народа на мирное развитие социалистического хозяйства нашли свое выражение не только в таких хорошо известных лозунгах, как «догнать и перегнать», но и в приготовлениях к введению конвертируемой валюты и к расширению торговли с внешним миром. Народу казалось, что все дело заключается во времени, необходимом для создания мощной социалистической индустрии, которая, безусловно, будет способна конкурировать с капиталистической.

Социалистическая индустрия давно уже выросла (правда, почти целиком в области военно-промышленного комплекса). СССР, по официальным данным, производит сейчас больше 130 млн. тонн стали в год, то есть больше, чем любая другая страна, а это — принятая мерка уровня индустриализации. Тем не менее, и управителям, и всем знающим людям уже стало совершенно ясно, что возможности конкуренции с капитализмом не только не выросли, но даже уменьшились в результате увеличившегося разрыва в технологии, производительности и качестве. Конечно, все это — естественное и неизбежное следствие неэффективности централизованного, тоталитарного социалистического хозяйства.

Поэтому исчезли и знаменитые ранее лозунги

и попытки создания конвертируемой валюты. Экономические барьеры против внешнего мира — в виде государственной монополии внешней торговли — стали мощнее, крепче, усовершенствованнее. Экономическая изоляция выполняет для социалистического государства целый ряд важнейших функций, без которых оно не может, в принципе обойтись.

Во-первых, это — защита неэффективного хозяйства от более эффективного.

Во-вторых, это — средство сохранения централизованной плановой системы. Никакой государственный план не мог бы выдержать «хаоса», к которому привело бы страну «открытие дверей». В сущности, «открыть двери» значило бы разрушить централизованное планирование и, следовательно, сокрушить власть.

В-третьих, это — прекрасное средство заработать необходимую валюту, в подходящих случаях не стесняясь демпингом. При этом можно завоевать еще и экономический престиж мощной державы и достичь политических целей прославления «мощи социализма» и подрыва капитализма. Огромные сырьевые богатства страны, расхищаемые и распыляемые государством с невероятной скоростью, способствуют нанесению таких ударов «из-под ворот» по капитализму. Любопытно, что нефтяная страна мира — СССР — одновременно и весьма агрессивный экспортер нефти, и страна, в которой дефицит бензина так же очевиден, как и дефицит остальных изделий. И нефть — не единственный вид сырья, используемый хищнически и для целей политической и экономической агрессии. В стране уже не хвата-

ет и дерева, и хлопка, и шерсти, и кожи, и целлюлозы и т. д. и т. п. Правда, в утешение можно сказать, что в течение всех 58 лет страна этим сырьем никогда и не была достаточно обеспечена.

В-четвертых, это — важное средство для сокрытия действительного экономического положения от внешних и, как ни странно, внутренних глаз. Экономически слабые системы в этом всегда нуждаются.

В-пятых, это — одно из многих средств держать население под контролем, в ежовых рукавицах. Человек мог бы получить больше самостоятельности, располагая конвертируемой валютой и возможностью экономического общения с внешним миром. Можно не сомневаться, что имея в кармане деньги на ближайшее будущее и определенные зарубежные связи, многие спокойно распрощались бы с СССР.

В-шестых, это — наглухо закрытый источник проникновения «враждебной идеологии». Ведь любой представитель внешнего мира, независимо от его намерений, служит активным проводником «чужой идеологии». Представляете себе, какая возникнет опасность, если таких представителей появится очень много и их нельзя будет контролировать и, главное, нельзя будет контролировать и исключать их контакты со средними «неискушенными» жителями СССР. Ведь если даже высокопоставленные представители власти чувствуют силу «аргументов» внешнего мира, то что говорить о среднем обывателе.

Может ли эта экономическая изоляция прекратиться? Да, может. Но только в случае исчезновения внешнего мира (все завоевано социализ-

мом), или исчезновения социализма вместе с его тоталитарным хозяйством. Ну, а такие перемены без определенных и весьма мощных потрясений произойти не могут. Следовательно, социалистическая перспектива может быть только одна: техническое и организационное усовершенствование системы экономической изоляции. Всем хорошо известный пример Японии, блестяще подтвердившей огромное значение свободной конкуренции для повышения эффективности хозяйства, в данном случае не применим. СССР не может ликвидировать или либерализовать экономическую изоляцию, как это сделала в свое время Япония, так как это означает неизбежное разрушение централизованного планирования и потерю управления и власти. Всякие разговоры о конвергенции, о возможности либерализации и т. д. в этом случае — бессмысленны.

Конечно, какова бы ни была система, но она реализуется людьми, а люди и их взгляды меняются. Поэтому возможны некоторые отклонения, ошибки (в смысле действия не в пользу системы), но они погоды не делают и делать не могут.

Что же нужно управителям СССР от внешнего мира?

Во-первых, так называемые образцы прогрессивной современной науки, техники и технологии (в том числе, и в особенности, — военной), которые можно попытаться подешевле использовать у себя. Такой образец, в частности, может представлять собой и не просто изделие, а иногда целое и даже огромное промышленное предприятие.

Во-вторых, от Запада нужны потребительские товары (обувь, одежда и т. д.), чтобы, не создавая соответствующей промышленности, хоть как-то удовлетворить население и, как я уже отмечал ранее, иметь возможность грабить его. Цель этого — беспрепятственное дальнейшее раздувание военно-промышленного комплекса. В сущности, мощь этого комплекса и составляет одно из важнейших преимуществ социализма; конечно, прибегать к его практическому использованию очень рискованно, но управители не теряют надежды на эту возможность. Ведь если бы удалось «освободить» трудящихся Западной Германии «от угнетения», это резко повысило бы престиж социалистического государства, укрепило его экономическую базу и замаскировало на какое-то время его экономическую неэффективность.

Таким образом, американцы, продавая СССР, например, обувь, не подозревают, что они продают, по сути дела, «стратегические» товары. О заводах грузовых автомобилей или тракторов говорить уже и не приходится. Через несколько месяцев они могут превратиться в ракетные и танковые заводы. Видите, каково преимущество социализма: как с ним ни играй, он всегда в данном вопросе (военном) в выигрыше!

В-третьих, приходится, конечно, во избежание внутренних неприятностей, ввозить продовольственные товары, которые неспособно дать разваленное социалистическое хозяйство.

В-четвертых, всякие «мелочи» для услаждения жизни управляющей касты.

Заметим, что именно потому, что управители СССР понимают необходимость экономической

изоляции для социализма, у них вызывает особую злость и особое беспокойство упорное балансирование Тито в неустойчивом положении. Управители СССР хорошо знают, что такое состояние, хотя и может долго поддерживаться, но физически неустойчиво и, будучи предоставлено само себе, обязательно скатится в сторону капитализма. Тито, конечно, это тоже понимает, но он так же понимает принципиальную неэффективность социализма и пытается найти лучшее решение, рассчитывая на свои, безусловно, незаурядные силы и способности. Можно не сомневаться, что после его смерти сохранить это неустойчивое положение не удастся.

ИЗОЛЯЦИЯ НАРОДОВ СССР ОТ ВНЕШНЕГО МИРА И ГРАЖДАН СССР ДРУГ ОТ ДРУГА

Основная экономическая база социализма пришла в абсолютное и вопиющее противоречие с жизнью людей. Оказалось, что социализм приводит к состоянию, которое с общеизвестных провозглашенных им позиций не объяснить и которое, больше того, полностью противоположно социалистическим идеям. Отсутствие эксплуатации человека человеком, пропагандируемое социализмом, превратилось в наиболее беспардонную, жестокую и не ограниченную ничем эксплуатацию человека (среднего) человеком (наверху). «Человек с большой буквы» превратился в ничтожество. Социалистическая свобода — в дикое угнетение. Равенство и братство — в феодальное вопиющее неравенство. Социалистическое «всеобщее богатство» — в нищету. Оказалось, что так называемые идеалы социализма — слова, не обеспеченные содержанием. Оказалось, что социализм и марксизм не наука, а религия и притом крайне примитивная.

Такое развитие событий привело идеологию социализма, марксизма, ленинизма к полному банкротству внутри страны. Банкротству, которое великолепно известно управителям и управляющей касте. Им также известно, что за рубежом эти «идеи» все еще сильны, так как люди никому и ничему не верят, пока сами, грубо выражаясь, не получают по шее из-за реализации своих идей.

Известно, что даже ученые считают обязатель-

ной личную проверку чужого эксперимента, в особенности если это касается важных концепций. Таким образом, ученых не удовлетворяют даже количественные факты и измерения, сделанные другими учеными, то есть они не верят и фактам. Не приходится поэтому винить людей за неверие в неизбежность банкротства социализма, когда это банкротство вполне очевидно для 240-миллионного народа.

Все это управителям СССР (не первым, не последним и не единственным) хорошо известно. Поэтому, по мере нарастания банкротства идеологии, они принимают все меры для затруднения проверки и сопоставления результатов социализма как для населения внутри страны, так и для народов мира. Ведь вполне понятно, что человек, родившийся и живущий в тюрьме, вполне может считать свою жизнь нормальной и, желая лучшего, будет стремиться к усовершенствованию своей тюрьмы (он, конечно, не будет знать, что это — тюрьма), а не к ее разрушению. Если он совершенно не знает, что именно находится за стенами его тюрьмы, он может подозревать, что там еще хуже. Особенно, если его силы и воля будут истощены (а управители тюрьмы и к этому приложат все усилия). Конечно, если он не умрет раньше времени, то свойственное каждому человеку любопытство приведет его к стремлению заглянуть во внешний мир, но вряд ли это стремление будет (в среднем) настолько сильным, чтобы преодолеть те колоссальные препятствия, о которых управители тюрьмы тоже позаботятся.

Плохо и для управителя и для тюрьмы, если человек будет не один в своем стремлении вырваться на волю. Сила стремления непропорцио-

нально резко возрастает, если их будет двое. А если все жители тюрьмы единодушны в своем стремлении и сами знают об этом, то, конечно, тюрьме не сдобровать. Поэтому управители СССР, как любые управители тюрьмы (особенно такой огромной), принимают все меры для максимальной изоляции своих заключенных как от внешнего мира, так и друг от друга. Можно легко видеть, как эта изоляция, начиная с двадцатых годов, постепенно нарастает и совершенствуется.

Какие способы существуют и применяются для идеологической изоляции от внешнего мира? Прежде всего, это чисто физическая изоляция: тысячи километров четырехрядной проволоки, вооруженных постов с собаками и всеми чудесами техники для реализации «границы на замке». Даже удивительно, что кому-то все же удастся проникнуть сквозь нее во внешний мир. Очевидно, в некоторых случаях человеческий ум достигает уровня гениальности. Я недаром говорю о гениальности: по сравнению со стенами зарубежных тюрем (откуда убежать, как можно узнать из газет, довольно нетрудно), граница вокруг СССР действительно непроницаема. На нее тратятся колоссальные средства, но управителей это не смущает, так как 240 миллионов заключенных сами же ее и создают и обеспечивают средствами эксплуатации. Во время второй мировой войны изоляция, конечно, была во многом нарушена, теперь же управители довольно успешно наверстывают потерянное.

Второе средство — выпуск за границу (после самой тщательной проверки и отбора) самого минимального количества людей. Число американцев, посещающих СССР, в сотни раз превосходит

число посещающих США советских граждан, хотя в другие страны мира американцы ездят несравненно больше.

Спрашивается, почему же впускают в страну сравнительно много иностранцев? Главная причина, конечно, — жестокая нужда в валюте. Конечно, если бы хватало валюты и без иностранных туристов, то в СССР проникали бы только дипломатические представители и технические специалисты. Кроме того, имея небывало огромный штат КГБ, можно, по крайней мере процентов на 90, с одной стороны, обеспечить отсутствие контактов иностранцев с населением, а с другой — пустить пыль в глаза зарубежным гостям.

В распоряжении государственного агентства Интурист, тесно сотрудничающего с КГБ, находится превосходный ассортимент психологических (запугивание и т. д.), пространственных (маршруты) и материальных (особые условия) средств для сохранения изоляции.

Третий способ изоляции — это цензура переписки: вся корреспонденция с внешним миром перлюстрируется и, в случае надобности, ликвидируется. У тех, кто переписывается с заграницей, цензурятся письма в местном почтовом отделении, чтобы нельзя было получить заграничное письмо, даже если его опустили в почтовый ящик на территории СССР.

Кроме того, при этом немаловажную роль играют террор и запугивание. Жители СССР боятся переписки с заграницей, так как она немедленно подрывает их статус благонадежности и чревата самыми непредвиденными опасностями. Поэтому зачастую даже лучшие друзья и ближайшие родственники отказываются от переписки. Это — как

в тюрьме: большинство заключенных старается вести себя строго по тюремным правилам, надеясь облегчить или хотя бы не ухудшить свое (и без того скверное) положение. Что еще облегчает обеспечение изоляции иностранных туристов: подавляющее большинство населения СССР тщательно скрывает свои истинные мысли и положение от любых иностранцев, даже апробированных КГБ и государством. Не забыты еще сталинские времена, когда встреча с иностранцем (случайная или даже по служебным делам) приводила к расстрелу или концлагерю.

Надо сказать, что это сильно вводит в заблуждение многих иностранцев, привыкших к откровенным разговорам и не понимающих, что вполне конфиденциально разговаривающий с ними простой человек в СССР, как правило, не сообщает им ни правды, ни своего откровенного мнения, а расписывает небылицы, прославляющие страну и социализм. Объясняется это и тем, что многие считают более приличным для своего достоинства лгать в пользу социализма, чем говорить горькую правду: ведь им нужно жить при социализме, а это труднее, если они сами же его оплеывают для себя и для других. Ведь человеку, какая-никакая, а моральная база жизни нужна.

Четвертый способ изоляции — это цензура на всю литературу, ввозимую в СССР, на газеты, журналы, книги, любую техническую литературу, граммофонные пластинки, магнитофонные ленты и т. д. Все это, практически, остается за рубежом. Даже чисто техническая литература и та от этого страдает, так как иностранцы, конечно, не следят за тем, чтобы в нее не проникало ни-

чего политического. Газеты, журналы и книги, издаваемые в социалистических странах и коммунистическими партиями любых других стран, в этом отношении не отличаются от любой «капиталистической» литературы и безжалостно ликвидируются при самых ничтожных признаках инакомыслия.

Поскольку уничтожать технический журнал из-за нескольких подозрительных строчек накладно, то в последние годы налажена перепечатка технических журналов и переводы книг, из которых, естественно, изымается всякое идеологическое содержание и почти вся реклама (а она тоже для инженеров имеет немаловажное значение). Это стоит, конечно, огромных денег, но сберегает валюту и позволяет использовать капиталистическую техническую литературу, издавая ее с соответствующими комментариями и примечаниями.

Пятый способ: глушение ведущихся из-за рубежа радиопередач на языках народов СССР. Это тоже стоит огромных денег и приводит к тому, что из-за свиста и воя и свои-то передачи бывает невозможно слушать.

Можно быть уверенным, что если бы население СССР в достаточной мере знало, скажем, английский язык, то глушились бы и все передачи на нем.

Таким образом, как ни странно, но цензуре подвергаются даже зарубежные радиопередачи. Об иностранном телевидении и говорить не приходится, так как оно идет только по государственным каналам.

Шестой способ изоляции: тщательный отбор фильмов социалистических стран или фильмов известных коммунистическими воззрениями за-

рубежных режиссеров, не говоря уже об обычной капиталистической кинопродукции. Огромное количество купленных и не пропущенных на экраны фильмов скопилось в специальном хранилище под Москвой, охраняемом и содержащемся как самое секретное предприятие.

Седьмое — цензура всей (до единой строчки) информации из-за рубежа, которую в каком-то количестве нужно помещать в газеты и журналы СССР. Читателю понятно, как можно «разгуляться» идеологу в этом огромном потоке. Как можно всё что угодно, — путем лишь умолчания одного и подчеркивания другого — представить в совершенно противоположном истине виде: выгодном для СССР и невыгодном для идеологических противников.

Восьмое — цензура любых, даже самых маленьких газет, журналов, книг по любым отраслям человеческой деятельности и в любом месте СССР. Всё хотя бы отдаленно вредное для идеологии СССР безжалостно изымается, а люди, допустившие это, снимаются с постов и наказываются.

Девятое — цензура любых (и технических тоже) докладов, публичных выступлений, концертов, спектаклей, балетов, опер, музыкальных произведений, стихов, живописи, телепередач, радиопередач.

Десятое — цензура объявлений, афиш и т. д.

Одиннадцатое — цензура любых кинофильмов, создаваемых в СССР, независимо от их длины или содержания. Читателю, безусловно, трудно представить себе, сколько миллионов рублей выбрасывается на помойку из-за излишней боязливости цензора. Всем цензорам известно правило: за

чрезмерное усердие дают мягкий выговор, а за недостаток — снимут с работы и накажут.

Двенадцатое — запись всех этапов жизни любого человека в СССР в архивах КГБ. Эти записи начинаются при рождении человека в загсе (кончаются там же при его смерти) и продолжают на любом предприятии или в милиции, когда он начинает работать и заполнять для поступления четырех-, а то и восьмистраничные анкеты. Вся его жизнь отражается в этих анкетах, в прописках, в «делах» милиции, в ЖЭКе по месту жительства, в трудовых книжках и т. д. и т. п. КГБ в состоянии без ведома любого человека составить гораздо более полную биографию, чем он сам. Человек может многое забыть, не записать, а у них всё записано. Это позволяет КГБ тайно воздействовать на жизнь людей, которые, к несчастью, попали в круг особых интересов этого учреждения. КГБ дает (через доверенных лиц) специальные инструкции тем учреждениям и организациям, с которыми связан подопечный. Борьба подопечного с этой опекой бесполезна, так как он не видит и не знает личности своего опекуна, да и нет тут личности: действует система.

Понятно, что КГБ легко осуществляет и полное негласное наблюдение за отдельными лицами: всё в руках государства — всё в руках КГБ.

Тринадцатое — полудобровольная слежка. Так как все общественные организации: партия, комсомол, пионеры, профсоюзы, спортивные общества, клубы, кружки и т. д. — государственные учреждения, то каждое из них — проводник государственной идеологии, слежки и изоляции. Какой-либо антисоветский поступок или высказывание со стороны любого члена этих организаций

вызывает не только выговор или наказание руководителю, но и грозит определенными неприятностями другим членам данного общества. Поэтому в результате полувекового воспитания, террора и запугивания создана огромная разветвленная система полудобровольной слежки и доносов и, следовательно, изоляции граждан СССР друг от друга.

Четырнадцатое средство — натравливание одних граждан на других на основе расовых, религиозных, имущественных, служебных различий. Конечно, это делается исподтишка, тайно, но организовано весьма основательно. Читая советскую прессу (особенно сатирические журналы), мы видим, как какой-нибудь занимающий незначительный пост администратор или начальник представляется в печати прохвостом, спекулянтом, взяточником, дураком, разгильдяем... Населению всячески внушается, что любой инженер, интеллигент, начальник — подозрителен, что за ним надо тщательно наблюдать и своевременно разоблачать его злобные замыслы. Одновременно, конечно, вдалбливается мысль, что партийные органы, органы КГБ и, тем более, ЦК КПСС — защитники интересов народа. Такими казуистическими и изошренными способами реализуется правило «разделяй и властвуй».

Эта чрезвычайно хорошо отработанная и отработываемая по сей день система стоила огромных денег и огромного труда. Она прекрасно служит цели сохранения существующей власти и подавления недовольства народа, но для ее функционирования требуется очень много исполнителей, которые сами по себе представляют наиболее уязвимую часть системы, подверженную не только

ошибкам, но и вредному идеологическому воздействию. Сама грандиозность этой системы содержит в себе величайшую опасность для власти.

Пятнадцатое — запрещение забастовок, демонстраций, собраний, клубов, кружков, коллективных заявлений по инициативе граждан СССР. Иными словами, запрещается все, что может как-то объединить, как-то связать людей.

Шестнадцатое — строжайший контроль всех средств распространения информации и запрещение распространения любой информации без специального на то разрешения.

Все множительные средства: типографское и копировальное оборудование, пишущие машинки большого формата с сильным ударом (можно сделать много копий), фотостаты — строго учитываются и охраняются. Подразделения, в которых они находятся, относятся к категории подразделений с особо ограниченным допуском и охраной. Они всегда после ухода сотрудников проверяются, закрываются и опечатываются. Это делает особо доверенный человек, обязанный затем зарегистрировать акт о проверке, расписаться в специальном журнале и сдать ключи в охрану. Весь остальной персонал этих подразделений проходит анкетную и прочую проверки, отбор при которых осуществляется с повышенной тщательностью. Если бы вы, скажем, захотели иметь простейший множительный аппарат, то, во-первых, вам бы не удалось его купить (в обычной торговле их нет), во-вторых, вами немедленно заинтересовались бы органы КГБ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Обычные машинописные бюро, как правило, находятся в особом помещении, посетители могут

сообщаться с сотрудниками бюро только через маленькое окошечко. У них такой же уровень секретности, как и у первого отдела, который осуществляет функции КГБ в каждом предприятии или учреждении СССР, но административно подчиняется директору предприятия или учреждения. Такое двойное подчинение столкновений не вызывает. И директор предприятия, и начальник I отдела (офицер КГБ) знают, что столкновение приведет к наказанию или одного, или другого, или обоих вместе.

Что касается тех пишущих машинок, которые продаются, то они очень дороги, плохого качества, легко установить, на какой именно из них напечатан данный текст, да и бывают они в очень немногих магазинах в самых крупных городах. Опасность использования их для размножения «вредной» информации — не очень велика.

ВОЖДЬ. КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ. АВТОРИТАРНОСТЬ

Социализм, централизованное государственное планирование, как уже говорилось, противоречит естественным законам общества и законам поведения людей, это общество составляющих. Поэтому он нуждается в дополнительных средствах для управления.

Действительно, человека вовсе не нужно убеждать, что он должен есть, чтобы не умереть. Как правило, его не нужно убеждать и в том, что он должен работать, производить пищу, чтобы было что есть. Однако его усиленно надо убеждать, что он не должен заводить себе приусадебного хозяйства, чтобы прокормить себя и близких. Его надо усиленно убеждать, что лучше, чтобы урожай погибал, не собранный, на общественных полях, чем чтобы он его использовал для себя. Его усиленно надо убеждать, что любое разумное действие можно предпринимать лишь после того, как оно получит одобрение центральной власти и будет включено в план (а власть даже и не рассматривает желательность этого разумного действия).

Поэтому социализм требует весьма длительной и трудоемкой идеологической обработки людей, чтобы они действовали против самих же идеалов социализма так, как будто они действуют во имя них. Естественно, что не каждый функционер власти способен на такую силу убеждения. Ему нужна поддержка сверху: «Я-то что? Я человек маленький. Я не могу всего объяснить и всех

убедить. Но вот есть человек — вождь. Он всё это может». Наличие такого вождя, авторитета нужно для объяснения необъяснимого. Таким образом, вожди, авторитеты необходимы при социализме и для народа, чтобы его убедить в целесообразности нецелесообразного, и для всего разветвленного аппарата власти и аппарата идеологической обработки. Потребность в таком авторитете чрезвычайно велика, и люди единодушны в его создании. Вожди не замедляют появляться.

Понятно, что эти вожди не обязательно воплощают в себе всю мудрость социализма. Совсем даже наоборот, при близком рассмотрении, они могут оказаться ничтожными людьми. Для аппарата власти ничтожество личности вождя не помеха, а, пожалуй, если не считать трудных переломных моментов, даже наоборот — удобство. Просто-напросто вождь — это материализовавшаяся идеология, бог, одно упоминание имени которого убеждает самых упорных правдоискателей. Таким образом, чем более неестественна система, тем больше она нуждается в вождях. Причем эту необходимость чувствуют все: народ, аппарат власти, аппарат идеологической обработки и сами вожди. Они пыжаты, чувствуя важность своей персоны и, конечно, стараются создать между собой и людьми каменную стену неприсутности. И в этом, как ни странно, их поддерживают все — сверху донизу.

Но это тоже опасно. Не все вожди одинаковы. Возможна неоднозначность линии. А это означает в конечном итоге раскол среди народа и невозможность им управлять. Поэтому такая система совершенно неизбежно стремится к состоянию, в котором имеется лишь один вождь с со-

вершенно непререкаемым авторитетом. Естественно, такой вождь обязательно найдется и ему для этого вовсе не надо быть гениальным.

По этим же причинам социализм, конечно, не может допустить многопартийности: разные мелкие партии могут отличаться лишь по названию, но не по действиям. Они должны подчиняться одной линии и одному авторитету — одному вождю, одному «богу». Естественное развитие этой ситуации — превращение государственной идеологии в религию. Государства, вся жизнь которых зависит от власти, а не от естественных законов человеческого поведения, непременно проходят этот путь.

Легко видеть неизменное и настойчивое стремление в СССР к культу вождя, культу личности. Для социализма это совершенно неизбежно, к каким бы последствиям это ни приводило.

УПРАВЛЯЮЩАЯ КАСТА

Выше уже говорилось о социальном отборе в аппарат управления далеко не лучших людей. Поскольку управление происходит по законам власти, и не по естественным законам поведения людей, то, скажем, настоящие инженеры или ученые для этого аппарата совершенно не пригодны. Они склонны к целесообразности, к анализу, к аргументам, а это, в данном случае, абсолютно противопоказано. Конечно, это не означает, что можно без них вообще обойтись: человеческое общество — сложный механизм. Но их можно использовать только на ролях советников, если они, конечно, не беспринципны и не подлецы. В последнем случае — их тоже можно принять в кампанию. Как легко понять, порядочные люди просто не могут работать в социалистическом аппарате власти. Они туда, как правило, и не идут, не прельщаясь никакими благами.

Что нужно, чтобы аппарат власти работал? Нужно, чтобы там были люди, соответствующие определенным (уже указанным) критериям. Для этого нужно много кандидатов, среди которых и осуществляется отбор. Поэтому блага, предоставляемые важнейшим работникам аппарата власти, как уже говорилось, исключительны. Каждый, попав в аппарат, старается держаться за свое место руками и зубами.

Далее, очень важно, чтобы этот аппарат не слишком подвергался разлагающему воздействию масс, а то, чего доброго, заведутся и в нем революционеры. Конечно, при самых же первых на-

меках на такую возможность, такого работника устраняют, иногда даже физически ликвидируют.

Поэтому в последнее время (опасность «разложения» увеличивается) появились негласные, но настойчивые указания членам аппарата власти даже на сравнительно низких ступенях держаться подальше от остальных людей (конечно, в свободное от работы время). В связи с этим приятельские отношения, дружба и просто знакомства с людьми вне аппарата — власти не одобряют. Новые члены аппарата немедленно изолируются от общества, включаясь в жизнь касты. Членам аппарата дают квартиры в специальных домах, а чинам покрупнее — особняки за высокими заборами. Такие часто встречаешь на фешенебельных улицах и в лучших районах Москвы. Для них выделяются отдельные дачные местности, строятся дачи, дома отдыха, санатории. Они путешествуют только в отдельных купе или каютах, либо в специальных самолетах или в специально отведенных для них отделениях. Обособляют и их детей: они ходят в специальные школы. В них воспитывается презрение к среднему человеку, но внушается необходимость скрывать это презрение, прикрываясь словами о равенстве и братстве. Таким образом, по вполне понятным причинам, образовалась отделенная от общества каста аппарата управления, начиная с директора крупного предприятия и секретаря райкома КПСС. Эта каста ревниво оберегает себя от проникновения посторонних, ибо в условиях социализма это могло бы привести к параличу аппарата власти.

Чем более насильственно осуществляется управление обществом, тем отборнее и тем изолированное должна быть правящая каста.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Физическую и духовную энергию общества можно сравнить с энергией реки. Как и энергия (многоводность) реки, энергия общества имеет свои сезонные максимумы и минимумы и долгие периоды. Эта энергия может быть в основной своей части израсходована на полезные для самого общества дела (так, река вращает турбины). Однако, как и в случае рек, вся общественная энергия не может быть всегда разумно использована — из-за ее непостоянства. На гидростанциях для этого существуют сбросы воды, которую нельзя использовать в турбинах. И посмотрите, что делает эта неиспользованная энергия? С какой бешеной силой, с каким шумом и грохотом, как живописно низвергаются с плотин эти массы неиспользованной воды!

Использованная вода тихо вращает турбины и опасаться ее нечего, хотя именно она составляет основную массу потока. Грозные же водопады неиспользованной воды дробят основания плотин, размывают их и могут даже разрушить гидростанцию. Чтобы рассеять эту опасную энергию, поверхность плотины со стороны водопада сделана так, что водопад в конце своего пути подбрасывается вверх и вперед, чтобы обрушиться не на основание плотины, а на поверхность воды в нижнем бьефе. Чем эффективнее средства рассеяния этой излишней энергии, тем надежнее работает гидростанция.

Общество, энергия которого недостаточно используется, находится в большой опасности. Че-

ловек не может жить нормально, если не имеет возможности с пользой для себя и для других применить свою энергию. Пожалуй, одно из возможных определений счастья для человека — это наличие энергии (чем больше, тем лучше) и затрата ее на полезные (по мнению человека) действия в достаточном для приятной физической и духовной усталости количестве. (Я вовсе не хочу свести только к этому всё многообразие. Это лишь одно, но очень важное, условие.)

Не использованная правильно энергия — как отдельного человека, так и общества — обязательно будет растрочена, но растрочена на любые, часто бессмысленные и, как правило, опасные для самого общества действия. Так, физически энергичные люди, если они не знают, в чем они могут полезно использовать свою энергию, пускаются в самые опасные авантюры, часто напрасно рискуют своей жизнью. Они становятся автомобильными гонщиками, летчиками-испытателями, вербуются в иностранный легион. Не будь у этих людей избытка энергии, они никуда бы не стремились. С другой стороны, без энергии не было бы вообще движения. Энергия — необходимое, но, конечно, недостаточное условие прогресса.

Перед социалистическим государством проблема канализирования энергии стоит вдвойне. Сама система исключает личную инициативу, самостоятельность, так что совокупность неизрасходованной полезно энергии становится для государства опасной. Поэтому социалистическое государство и его управители под давлением обстоятельств (интуитивно, а может быть, и сознатель-

но) изобрели и используют целую систему регулирования энергии общества.

Прежде всего, сама неэффективность социалистического хозяйства — «прекрасное» средство распыления (без опасных последствий) значительной части этой энергии. Недостаток услуг, пищи, комфорта, техники тоже уменьшают наличие общественной энергии. В США, например, технический и научный прогресс привел к непрерывному производству огромных количеств общественной энергии, так как люди живут лучше и на жизненные нужды энергии тратят мало. Эти огромные количества неиспользуемой энергии выливаются в преступность, побоища, вооруженные столкновения, в борьбу взглядов с применением силы и т. д.

Американское государство не успевает справиться с созданием средств для правильного использования избытков энергии общества. Но такое количество свободной энергии (как в США) взорвало бы советский социализм в течение одного года.

В сущности, наша эпоха характеризуется не столько освоением космоса, вычислительными машинами, ядерной энергией, загрязнением природы и т. д., сколько колоссальным высвобождением человеческой энергии, которую общество еще не сумело использовать. И именно в этом заключена основная опасность для общества, а отнюдь не в более легко разрешимых вопросах (таких, как сохранение природы, нехватка продуктов питания и т. д.).

Таким образом, в СССР с этим высвобождением и производством энергии общества не спешат.

Бездонная яма военной промышленности, науки и техники — следующее важнейшее средство направления энергии на «полезное» дело.

Гражданская подготовка к войне, мифические внешние угрозы создают еще одну обширную область затраты общественной энергии. Сюда включаются бесконечные военные учения для гражданского населения и постоянные мероприятия по подъему военного патриотизма («походы по следам отцов», «военные», а не обычные лагеря для молодежи). Той же цели (подъема патриотизма) служат кинофильмы, газетные статьи, радио- и телепередачи и постановки, театральные представления, романы, стихи, воспевающие военную доблесть, любовь к родине и т. д. Сама возможность войны тоже не исключается. Как о весьма радикальном, но слишком сильном средстве, о ней, естественно, приходится говорить осторожно.

Рассеиванию излишней энергии должны служить также спорт, национальная и сословная вражда (доносы, клеветы), многочисленные собрания, митинги, общественные суды, массовые походы на сельскохозяйственные работы.

Система не гнушается и «обезьяньей» работой. Крайне распространенное повсеместное положение дел: каждый следующий работник портит то, что сделал предыдущий. Так, штукатуры бьют стекла и пачкают оконные рамы окон и дверей. Электрики портят штукатурку, пробивая в ней дыры и каналы. Затем вступают в дело проектировщики, заставляя ломать и перестраивать стены и т. д. и т. п. Поскольку это явление массовое, и не только в строительстве, то тут можно «гробить» сколько угодно общественной энергии.

Система общественных услуг устроена так, чтобы тот, кого обслуживают, затрачивал максимум своей энергии. Имеющихся в этом отношении способов так много, что и перечислить их невозможно. Той же цели служат так называемые «законы», помогающие упрятать самых беспокойных людей в бесчисленные трудовые лагеря.

Следует отметить, что отсутствие крупных студенческих волнений в СССР во многом объясняется так называемой «перегрузкой времени» обязательными посещениями занятий и всяких учебных мероприятий: ни на что другое студентам уже не хватает ни времени, ни энергии. Бессмысленность значительной части этих обязательных занятий и мероприятий в последнее время становится очевидной, но устранять их не торопятся.

Любопытно, что действия правительств многих капиталистических стран направлены не в сторону использования излишней энергии студентов (да и школьников), а объективно в сторону еще большего ее высвобождения. В СССР же предпочитают разделяться с излишней энергией студентов и безработных таким негуманным, неприятным и неразумным способом, потому что это проще и доступнее.

В СССР нет пособий по безработице (так как якобы нет самой безработицы), поэтому человек, оказавшийся без работы, быстро тратит свою энергию на подыскание хоть какой-либо работы. Если же он этого не сделает сам, то милиция ему предложит (в добровольно-принудительном порядке) такую работу, от которой все отказываются.

Эта система растраты общественной энергии в

СССР очень эффективна и приводит к балансу, более приемлемому для власти, чем существующий почти во всех капиталистических странах. Конечно, дело должно кончиться тем, что бессмысленность всех этих мероприятий государства дойдет до сознания людей и они будут избегать их, стараясь использовать остаток своей энергии против него.

ОЧКОВТИТЕЛЬСТВО, ВОЗВЕДЕННОЕ В РАНГ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Изучение истории и современной жизни СССР для зарубежных исследователей представляет собой исключительно трудную (если вообще выполнимую) задачу. Конечно, по имеющимся в их распоряжении данным, они могут составить какое-то более или менее логическое представление по этому вопросу, но шансы на то, что оно будет соответствовать истине, — весьма малы. Больше того, такие исследования трудно делать даже человеку, живущему в СССР. Буквально вся статистика, все записи, все документы, вся информация о происходящем в стране (на всех уровнях и по всем отраслям ее жизни) — находятся в руках государства. Управители превосходно понимают колоссальное значение этой информации, мощь ее воздействия на человека, и никого, кроме специальных, облеченных доверием лиц, к ней не подпускают.

Собирать любую информацию можно лишь по специальному разрешению, а его дают только проверенному и надежному человеку. Всякий же, кто попытается, скажем, спрашивать людей, чтобы выяснить их мнение по каким-то вопросам или узнать об их положении, попадет сначала в милицию, а затем в КГБ, где ему грозят большие неприятности, даже если он занялся опросом без «злого умысла» — по глупости. Такой опрос могут производить лишь надежные сотрудники газет или научно-исследовательских институтов — со

вполне определенной, полезной для управителей целью. Даже собиратели, скажем, фольклора не могут избежать внимания и проверки КГБ.

Сбор «отрицательной» информации не поощряется управителями вообще, даже если бы это делалось и проверенными лицами. Лучше обходиться вообще без информации, чем иметь такую информацию, которую какой-либо злоумышленник сможет использовать против государства.

Загс, милиция, домоуправления, редакции газет и другие учреждения (которые по своему назначению — первичные сборщики информации) знают, что все полученные ими сведения секретны, а допущенный к ним человек — доверенное лицо государства, отвечающее за их неразглашение по гласным и негласным законам.

Такая система привела к любопытному явлению. Наученное горьким опытом (собственным или чужим) население само старается держаться подальше от этой опасной информации и относится с чрезвычайным подозрением ко всем, ее собирающим, кроме вышеупомянутых государственных учреждений.

Что же касается сведений об ассортименте и выпуске товаров и всех других количественных и качественных показателей любого промышленного предприятия, то это — совершенно секретная информация, находящаяся под неусыпным контролем КГБ в лице I отдела или спецотдела. Таким образом, уже у самых источников, первичная информация просеивается через определенное государственное сито. Уже в самом начале эта информация приобретает ясно выраженный (благоприятный для государства) вид.

За десятки лет существования социализма эта система настолько отработана, что все люди прекрасно знают, какая информация должна жить, а какая — немедленно уничтожаться или находиться под еще более строгим контролем. Поэтому всё попадающее в книги, журналы, архивы, печать, радио и телевидение всегда благоприятно для власти. Иногда лишь, сознательно, чтобы создать видимость объективности и поддержать хоть какой-то интерес у населения, допускается строго дозированная, в сущности безобидная, отрицательная информация. Конечно, кое-что объективное просачивается еще и по ошибке или даже по «злому умыслу», но очень и очень мало. Можно быть почти уверенным, что даже после крушения диктатуры в СССР, ни в каких документах не удастся обнаружить объективной информации. Окажется, что документально советская власть «чиста как младенец».

Конечно, свидетельства очевидцев будут этому резко противоречить, но и свидетели (как источник объективной, неблагоприятной и опасной для управителей информации) — тоже под наблюдением, и власти принимают все меры, чтобы достоверных данных у них не было. Поэтому даже и этот источник окажется неполным. По существу, в истории огромного народа останется для потомства зияющий пробел, а для неосведомленных — это время будет выглядеть почти райской эпохой.

Неудивительно, что такая система доставляет неприятности и управителям, когда им нужна объективная информация. Аппарат власти «тщательно оберегает» управителей от объективной отрицательной информации, зная, что человеку, по

природе своей, свойственно относиться к источнику «плохой» информации без особого энтузиазма. Трудно аппарату балансировать так, чтобы не превратиться ни в «лакировщиков», ни в «чернителй». Того и гляди — попадешь в немилость. Лучше уж быть «лакировщиком». Поэтому и сами управители часто попадают впросак. Сейчас известно, что Сталин был, например, совершенно не в курсе дел сельского хозяйства, да и только ли сельского хозяйства? По неосведомленности массу ошибок совершил Хрущев. Однако управители сознательно выбирают меньшее из двух зол. Ведь любая неблагоприятная запись, особенно на нижних уровнях, может всплыть в самый неподходящий момент и «испортить настроение» населению (тем более, что оно уже и без того нерадостное).

В конце 1971 года появилось объявление ЦСУ СССР о выплавке 133 миллионов тонн стали в год, то есть существенно больше, чем в США. Что такое эти 133 миллиона тонн? На каждого жителя СССР, включая грудных детей, придется по 500 кг стали. Из этой стали можно сделать лист толщиной 1 мм, шириной 3,5 метра и длиной от Земли до Луны. Этой стали хватит почти на полмиллиарда автомобилей, примерно на 10 миллионов современных танков... Вся механизация сельского хозяйства, накопившаяся за 50 лет советской власти, по официальным данным, «не потянет» даже на 10-15 миллионов тонн стали.

Спрашивается, куда же эта сталь идет? Ведь в деревне, в любом колхозе или совхозе трудно (для необходимого ремонта) достать кусок стали (о запчастях и говорить нечего). Несчастные стро-

ители собственных домов знают, как исключительно трудно (и дорого) достать обычные железные трубы или кровельный железный лист.

Советское правительство буквально клянило стальной лист у итальянского «Фиата» на автомобили, которые должны были выпускаться в Жигулях, — это у Италии, которая производит почти в 10 раз меньше стали, чем СССР! По заключенному недавно договору, Египет (!) обязуется поставлять Советскому Союзу стальной лист.

Правителям самим пришлось задать вопрос Госплану: куда же идет такое огромное количество стали? Единственный ответ, который мог дать верховный планирующий орган СССР, анекдотичен: главный потребитель стали — горнорудная промышленность. Таким образом, сталь вращается по замкнутому кругу, лишь частично поступая в остальное хозяйство.

Конечно, этот анекдот (увы, вполне реальный) характеризует блеф социалистического планирования (не по вине Госплана, а по существу задачи) и абсолютную ненадежность официальных цифр.

Наиболее объективная версия настоящего состояния дел: в СССР не производится столько стали, а то, что производится, идет на танки, ракеты, подводные лодки и прочую военную технику.

Система сама себя обманывает на всех ступенях сверху донизу или снизу доверху. И для этого есть объективные причины, опять-таки вытекающие из тотального социалистического плани-

рования, из системы жесткого централизованного управления, свойственного социализму.

НИИЭП, в котором я работал, строился, как уже говорилось, на моих глазах. Когда подошел запланированный срок окончания строительства и сдачи в эксплуатацию, мы уже, как и было положено по плану, работали в нем и, естественно, очень хорошо знали, что строительство не закончено. Не были введены в строй различные объекты, вроде градирни, очистки воды, кондиционирования и т. д. и т. п. Кроме того, то, что было якобы закончено, было сделано настолько скверно, что будущая работа института была явно в опасности.

Однако была назначена приемочная комиссия, в которую был включен и я. Быстро было подготовлено (сроки!) не соответствовавшее действительности положительное заключение. Естественно, я отказался его подписать. Это не имело никакого значения: заключение было подписано большинством комиссии, включая директора института, утверждено и ушло наверх.

В чем же дело? Ведь директору придется работать в недоделанном институте. Кроме того, действительное положение вещей было известно всем: и строителям, и дирекции НИИ, и министерству. Таким образом, было вполне сознательное и явное преступление (по основному закону социалистического государства). Но дело объясняется просто. Строители заинтересованы в сдаче строительства: они «выполняют план», получают значительную премию. Невыполнение плана грозит им очень крупными неприятностями — вплоть до снятия с постов главных руководи-

лей. Директор тоже заинтересован в приемке, так как он тоже отвечает за строительство, оно вписано ему в план. Забрав строительство, он будет иметь большие и немедленные неприятности. Стоит ли ему ставить себя под удар? Проще подписать акт приемки и — как участнику строительства — тоже получить премию и быть на хорошем счету.

Главное управление и министерство, со своей стороны, заинтересованы в том, чтобы акт был подписан, так как и у них строительство — в плане, за который они отвечают. Госплан рад рапортовать о новой победе, как радо ей и само правительство. Мой же поступок был продиктован этикой инженера и, в какой-то степени, — донкихотством.

Это происходит по всей стране, во всех отраслях. Так появляется множество предприятий, «законченных строительством», согласно актам приемки, десяток лет тому назад и никак не могущих приступить к нормальному выпуску продукции, достраивающихся «хозяйственным способом».

Возьмем другую область: образование. Здесь тоже все связано круговой порукой в выполнении плана успеваемости, плана выпуска учащихся. Конечно, и здесь есть свои донкихоты, но они ничего не могут поделать и подвергаются при этом страшному формальному и материальному давлению. Преподаватель, классный руководитель, директор школы, если они не донкихоты, заинтересованы в хорошей отчетной успеваемости и выпуске учащихся. Районо, горono, министерство, Госплан и правительство — тем более. Это отно-

сится и к высшим учебным заведениям. Поэтому порой приходится поражаться безграмотности выпускников как школ, так и институтов. Правило такое: если человек сам хочет учиться, то он выходит обученным; если не хочет, то его выпускают и необученного, но с дипломом. Диплом совершенно не определяет уровня образования.

У милиции есть план снижения преступности. Поэтому, в зависимости от его «выполнения» или «невыполнения», какое-нибудь конкретное уголовное преступление тоже может быть вообще оставлено без внимания. (Для политических — планов нет, им всегда обеспечено внимание.)

Знаменитые рекорды Стаханова и многих других, прогремевших на весь мир, были все до одного организованным спектаклем, в котором были заинтересованы все, начиная от исполнителей до управителей. На одну бригаду Стаханова работала практически вся шахта, и сотни добровольцев подкрашивали, подделывали то, что не удалось получить «навалясь скопом».

Все знают надоевшие газетные репортажи о перевыполнении «норм» рабочими на предприятиях. Можно было читать, как «нормы» (конечно, в результате трудового энтузиазма) перевыполняются на 100, 200, 500 и даже 1000%. Неоднократно приходилось читать о целых предприятиях, состоящих сплошь из таких героев: «массовый энтузиазм».

Самое любопытное в этом то, что практически все, хоть немного знакомые с этим делом люди, знают, что это сплошное очковтирательство. Действительно, ставки зарплаты за выполнение норм настолько отстают от роста стоимости

жизни, что даже два работника в семье не могут прокормить себя. Поэтому всем известно, что дирекции предприятий приходится, чтобы как-то получать продукцию, разрешать нормировщикам платить за отсутствующую дополнительную продукцию так, как будто она была сделана. Аппаратами предприятий разработана изощренная техника, призванная скрыть фактическое положение. Всё это успешно осуществляется, так как в этом очковтирательстве все, снизу доверху, заинтересованы. Если директор не будет на это смотреть сквозь пальцы, у него люди либо вообще не будут работать (итальянская забастовка), либо уйдут. И пусть он попробует объяснить свою неудачу тем, что ставки государственной зарплаты — нищенские! Всем гораздо более выгодно показать «энтузиазм» масс.

Несколько лет назад в «Экономической газете» шла дискуссия по вопросу, почему не внедряются в торговлю кассовые аппараты. Ведь они учитывают сумму продажи, удобны для покупателя (так как не нужно стоять в очереди в специальную кассу) препятствуют обсчету. Очень хороши они в мелких торговых точках, где продавец совмещает в себе и директора, и бухгалтера, и кладовщика. Причины сопротивления их внедрению так и не были названы. Пришлось высказаться и министру торговли. И было очень любопытно читать его небольшую статью. В ней так и выпирало (между строк) его нежелание вводить эти аппараты, конечно, прикрываемое разглагольствованием об их важности. Объясняется же это очень просто. Зарплата продавцов и даже директоров торговых предприятий их уже

давно не кормит. Источник пропитания — самое явное воровство и взятки за дефицитный товар. Если же ввести кассовые аппараты, то воровать будет значительно труднее и очень многие работники побегут из торговли. Это известно и министру торговли, да и всем, кто хоть сколько-нибудь знает положение в этой области. Поэтому кассовые аппараты и сейчас очень редки, особенно в мелкой торговле, а воровство и взятки не сократились, но расцвели еще более пышным цветом.

В 1964 году на закрытом совещании экономистов в Новосибирске выяснилось, что механизация и электрификация сельского хозяйства, о которых все везде трубили, фактически составляет что-то около 7%, в то время как большинство людей (в стране и за рубежом), думают, что у нас механизация и электрификация сельского хозяйства почти сплошные. Вот так сюрприз, но сюрприз неудивительный!

Когда я обратился к справочникам, то обнаружил следующее.

Производство тракторов у нас, по официальным данным, составляло (в тысячах штук):

1965	1966	1967	1968
354,3	382,5	405,1	423,4

Всего за 4 года — 1565,3.

Парк же тракторов в сельском хозяйстве составлял:

1965	1966	1967	1968
1 613	1 660	1 739	1 821

Прирост, таким образом, за три года составил: $47 + 79 + 92 = 218$ тыс. штук.

Куда же девались остальные 1 347,3 тысячи штук? (Кстати, эти официальные цифры механизации после 1964 года не показывают существенного улучшения по отношению к цифре 7%.)

Можно только пожалеть тех доверчивых зарубежных деятелей, которые для своего суждения пользуются любыми цифрами, исходящими из официальных советских источников. Даже мне — человеку, получившему образование и прожившему именно в СССР 54 года, — было трудно составить себе более или менее объективное представление о действительном положении дел.

ТЕРРОР И ЗАПУТИВАНИЕ

Описанная мною система разъединения граждан СССР друг от друга, отделения их от внешнего мира и лишения их правдивой информации, необыкновенно эффективна. Возможность взаимодействия между людьми, резко ускоряющая осознание ими их положения и столь же резко усиливающая силу их протеста, чрезвычайно мала. Однако, если для какой-то небольшой части населения эта система не работает, у власти есть и другие средства. Одно из них — нейтрализация или ликвидация людей особо недовольных системой. Эта нейтрализация и ликвидация, как правило, проводилась (особенно в сталинские времена) и проводится скрыто, тайно от населения. Лишь какие-то из этих мер становятся, по тем или иным причинам, известны ближайшему окружению пострадавших или за рубежом.

Способов осуществления этого, разработанных за 58 лет советской власти, очень много.

Если человек живет один, приходят глубокой ночью штатские люди (конечно, скрыто вооруженные), приглашают пойти с собой — и человек исчезает навсегда. Если человек живет с семьей, то его могут забрать вместе с семьей. Всё, как говорится, «тихо, благородно». Если человек слишком известен для такой операции, то нетрудно устроить, например, крушение автомобиля со смертельным исходом. Можно также использовать медицинские средства, чтобы отпра-

вить человека на тот свет якобы от сердечной или какой-нибудь другой болезни.

Человека могут также арестовать во время его поездки куда-нибудь на поезде или на самолете, или пароходе. Все такие способы предельно эффективны, не вызывают никакого шума и излишних подозрений.

В особых случаях применяются средства для постепенного подрыва здоровья, нервов, изматывания сил и воли.

Что касается открытых процессов и открытой деятельности, то их надо разделить на два класса. Первый — это деятели типа академика Сахарова. Во-первых, они очень известны; во-вторых, хорошо разбираются в так называемых «советских законах», и с ними трудно расправляться в открытую. Как ни странно, власть извлекает из них выгоду. Факт, что Сахаров еще действует (и настойчиво действует), вселяет надежды и внутри страны, и во внешнем мире на хотя бы слабые возможности перемен к либерализации. Конечно, на это надеются те, кто хочет превратить волка в вегетарианца, кто не понимает, что все ужасающие их проявления диктатуры есть ее естественные свойства, без которых ее и не было бы. Эти надежды, в общем, соответствуют целям КГБ и власти, поскольку приводят не к усилению, а к ослаблению активности. Можно не сомневаться, что когда Сахаров станет безусловно опасным, ему очень придется опасаться неожиданной болезни или несчастного случая.

Второй — это процессы, служащие специальным предупреждением для других недовольных:

ведите себя спокойно, иначе, смотрите, что вас ожидает.

Представим себе, что власть имела бы возможность скрыто расправляться со всеми, кто ею недоволен. Легко понять, что это не в ее интересах. Определенных (конечно, немногих) людей ей выгодно подвергать огласке, чтобы проводить соответствующую идеологическую обработку в целях устрашения и запугивания. Чем непонятнее будет отбор этих людей, тем страшнее. Эта огласка — следствие понимания управителями, что в народе есть молчаливое недовольство, и таких людей, если не удастся переубедить, надо устрашить.

Известны всякие банды на Западе, взрывающие учреждения, предприятия, дома, клубы, убивающие ни в чем не повинных людей, создающие хаос в общественном хозяйстве. Известна и тактика тупамарос, основанная на том, что большие города очень уязвимы для действий даже немногочисленных, но активных и решительных недовольных. Относительно легко прервать электроснабжение, отравить воду в водопроводе, прервать снабжение газом, расстроить движение транспорта. Эта тактика ставит общество буквально на колени перед недовольными, независимо от того, правы они или нет. Знакомясь с этим, можно видеть, насколько дальновидны были создатели социалистического государства. Ведь они всё это великолепно предусмотрели. Они прекрасно знали тактику тупамарос еще до появления на свет ее нынешнего изобретателя.

Прежде всего они запретили всякую продажу и хранение оружия и всего, что может служить

оружием или употребляться для его создания: начиная от клинка (длиной более 50 мм) до револьвера или пулемета. Все оружие и боеприпасы были поставлены на специальный учет и контроль и стали недоступны никому (кроме доверенных лиц).

Учет этот настолько скрупулезен, что мне пришлось отказаться от формовки деталей взрывом (изготовление анодных блоков магнетронов) из-за одного-единственного соображения: очень трудно получить разрешение и заряды, а утеря или кража одного из них может привести к огромным неприятностям. Нельзя себе представить, чтобы можно было похитить порох или оружие.

Регистрируются как сами охотники, так и все охотничьи ружья, припасы к ним и кинжалы.

Таким образом, те средства, которыми вооружены банды на Западе, в СССР они просто не могли бы иметь.

Дальше. Все электростанции, подстанции, водоемы, водопроводные, газовые станции, железнодорожные мосты, метро, телефонные станции находятся под специальной охраной и имеют все средства для предотвращения нападения. В первые дни моего пребывания в Англии я с удивлением обратил внимание на телефонный узел, который никем не охранялся, в который мог войти каждый без пропуска. В СССР это невозможно. Посторонний человек туда не войдет, ему не дадут пропуска. Единственная дверь — зарешечена, а перед ней вахтер со строгими инструкциями.

Итак, эти банды и тупамарос в СССР были бы лишены и средств действия и незащищенных мест действия. Кроме того, о людях, которые могли бы составить эти банды, КГБ было бы все дос-

конально известно и их легко бы пересажали или расстреляли. Таким образом, уже основатели социалистического государства думали о новой революции или вооруженном восстании и пытались полностью исключить возможность их осуществления. Они прекрасно изучили этот вопрос на ошибках предыдущих правителей и соседей, и теперь социализм и диктатура в СССР — самая устойчивая система в мире.

К большому сожалению для управителей, есть, однако, брешь и в этой броне, но о ней мы будем говорить позднее. Сейчас же закончим обзор способов расправы с недовольными описанием несколько устарелого приема. Это превосходно организованный одновременный вывоз целой группы (с семьями) недовольных режимом людей, или населения поселка, или даже маленькой нации с места жительства (почти без багажа) в отдаленные и суровые районы, где деятельность «бунтарей» быстро прекратится. Не следует думать, что это не применяется или не может быть применено сейчас. Ведь и тогда, когда это происходило (и притом в больших масштабах), большинство населения СССР об этом и не подозревало, а если кто и узнавал, то только нелегальными путями. Так что даже в «наш культурный век», при необходимости, это может быть сделано, особенно, если управители страны затеют войну. Хорошо известно, что «очистка» всех приграничных запретных зон интенсивно происходила после войны и в меньшем (но достаточном) масштабе происходит и сейчас.

СОЦИАЛИЗМ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

В СССР, естественно, не спрашивают мнение населения по тому или иному вопросу. Если даже на Западе эти опросы часто приводят к неожиданным результатам, то понятно, что задача выяснить мнение населения СССР о социализме, коммунизме, марксизме, ленинизме — совершенно безнадежна. Однако вопрос этот находится на повестке дня вот уже 58 лет. И я убежден, что мои личные многолетние контакты и контакты людей, с которыми я знаком, вполне могут дать представление о настроениях всего общества и позволяют составить мнение, не проводя опроса, поскольку настроения населения меняются очень медленно. Таким образом, мое личное восприятие мне представляется достаточно объективным отражением настроений общества СССР.

Общество, как ему и полагается быть, достаточно неоднородно в своем отношении к существующему строю. Наименее многочисленная группа населения продолжает верить в идеалы социализма и коммунизма и воспринимать действительность как временное искажение. Эта группа характерна своей фактической изоляцией от общества. Здесь преобладают старые (образованные и необразованные) персональные пенсионеры, члены партии. Волею судеб они попали в круг людей без особых запросов к обществу, мирно живущих в своих «углах» (и, между прочим, не относятся к «старым большевикам», живущим в знаменитом доме у московского Большого каменного моста наискосок через Москву-реку от Кремля). Ко-

нечно, в основном, это люди, которых мало коснулись бури жизни. Эта группа очень малочисленна и постепенно вымирает, исчезает, как в свое время исчезли мамонты... Никакого влияния на общество практически она уже не оказывает.

Вторую группу назовем «оборонцами». Это — люди, которые лично пострадали за дело социализма и много отдали за создание и поддержание государства, люди, как правило, пожилые и даже старые, часто инвалиды войны, пенсионеры. Они могут принадлежать к самым различным слоям общества: от самого верха (редко) до самого низа (редко). Однако всегда — люди «с заслугами», официально уважаемые. Это могут быть педагоги, старые партийцы, офицеры и комиссары, представители более или менее «мирных» специальностей КГБ на нижнем уровне, беспартийные персональные пенсионеры и т. д. Они, как правило, хорошо представляют себе вопиющие дефекты нынешнего строя и в глубине души подозревают или даже понимают, что социализм, коммунизм, марксизм и ленинизм обанкротились. Однако признаться в этом даже самим себе они боятся, так как это будет означать не только крушение их жизненных идеалов, но и необходимость признать, что все их усилия и вся их жизнь были напрасными, бессмысленными и даже объективно вредными, так как они боролись за неправоное дело. Эта группа весьма многочисленна, но непрерывно уменьшается: одни умирают (возраст!), а другие не выдерживают напора жизни, прекращают сопротивляться и превращаются в самых ярых противников строя.

Третью группу я бы назвал «циники-защитники». К ней относится вся верхушка власти, вся

партийно-профсоюзно-правительственная аристократия, начиная с Суслова, Брежнева, Косыгина и др. и кончая уровнем директоров крупных предприятий и начальников главных управлений министерств. К ним также, безусловно, относятся «старые большевики» и весь аппарат КГБ. Это — люди, живущие лучше всех и знающие, что при любом другом строе их судьба будет крайне незавидной. Они не верят ни в социализм, ни в коммунизм, ни в Маркса, ни в Ленина, но пользуются этой идеологией для защиты своего положения. От них в определенных обстоятельствах можно услышать такую уничтожающую критику строя, какую не услышишь даже от людей любого другого общественного слоя. И это естественно: они лучше других осведомлены. Однако лучше этого строя они для себя ничего не видят.

Четвертую группу — самую многочисленную — назову «циники-жители». Это — как правило, молодые люди, даже школьники. Они тоже не верят ни в социализм, ни в марксизм. В то же время они не видят выхода из положения. Им нужно жить, работать, кормить семью, любить, творить, восхищаться... Они научились или учатся приспособливаться, использовать всё, что можно, в свою пользу, и стараются жить. Они, конечно, не опора строя, но и не активный ее противник. Они постепенно, медленно разъедают этот строй, как ржавчина. В сущности, эта группа из-за своей жизненной активности, многочисленности и способа воздействия наиболее опасна для строя.

Могу сказать, не впадая ни в какое противоречие, что в основном эта группа состоит из чест-

ных, энергичных, активных людей, которые могли бы сделать честь любой стране. Представители этой группы могут совершенно сознательно саботировать на предприятиях и в частной жизни мероприятия, для них не интересные или невыгодные. Они могут совершенно сознательно в рабочее время заниматься своими частными делами. Они могут, наконец, утащить любую «государственную собственность» для своего личного употребления. Они могут совершенно сознательно использовать общественные услуги для личного блага.

За всё это их нельзя винить, так как их действия объясняются простой жизненной философией: «Государство грабит нас беспощадно и бесчеловечно, так почему же хоть частично не компенсировать это возвращением себе части награбленного». Надо сказать, что такая жизненная философия в ее конкретных проявлениях очень часто приводила меня лично буквально в бешенство. Я никак не мог привыкнуть к этому, консервативно считая такие действия нечестными и непорядочными. Однако, несколько успокоившись, я понимал их разумность и целесообразность. Как ни удивительно, именно эта группа выделяет из своей среды героев, с одной стороны, и взяточников и преступников — с другой. В нормальных условиях эти люди были бы цветом общества.

Пятая группа — «нападающие». Это — люди разных возрастов, разного общественного положения. Они отчетливо представляют себе мерзость существующего строя и принципиальную невозможность ее исправления. Их влияние на общество существенно, так как они «вносят яс-

ность» в представлениях тех, кто ее не имеет. Это — глашатаи конца эры социализма и активные пособники этому концу. К сожалению, однако, только некоторые из них имеют определенную программу или представление о том, какое общество они хотят строить. Это вообще характерно для нынешнего положения: подавляющее большинство отрицает существующий строй, но не знает, чем его заменить.

Есть и группа «мятежников». Она, конечно, немногочисленна, но ее воздействие на общество непропорционально ее численности. Они, как правило, пока очень смутно представляют себе, чего хотят, но определенно и точно знают, чего не хотят как для себя, так и для общества, и идут на открытый конфликт с государством (государство, конечно, принимает все меры, чтобы вообще скрыть их существование или же использовать этот конфликт в своих целях).

Наконец, как в любом обществе, есть весьма многочисленная группа, которую называют на Западе молчаливым большинством, а раньше называли просто «болотом». Эта группа — «нижнее» продолжение группы «циников-жителей». Им «начхать» на то, где жить, какое государство, — лишь бы жить. У них нет определенных социальных устремлений, точек зрения. Вообще, они ничего толком не знают и не стремятся ни к чему определенному, кроме своих мелких обывательских интересов. В любом, даже сильно взбудораженном и поляризованном, обществе всегда существует такой слой населения.

Если попытаться теперь совсем грубо, приблизительно, представить себе расслоение общества

(в процентах), то получится примерно такая картина:

С одной стороны, «фанатики» сохранили за собой лишь малые доли процента, а с другой — «мятежники» вряд ли достигли и одного процента. Значит, между остальными пятью группами и надо делить все сто процентов. Самая крупная группа — «циники-жители» (пусть это будет 30%). Самая малочисленная — «циники-защитники» (примерно 10%). На остальных же — «оборонцев», «нападающих» и «болото» — прикинем по 20%.

Иными словами, в СССР почти совсем не осталось людей, полностью признающих строй и не желающих ничего лучшего. Социалистическая и коммунистическая идеология в СССР мертва окончательно и бесповоротно. Но в силу чрезвычайной информационной и другой разобщенности, еще не сформировалось и не сказалось то, что называется общественным самосознанием.

Следующая ступень развития советского общества — постепенное осознание всеми, что существующий строй — главное и важнейшее ограничение жизни и что его необходимо менять.

Такие события, как войны, дворцовые перевороты, замены вождей, усиливающие «перемешивание» мыслей, мнений и знаний, резко усиливают и этот процесс. Он усиливался бы еще больше, если бы до народа лучше доходили зарубежные радиопередачи, листовки, фильмы, даже выставки. Национальная французская выставка в Москве в начале шестидесятых годов произвела огромное впечатление и снабдила население весьма полезной информацией о жизни в СССР по отношению к другому миру. А обсуждения всего этого в домашних условиях безусловно способ-

ствовали росту политического самосознания населения.

Надо сказать, что французская выставка была исключительно талантливо сделана. Выставки США, как правило (за исключением выставки «Народное образование в США»), страдали явной похвальбой. А похвальба, даже обоснованная, вызывает инстинктивную неприязнь и чрезвычайно снижает уровень восприятия. Таким образом, правдивая, честная информация о том, что происходит в мире (и, особенно, внутри СССР), чрезвычайно важна на этом этапе для осознания советским обществом своего отрицательного отношения к диктатуре власти в СССР.

На следующем этапе развития, когда общество СССР будет формулировать свою цель — чего же оно хочет, — информация также будет иметь важнейшее и первостепенное значение. Однако в этом отношении (и в СССР и на Западе) еще нет ничего реального. Конечно, тот строй, который уже существует на Западе (то есть нынешний капитализм, со всеми его вопиющими недостатками), неизмеримо лучше строя в СССР. Для населения СССР даже и этот, вероятно, не лучший строй, уже — прекрасный вариант. Но нужен был бы вариант более подходящий, учитывающий недостатки нынешнего капитализма и пытающийся создать нечто более совершенное.

По-видимому, это всё же можно было бы сделать на базе исключения того, что уже известно, как плохое. К сожалению несмотря на весь вековой печальный опыт, человечество всё еще не в состоянии правильно оценить реальные возможности и всё время впадает в утопии, заканчивающиеся, как в СССР, Китае и других социалисти-

ческих странах, массовыми сверхъестественными страданиями. Видимо, пришла уже пора дезавуировать известные стихи Беранже:

« . . . Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навесит
Человечеству сон золотой».

И хотя бы в государственных делах не придерживаться пушкинского:

«Тьмы горьких истин нам дороже
Нас возвышающий обман».

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНТРАТАКА

Уже установлено, что идеологическое банкротство неизбежно ведет к расстройству экономики и к дальнейшему брожению в обществе в поисках выхода. Конечно, именно расстройство экономики вызывает к жизни расстройство идеологии, но между ними есть взаимная связь: устойчивая идеология едва ли возможна без устойчивой экономики, и наоборот. Разочарование общества в тех моральных и материальных целях, которые ранее перед ним ставились и им принимались, при отсутствии своевременной замены их другими, то есть создание обстановки, в которой перед обществом не стоит определенных задач, приводит если не к революции, то к большим общественным потрясениям.

Марксисты это отлично понимают, но не могут заменить свою идеологию, так как боятся, что это поведет к потере ими власти. Конечно, вопреки господствующему мнению, они не догматики. Поэтому правители в СССР развивают (начиная года с 1965-го) бешеную деятельность в поисках всяких суррогатов идеологии, которые они стараются навязать населению. Ищут они также способы починки и подправления основной идеологии или просто поднимают маскирующий шум. Начиная с подготовки к столетию со дня рождения Ленина, идут сплошные идеологические кампании: 50-летие революции 1917 года, юбилей Ленина, затем юбилей республик, затем XXIV съезд КПСС, 50-летие образования СССР.

Каждое из этих событий раздувается «до небес» и используется для вдалбливания информации о заслугах и достоинствах партии и советского строя. Идеологическое давление всех буквально изматывает. Потери рабочего времени на разные мероприятия на всех уровнях достигают колоссальных масштабов. Население пичкается идеологией в лошадиных дозах и, к горькому разочарованию управителей, с отрицательными результатами: потери рабочего времени еще более ухудшают экономическое положение, а пичкание идеологией вызывает тошноту даже у привычных ко всему людей. Уже со времен Сталина началась кампания извлечения из архивов народных героев, вождей, великих полководцев и царей. Это обращение к патриотическому прошлому сейчас развивается вовсю.

Разрушив всю совокупность традиций, верований, взглядов народа, сейчас стараются насадить что-то новое и воссоздать старое, так как сама по себе государственная идеология перестала объединять народ. Газеты и пресса буквально мечутся во все стороны, пытаясь обнаружить и укрепить какие-либо нити, могущие укрепить национальные чувства, не дать расползтись национальному единству.

Тут и комсомольские свадьбы, и торжественные обряды вручения паспорта (или повестки к призыву в армию), тут и праздник первой зарплаты (когда ошалевшему юнцу при скоплении народа и под высокопарные речи вручают первую зарплату), тут и «походы по следам отцов», и поиски неизвестных героев... И, конечно, все это венчается непрекращающейся кампанией восхва-

ления и прославления героизма в предыдущей войне, всемирного раздувания страстей по адресу империалистов и поджигателей войны и кампанией запугивания населения апокалипсическими последствиями, угрожающими в случае неподготовленности страны и населения к новой войне.

Культ партии, вождя, культ Советской армии, вооруженной до зубов всей существующей современной техникой, раздуваются невероятно. В сущности, от всего блеска социализма остались только чудовищный военно-промышленный комплекс, колоссальная армия, грозные демонстрации военной техники.

Население разочаровано и в экономических, и в космических успехах социализма, но считает, что у СССР есть вместо этого грозная военная машина, способная воздействовать на внешний мир. Конечно, эта вера пропитана изрядной долей скепсиса. Памятны еще «ни одной пяди своей земли не отдадим», «будем бить врага на его территории» и последовавшая за тем трагедия народа, оказавшегося, по существу, безоружным. Тем не менее, во что-то верить надо, а кроме военной мощи, в СССР больше уже верить не во что. Потерять эту веру — и к банкротству идеологии прибавится банкротство народа: куда же, в конце концов, девались результаты всех его колоссальных усилий и страданий?

Поэтому всё время возникает навязчивая мысль, что «освободительная», «революционная» война СССР против империалистов была бы весьма логичным развитием событий. Если бы она закончилась победой, то это могло бы надолго укрепить внутренне разваливающееся государст-

во, вся сущность которого объективно нацелена на войну. Но есть, конечно, очень большой риск, что война не только не скрепила бы единство народа, а развалила бы его еще быстрее, чем в мирное время. Поэтому управители СССР и стараются прослыть миролюбивыми и, в зависимости от степени внутренних идеологических и экономических успехов, мечутся от каменной неуступчивости по отношению к «империалистам» до заигрывания с ними и явных уступок, цель которых подправить свои внутренние дела.

Из этого должно быть ясно, что все уступки социализма могут быть только вынужденными и временными, так как система принципиально не может быть либерализована: либерализация — это путь к ее гибели. Можно заставлять волка вместо мяса есть сено, но кончится это тем, что волк либо сдохнет, либо съест кормящего его.

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКА

Попытки воскресить мертвую идеологию приводят только к обратному результату: она не оживает, а начинает дурно пахнуть.

Я уже писал, что население, беспардонно ограбляемое управителями, старается как-то компенсировать себя. Воровство государственного и общественного имущества приобрело невиданные размеры. Использование служебного положения для личных целей и обогащения приняло повседневный характер. Взятки и подкупы — обычное явление. Пьянство, разгул, поведение, характеризующееся лозунгом «бери от жизни всё что можешь, пока не поздно» — обычны. Не жертвенный труд, высокая квалификация, мастерство и даже образование обеспечивают «преимущества в потреблении», а блат, расположение высокого начальства, высокая должность... За последние 10-15 лет это ведет к непрерывному ухудшению умения, квалификации и мастерства. Повсеместно выпускается продукция с браком, низкого качества. Эта тенденция проникает во все стороны общественной жизни, в том числе и в науку и даже в военную технику. Космические неудачи — лишь один из примеров этого.

Растрата рабочего времени на безделие или на личные нужды — тоже общее явление.

Если бы печать СССР приводила сведения об авариях, низком качестве, браке, саботаже, пришлось бы в несколько раз увеличить размер газет.

Весь этот процесс, который можно назвать только саботажем, приводит к резкому падению

производительности труда, к понижению национального дохода и тем самым себя еще более стимулирует.

Управители СССР не находят лучшего выхода, чем так называемый общественный и, главным образом, партийный контроль. Из архивов снова извлекаются старые и негодные методы партийных комиссий, проверок, инструктирования партийных органов по части слежки за ненадежной администрацией (хотя она тоже вся партийная) и народом. Утопающий хватается за соломинку. Неизбежно воскрешение давно скомпрометированных методов выжимания экономических результатов, процветавших в двадцатые годы.

Однако эти отжившие методы приводят к столкновению с целесообразностью и со здравым смыслом главных устоев советского строя — централизованного тотального планирования и государственной власти на средства производства.

В бесплодных попытках найти выход из положения управители цепляются и за старые капиталистические приемы, пытаясь «вливать в них новое содержание». Но, естественно, и они не действуют, да и не могут действовать из-за неизменности тех главных устоев, которые определяют всё. Управлятелям приходится, как это ни странно, с горечью констатировать, что заманчивая конвергенция с капитализмом невозможна без разрушения главных устоев и, следовательно, их власти. А можно было бы не беспокоиться за идеологию, если бы конвергенция без утраты власти была возможна: ведь замаскировать, выдать за свое, обработать капитализм «под марксизм» — это они бы прекрасно сумели.

ДВЕ СТОРОНЫ СОЦИАЛИЗМА

Если не принимать в расчет людей, которые «рвутся к социализму» сознательно — как к системе, обеспечивающей прочную власть, — то все остальные честные и порядочные социалисты верят в комплекс идеалов социализма. Этот комплекс идеалов хорошо известен, прекрасно и кратко сформулирован в лозунгах и чрезвычайно доходчив до сознания человека. Это — и «свобода от эксплуатации», и «наивысшая степень равенства», и «право на труд», и «человек с большой буквы», и тому подобное. Этот комплекс идеалов совмещает в себе всё, к чему где бы то ни было и когда бы то ни было стремился человек. Именно в этом — колоссальная притягательная сила социализма. Однако этот комплекс идеалов, в сущности, представляет собой лишь плод, который должно дать дерево, называемое социализмом. Как на сеансе индийского факира, зрители-социалисты видят этот воображаемый плод и, будучи по их собственному желанию загипнотизированными, не видят и не всматриваются в то, откуда бы он мог взяться. Они и не хотят рассматривать «дерево», подсознательно опасаясь крушения этих, таких заманчивых и таких благородных идеалов. Поэтому, в частности, сколько имеется людей, столько и различных «деревьев» социализма. Тут и «революционный социализм», тут и «демократический социализм», тут и «националистический социализм», тут и «социализм с человеческим лицом». Труд-

но, очень трудно людям найти что-либо более привлекательное, чем социализм.

«Древо» же социализма — его другая сторона — это та социальная структура, введение которой должно привести к этим замечательным плодам социализма.

Социальная структура социализма — это:

а) общественная, народная, государственная власть на средства производства и

б) общественное, народное, государственное планирование.

Я сознательно написал три одинаковых прилагательных, так как все три они и применяются. Однако, если вдуматься, то наиболее точно структура определяется прилагательным «государственный». «Народный» — наиболее неясное понятие, требующее расшифровки и практически подвергающееся любому толкованию. «Общественный» — несколько более определенное понятие, напоминающее «кооперативный», «компанию на паях», «товарищество» и т. д. Однако «народный» и «общественный» легко и естественно сливаются с понятием «государственный».

Таким образом, СССР, Китай, Чехословакия, Венгрия, Польша, ГДР, Вьетнам, Северная Корея, Болгария, Румыния, Куба — это социалистические страны. У них одна социалистическая структура. Конечно, они отличаются и уровнем своего развития, и своим, так сказать, лицом, но социальная структура у них одинаковая — «социалистическое древо». Эти страны, каждая по-своему, — примеры «социалистической социальной структуры». Имея столько «деревьев», все мы были

вправе ожидать (а многие добиваться) появления вождя «плодов».

Однако ни одно из этих социалистических государств не дало ничего похожего на ожидаемые плоды. Все они, без исключения (без одного-единственного исключения!), — диктатуры, наиболее характерный плод которых — насилие над человеком. Более того, все они поразительно однообразны в своей экономической неэффективности. Единственное, что их существенно различает, это степень осознания людьми своего положения. СССР — наиболее старое государство, и здесь сознание людей достигло максимальной степени отрицания социализма. Китай — наиболее молодое, и в нем еще можно видеть достаточно много искреннего энтузиазма и веры.

Как это ни странно, социализм во всех этих странах наиболее «совершенным» способом реализует концепции итальянского фашизма: государство — всё, личность, сама по себе, — ничто, и немецкого фашизма: народ (фактически, конечно, опять государство) — всё, а личность, сама по себе, — ничто. Недаром фашизм назывался тоже социализмом. Можно считать экспериментально доказанным, что «социалистическое древо» дает вовсе не те плоды, которые от него ожидалось, а совсем противоположные.

Эксперимент этот проведен в таком огромном масштабе и в таких различных условиях, что сомнения могут оставаться только у неосведомленных людей, которых, конечно, и сейчас, по известным причинам, очень много.

Чем же такое однообразие результатов (дикта-

туры) объясняется? Я надеюсь, что это уже ясно из вышесказанного.

Социалистическая структура (два ее главных столпа) создает колоссальную концентрацию власти и неизбежно ведет к диктатуре, к тоталитарному государству со всеми его античеловеческими последствиями. Социализм резко нарушает и без того очень неблагоприятный баланс между личностью и государством.

Если бы не присущая социализму экономическая неэффективность, социализм был бы неотразимым средством военного завоевания и порабощения всего мира.

Существенно бо́льшая экономическая эффективность фашизма делает его наиболее сильным соперником социализма в завоевании и порабощении мира.

Оба эти «строя» представляют собой колоссальную опасность для человечества, а социализм еще и западню, из которой чрезвычайно трудно выбраться.

ВЕРОЯТНЫЙ ХОД СОБЫТИЙ

Ничто не может остановить дальнейшее расстройство экономики СССР и связанное с ним ухудшение положения масс. Даже возвращение к сталинским методам страха и террора не дало бы сейчас существенного результата. Невозможно обратить вспять процесс гниения уже мертвой идеологии. Поэтому процесс должен неизбежно, хотя, может быть, и медленно, идти по пути всё более отчетливого осознания массами (а управители это давно знают) непоправимой негодности строя, и отсюда — к созданию новых платформ и целей. Этот процесс приведет к разрушению существующего строя и созданию нового.

Как, конкретно, это будет происходить — сказать трудно, тем более, что система принуждения и насилия настолько отработана, что население пока почти беспомощно. Однако представим себе, что подавляющее большинство народа будет активно настроено против существующего строя. Тогда у правителей не окажется и тех, кто осуществляет их волю. Ведь любые силы принуждения (армия, КГБ), за исключением самого верха, тоже вербуются из народа. Не может ли тогда случиться, что очередной Хрущев или Брежнев, в обмен на поддержку народа, перегрызет горло своим товарищам и, по неопытности, введет такой «либерализм», который разрушит главные устои, а с ними и всю систему. Дальнейшее будет зависеть от того, не окажется ли среди

руководства того времени и такой честный и порядочный человек (хорошо бы!), который сознательно доведет дело до конца.

Конечно, военные конфликты и неудачи тоже могут ускорить дело, но обычно военные средства оказываются очень неэффективными. Ведь главная сила социализма — в войне, а главная его слабость — идеология и идеологическая борьба. Они — важнейшее средство, которое может привести народ к победе над диктатурой и открыть ему дверь в мир и общую семью народов.

Представим себе те неисчислимыe выгоды, какие это принесло бы как нашему народу, так и народам Европы и всего мира. Угроза войны, практически, исчезла бы реально и навсегда.

Всё, что до сих пор нами обсуждалось, может быть представлено в виде следующей простой схемы: «Логическая структура развития социализма».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	5
 <i>Часть I. Обыкновенная история</i>	
Детство. Родственники и близкие. Революция	11
Москва, 1920	23
Школьные годы	32
Последнее семейное гнездо	37
Безработный, чернорабочий, каменщик, кухонный мужик	39
Я — кадровый рабочий	46
Студент	49
Сталинская конституция	52
Инженер	55
Снова дома	75
Война	80
Эвакуация и Новосибирск	88
Ближе к Москве. Фрязино	95
Начало «мирной жизни». Поездка в Германию. Немцы во Фрязине	105
Жертва террора	111
Главный конструктор	113
Новая техника при социализме	115
Некоторый подъем	120
На новом месте	124
Парадоксы социализма	128
Можно ли завидовать академикам?	133
Еще о парадоксах	142
Строительство нового института	147
Переезд в Москву	151
Московская жизнь	156
Вопросы, вопросы, вопросы	159

Планирование разработок и исследований	161
Как заставить людей работать?	174
В новом институте	178
Снова новый этап	186
Чехословацкие события	191
Пути разошлись	196

Часть II. Что такое социализм?

Прекрасные идеи социализма	213
Возьмитесь управлять социалистическим государством	215
Правят сталины, хрущевы, брежневые, косыгины	223
Подавление любой полезной индивидуальной инициативы	225
Допустима ли конкуренция в хозяйстве, целиком планируемом	230
От каждого по способностям, каждому по труду	235
Может ли осуществляться взаимодействие производителей через рынок в социалистическом обществе	241
Почему нет стаканов и тарелок или «экономичных» профилей	246
Цена, стоимость, прибыль при социализме	248
Консерватизм и реакционность — основные свойства социализма	252
Основные общие последствия социализма	257
А может быть, так и нужно?	261
Социалистическое сельское хозяйство	265
Социалистическая промышленность потребительских товаров	270
Жилищное строительство	274
Образование	276
Здравоохранение	280
Развитие промышленности. Наука и техника	287
Военная промышленность и техника	293

Равенство, свобода от эксплуатации, право на труд	297
Экономическая изоляция государства	310
Изоляция народов СССР от внешнего мира и граждан СССР друг от друга	316
Вождь. Культ личности. Авторитарность	327
Управляющая каста	330
Очковтирательство, возведенное в ранг государственной системы	338
Террор и запугивание	349
Социализм и советское общество	354
Идеологическая контратака	362
Реакция населения и экономика	366
Две стороны социализма	368
Вероятный ход событий	372
 Приложение. Схема «Логическая структура развития социализма»	

Логическая структура развития социализма

Великие идеалы социализма: свобода, равенство, братство, свобода от эксплуатации и безработицы и т. д.

Ликвидация частной собственности – обобществление основных средств производства. Ликвидация капиталистов.

Замена механизма стихийного регулирования рынком сознательным управлением общественным хозяйством с помощью планирования.

Колоссальная концентрация власти в руках управителей и планирующих органов. Все средства существования, материальной и духовной жизни планируются, то есть управляются сверху.

Цена и прибыль теряют свое значение и смысл автоматических регуляторов и критериев эффективности хозяйства и становятся производными плана.

Автоматическое и относительно гибкое воздействие массы потребителей на массу производителей через рынок, спрос и предложение, цену и стоимость заменяется заранее определяемой, жесткой связью тех и других через план.

Несовместимость общественного планирования с индивидуальными, не предсказуемыми действиями миллионов людей.

Ограничение индивидуальных действий миллионов людей только теми, которые соответствуют плану — подавление самостоятельности и инициативы масс.

Зарплата, как эквивалент произведенному труду, теряет свой смысл, так как план заранее определяет, сколько зарплаты можно платить и, следовательно, отрывает ее величину от количества конкретно вложенного труда отдельным работником.

Чрезвычайное понижение эффективности общественного хозяйства в результате подавления самостоятельности и инициативы масс, исчезновения общественно-объективных критериев деятельности (цена, прибыль, спрос, предложение), а также в результате неизбежной и колоссальной бюрократизации всех производственных отношений в стране.

Скрытые разорения предприятий — переход на дотации.

Скрытая безработица — работников больше, чем необходимо для эффективного выполнения работы.

Скрытая и открытая инфляция.

Затормаживание роста уровня жизни, вплоть до остановки и обратного развития в некоторых областях ее.

Чрезвычайное понижение уровня духовной жизни, вплоть до примитивизма.

Невозможность мирного соревнования с капитализмом.

Монополия внешней торговли. Экономическая изоляция.

Граница «на замке». Колоссальное развитие военной силы.

Появление и быстрый рост недовольства населения.

Стремительное развитие органов КГБ и их проникновение во все области общественной деятельности.

Сокращение истинного положения страны от населения: тоталитарная монополия и цензура на все виды информации и средств ее распространения. Очковирательство. Гипертрофия секретности.

Создание тоталитарной системы образования и воспитания каждого гражданина от рождения до смерти. Недопущение иных точек зрения, кроме полного конформизма.

Террор и запугивание.

Лишение всех человеческих свобод и прав.

Тоталитарная слежка. Создание тоталитарной системы секретных записей состояния и деятельности каждого отдельного гражданина от рождения до смерти.

Подрыв солидарности масс разжиганием розни на базе противоречий: административных, имущественных, расовых, религиозных, образовательных и т. д.

Распространение всяких слухов, иллюзий и надежд: на улучшение жизни, либерализацию и т. д.

Полное загнание системы.

Судорожные попытки поисков выхода из положения без утраты власти, то есть без разрушения системы.

Расхищение и распродажа природных богатств для использования капиталистов в обеспечении падающего уровня жизни «социалистов».

Заигрывание с капиталистами, как противовес внутреннему недовольству.

Поиски слабого места в капиталистической системе для отрыва новых территорий и народов, для грабежа.

Дальнейший рост мощи армии и КГБ.

Проникновение недовольства системой во все слои общества и в том числе в госплан, армию, КГБ и даже Политбюро.

Постепенное уменьшение количества послушных исполнителей вплоть до исчезновения возможности реализации существенных репрессий за непослушание.

Появление позитивных объединяющих программ изменения и разрушения системы.

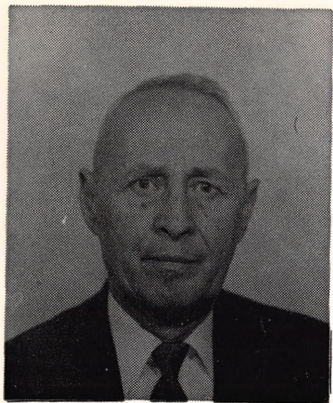
Нарастание хаоса и разногласий.

Борьба за власть и появление «могильщиков» системы — новых захватчиков власти, идущих на ее частичное (а полное произойдет само собой) разрушение, чтобы заручиться поддержкой влиятельных кругов населения.

Неизбежная (но, может быть, и не очень скорая) гибель системы, которую, правда, мог бы отсрочить захват «жирных капиталистических кусков», если представится мало-мальски подходящий случай.

Анатолий Павлович Федосеев родился в Петербурге 14 июня 1910 г. Отец его — выходец из крестьян. Мать — из питерской рабочей семьи.

В 1936 г. А. П. Федосеев оканчивает Ленинградский электротехнический институт и начинает заниматься научной работой (в Ленинграде, Новосибирске, Москве); с 1943 года он — главный конструктор и научный руководитель двух десятков работ по электронной военной технике (генераторные и модуляторные лампы и особенно генераторные и усилительные

магнетроны). Долгие годы он был начальником НИИЭТ, а затем — НИИЭП. Он — доктор технических наук, кавалер ордена Трудового Красного Знамени и двух орденов Ленина, лауреат Ленинской премии (присуждена за разработку сверхмощных магнетронов), заслуженный деятель науки и техники и — с апреля 1971 г. — Герой Социалистического Труда.

В мае 1971 г. А. П. Федосеев воспользовался пребыванием на международной выставке в Париже, чтобы остаться на Западе. Теперь он живет в Англии, где и продолжает свою научную деятельность.

Вся инженерная и научная деятельность А. П. Федосеева — человека, бывшего далеким от политики, — непрерывно приводила его к столкновениям с жестко регламентированной хозяйственной системой СССР. Логика ученого постепенно привела А. П. Федосеева к пониманию сущности социализма. Он увидел, что система социализма в СССР доведена до своего полного логического, технического и социального совершенства, люди превращены в винтики и болтики этого механизма, препятствующего любому научному, техническому и общественному развитию.

На основе своей жизни, на основе своего богатого опыта А. П. Федосеев показывает, что социализм — это западня, в которую очень легко попасть, но из которой предельно трудно вырваться.